

ГРАНИ САМОЦВЕТОВ

коллективный сборник

Белгород • Литературный караван • 2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Г77

Грани самоцветов : коллективный сборник / редакционная коллегия: Л. П. Брагина, О. С., Роменко, Ю. С., Рядинская [и др.]. - Белгород : Литературный караван, 2022. - 166 с.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Сборник вышел при поддержке Фонда президентских грантов. Авторы – члены Белгородской литературной студии «Младость» и победители конкурса «Проба пера».

Эта книга – сборник произведений наших современников. Они живут здесь и сейчас, пропуская нашу жизнь сквозь себя и, отражая её, преображают и создают новую.

Герои – мы с вами. Поэтому в зеркале творчества мы узнаем себя, и это зеркало не льстит, но учит лучше видеть и понимать себя.

В ней представлены стихотворения и проза 22 авторов, как уже признанных и любимых читателями, так и будущих знаменитостей, в самом начале своего литературного пути.

Цель издания: выявление и поддержка одарённых детей и молодежи, продвижение лучших литературных произведений молодых авторов, продолжающих традиции русской литературы.

ISBN 978-5-6047847-0-9

*ЧЛЕНЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ СТУДИИ
«МЛАДОСТЬ»*

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛАЗУРЬ

*«Однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком
за пальцами, нечаянно взглянула на улицу...»*

«Пиковая дама» Александр Пушкин

*«Очень красивый и трудный узор,
я сама его выбирала, и сама вышиваю...*

– Да и хорошо же вышивание-то!»

«Барышня Лиза» Федор Соллогуб

Немудрено, что Люба проспала. В комнате было тихо, сумрачно и душновато. Небо за окном затянуло тяжёлыми сизыми тучами, разбухшими от влаги и ждущими только дуновения ветерка, чтобы разразиться сильнейшим ливнем над городом. Первым желанием было позвонить на работу, сказать больно́й, а потом, заварив крепкого сладкого чая и бросив в чашку прозрачную солнечную дольку лимона, перечитывать, растягивая удовольствие, булгаковские строчки о грозах над древними и великими городами.

Но перед глазами незвано-непрощено всплыла постная физиономия главбухши, беззвучно шевелящей бледными и тонкими губами, незакрытые кварталные отчёты, а из-под одеяла высунула нос сонная Ивушка. Мечты отошли на второй план и растворились в повседневной суете. Наскоро умывшись, Люба скомандовала себе и, всё ещё сонно посапывающей на кровати, собаке: «гулять!» Через три минуты они выскочили навстречу стихиям. Прогулка прошла в почти спортивном темпе, а шквальный ветер и первые крупные капли начинающегося ливня заставили обеих выдать мощный финальный спурт, словно их силком заталкивали обратно в подъезд.

Сбросив обувь, Люба побежала в ванную и открыла кран:

– Ивушка, ко мне! Лапки мыть!

В ответ тишина, коридор пуст.

– Ива, бегом сюда!

И снова никого.

– Мне на работу надо собираться! Где ты есть?!

Первым делом Люба выглянула в тамбур. Раз было уже такое, когда Ивушка замечталась и отстала, а потом скулила на весь подъезд. За дверью собаки не было. На кухне, возле вожделенного и запретного мусорного ведра, тоже.

Люба растерянно оглядывалась по сторонам, выискивая укромные места, где можно спрятаться. Но, с другой стороны, зачем? Почему Ива не отзывается? Это так не похоже на неё. В груди хозяйки повеяло неприятным холодком, а в глазах заплескалась паника. Чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше, Люба зашла в спальню и присела на кровать.

Рядом на подушке, свернувшись калачиком, сладко посапывала Ива. Глаза у неё были томно прикрыты, но большие пушистые уши чутко подрагивали.

– С грязными ногами на мою подушку залезла! Да ещё и притворяешься, что не слышала, как я тебя зову. Бессовестная ты собака!

Ива выпорхнула пташкой в коридор на свой коврик и приняла вид неусыпного и неподкупного сторожа.

«Столько времени потеряла из-за этой пройды!» – с досадой подумала Люба. Коты за ночь наскочились и где-то дрыхли. Хозяйка насыпала в три плошки корма и две из них поставила на подоконник, чтобы Ивка не решила, что у неё сегодня шведский стол.

На свой завтрак времени уже не оставалось. А тут ещё и хляби небесные отверзаются. Люба скептически осмотрела свой маленький и хилый, в сравнении с надвинувшейся громадой из дождевых туч, зонтик, и стала мрачно запихивать его в набитую всякой всячиной сумку. Застёгиваясь, молния по-кошачьи выгнула спину с маленькими гибкими позвонками, а сама сумка потеряла прямоугольную категоричность и стала ближе к более совершенной геометрической фигуре – шару.

Решив сбросить балласт, Люба сунула руку в неведомый хаос и тут же под ноготь ей вонзилась металлическая игла щётки для волос.

– Оййй...

Зажмурившись от пульсирующей боли в пальце, Люба сунула его в рот, а другой рукой схватила сумку и вытряхнула из неё всё содержимое на письменный стол. Куча была похожа на пёстрый и причудливый муравейник. Наверху оказался кошелёк, набитый магазинными и банковскими карточками, мелкими деньгами, визитками юристов, стоматологов, сантехников и прочих нужных полезных людей, клочками бумажек с неопознанными именами и зашифрованными комбинациями чисел.

Тут Люба вспомнила, что у неё есть чёрный кожаный ремень с крошечной поясной сумочкой на нём. Девушка быстро сунула в неё пластиковую карточку, несколько купюр и защёлкнула на кнопочку. Она не стала вдевать ремень в джинсовые брюки, а просто застегнула его поверх тонкого серого джемпера, схватила зонтик и побежала на работу.

Раскрасневшаяся и растрёпанная влетела в бухгалтерию, как раз в разгар чайной церемонии.

– Что это вы, Люба, всё опаздываете? – главбухша неспешно отхлебнула кофе со сгущёнкой и с кислой миной чуть надкусила увесистый кусок торта.

Старательно отводя глаза от тарелок с колбасно-сырными бутербродами и соленьями, лавируя взглядом между блюдцами с пряниками и вафлями, филигранно огибая им вазочки с вареньем и мёдом, Люба покаянно опустила голову.

– Извините, Лариса Эдуардовна, закопалась, зонтик в сумку не влазил.

И сразу почувствовала жгучие взгляды коллег, словно три пары лазерных лучей скрестились у неё на поясе.

– А сложить его не пробовали? – с видом умирающего лебедя подала свой голос Соня-тихоня, сидевшая за столом в углу у окна с декоративными кактусами на подоконнике, и скривила в усмешке бескровные губы.

Лариса Эдуардовна поощрительно кивнула головой и изобразила на лице подобие улыбки.

– В такой сумочке только презервативы носят, – игриво подмигнула Марина Ивановна, – вот и опаздывают потом!

Она была постарше всех своих коллег, коренастая и плотная, с завивкой, которую Люба видела в детстве у маминих подруг. На работе Марина Ивановна носила бесформенные трикотажные блузки неопределённых оттенков. В отделе безопасности работал её муж, в чем-то неуловимо похожий на неё. Он иногда заглядывал в бухгалтерию, и супруги шёпотом подолгу что-то обсуждали.

От заблестевших озорным блеском глаз Марины Ивановны, Любины уши и щёки загорелись, стало неловко и жарко. Она бочком пробралась к своему столу, заваленному папками, села и включила компьютер. «А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли», – крутилось на языке.

«Господи, хоть бы не стать от такой работы толстой нервной тёткой», – подумала Люба.

Но вслух ничего не сказала, незаметно положила на колени «Мастера и Маргариту», раскрыла на столе папку с балансом и погрузилась в чтение. А коллеги вернулись к прерванному разговору.

– Как же вы там изъяснялись, по-английски?

– Да какой там английский, я ж не в зуб ногой, да и Коля туда же. Они там все на туристов заточены, вот пусть сами язык и ломают.

– А если поесть чего купить, тогда как?

– А руки на что? – Марина Ивановна раскрыла ладонь и зашевелила толстыми пальцами, – вот это значит осьминог! А это, – она выгнула сложенные вместе пальцы горбиком – креветки!

– И тайцы что, понимают? – недоверчиво хмыкнула Лариса Эдуардовна.

– И ещё как! Мы им заказ показываем, а они нам цену на калькуляторе, – Марина Ивановна протянула вперед руку с воображаемым калькулятором и изобразила слащавую угодливую улыбочку, склонив голову набок.

– И что ж вы там ели? – подчеркнуто отстраненно, но с плохо скрытой завистливой ноткой в голосе поинтересовалась Соня.

– Ой, да всё, что не приколочено! Только оно там у них или с сахаром всё, или с перцем. Сколько не талдычь им «ноу спайси», ни фи́га не работает. Вообще мы всё время там что-то хомячили, но старались больше налегать на фрукты, морепродукты, ну и все супчики их знаменитые перепробовали Том-Ям, Том Кха Каи...

– Да вы, Марина Ивановна, ведьма, – шумно вздохнула Лариса Эдуардовна, – Одни постоянно на диетах сидят, чтоб не толстеть, а другие едят, что захотят...

Марина прямо зарделась от удовольствия:

– Да немножко-таки прилипло к бокам. Чего ж мы только с Колей не попробовали! И змей, и крокодилов, и акулу. А через неделю так нашего чёрного хлеба захотелось и картошечки жареной, аж зубы чесались!

– А жуков и кузнечиков пробовали? – не спешила сдаваться чужому счастью дотошная Соня.

– Я хотела! На вечерних рынках столько этих насекомых было: саранча, бамбуковые черви, коконы шелкопряда, сверчки, скорпионы! – Марина Ивановна аж слюну сглотнула. – Помню, как-то нам дед попался с тележкой таракашек, весёлый такой, прямо при нас их жарил и на барабанах играл! Ещё и матерился по-русски! У них эти полевые кухни, макашницами называются. Вот они эту живность при тебе в чан с кипящим маслом кинут, через минутку вытащат, соевым соусом сбрызнут, чёрным перчиком и зеленью посыпят, завернут.

– И?...

– И покупатели горяченькими хрустят, как чипсами. А Колюня мой уперся, словно рогом, и ни в какую. Я ему: зря, что ли мы сто часов болтались в небе, чтоб потом всего бояться и стесняться? Это же такой шанс! А он говорит: я тебя больше и за деньги не поцелую.

Чтение у Любы не пошло. Полёты на щётке над Москвой казались пресными. «Пойти, что ли гусениц наловить и нажарить? Устроить себе персональный Таиланд?».

– А едой из этих макашниц вы не травились, там же, наверное, антисанитария жуткая?

– Да вообще ни разу! У меня желудок луженый, грех жаловаться.

– А я в Анапу сдуру поехала. Первые три дня после шторма водорослей столько нанесло, что в воду не войдёшь, не море – болото. Потом их граблями повытаскивали, на берегу в кучи посваливали, вонь ещё неделю стояла. Немножко покупались, но как с моря идём, сын постоянно ноет «есть хочу, есть хочу», все нервы вымотал. Зашли в какую-то забегаловку на пляже, взяли шаурмы и так траванулись! Вечером температура подскочила, рвота фонтаном, понос никакой уголь, никакой имодиум не брал. Пришлось вернуться на неделю раньше. Как вспомню, и сейчас волосы на голове встают дыбом. Назад едем, в поезде жара 30 градусная, мы из туалета не вылазим, со всем вагоном переругались, нас оттуда с нарядом полиции вытаскивали! Как вернулись – сразу в инфекционку загремели. А теперь вот ничего нельзя, только кашки рисовые да булочки хлебать.

Главбухша страдальчески сморщилась, сложила бровки до микромомента и достала пакет с баночками. Соня засуетилась, метнулась к микроволновке и, как высколенный швейцар, распахнула дверцу:

– Разогревайте, Лариса Эдуардовна, я потом!

Марина Ивановна с лоточками и кулёчками побежала на первый этаж, где в кабинете возле лифта обеспечивал надёжность и защиту Коля.

А Люба растерянно посмотрела на остатки торта и бутербродов и решила в перерыв выйти прогуляться.

Пару минут постояла на крыльце, вопросительно поглядывая на низкое небо. Дождь кружил где-то рядом, но пока ещё не собрался. В небольшую рощицу, что напротив работы, такую зелёную, звонкую, манящую прохладной свежестью в солнечный день, а сейчас просто тёмную, угрюмую и молчаливую, идти не хотелось. И Люба задумчиво побрела дворами по дорожке вверх, перешла через дорогу и оказалась у ворот фермерского рынка «Изобильный».

На прилавках высились горы всевозможных фруктов и овощей, их яркие краски расцвечивали общую серость дня и поднимали настроение.

Рынок жил в своём ритме, народ деловито сновал, торговался, толпился у прилавков. Надо всей этой суетой и ором витали, смешивались и околдовывали тёплые, пряные, сладкие ароматы сочной клубники, солнечных абрикосов, ранних дынь, влажной зелени.

Люба подошла к крайней палатке, где очередь была поменьше. Ей очень понравились персики: их бархатистые румяные бочка, налитые соком, так и притягивали взгляд. От них веяло солёным морским бризом и сквозь монотонный базарный шум Люба расслышала далёкие крики чаек, ночные вздохи волн у прибрежных валунов и вкрадчивый шёпот гальки. В детстве, она с мамой часто ездили в Крым. Порой их завтрак или ужин состоял только из фруктов, таких спелых, сочных и сладких, что не хотелось никакой другой еды.

Стоявший рядом с ней симпатичный молодой мужчина, взял пакет и только протянул руку, чтобы выбрать персики, как дородная красномордая торговка, возвышавшаяся над прилавками, гаркнула на весь ряд:

– Не лапайте! Переменёте все, а мне их потом продавать надо! Я вам сама наложу подряд!

Она торговала на пару с мужем, плюгавеньким мужичонкой в растянутой грязной футболке, который тут же подвякнул с идиотской ухмылкой:

– Это тебе не женская грудь, нечего их щупать!

– Вы тут ещё любовью займитесь! – раздались негодующие голоса сзади.

Люба с молодым человеком в немом изумлении замерли, глядя друг на друга, а потом синхронно уставились на персики.

Но, как оказалось, гневные пожелания были адресованы молодой студенческой паре, стоявшей в обнимку позади Любы. На них надвигались, грозно тряся бульдожьими брылями и выгалкивая из очереди, две желеобразные толстухи.

– А если хотите трахаться – яростно заорал проходивший мимо тощий и жилистый дед с ведром картошки, за которое цеплялась тонкой ручонкой девочка лет пяти, – трахайтесь на хате, а тут дети!

– Мы на рынок ходим за продуктами! Мы семьи кормим, а вы бессовестные, что вытворяете?! Что нам потом делать с нашими нервами? – уже вслед убегающим сконфуженным пареньку и девушке, стенала взбудораженная очередь.

– А потом удивляемся, что молодёжь стерильная – чальдфри, – сально ухмыльнулся седой приземистый коротышка, подерживая и поглаживая снизу отвисший живот, – спугнули голубков.

Это подлило масла в огонь. Очередь загалдела, распаяясь всё сильнее. Но пузатый коротыш тут же принял суровый вид, как при выносе знамени:

– Я вот писателем работаю. Был в горячих и холодных точках волонтером. Увечье получил. – Он ткнул пальцем себе в щёку, через которую вертикально проходила застарелая кошачья царапина. – Уже чуть ли не ночью в вузах – всё толкую им о Родине, о Новороссии, о Сирии, о дне засушном. И что, думаете, знают они, кто такой Павка Корчагин или Молодая гвардия? Думаете, знают? Ан нет! Ни хрена они не знают, эти господа!

Он высморкался в пальцы, вытер их о пучок укропа на прилавке и продолжил свирепо:

– Ноль понятия! Молодёжь никакая! Школы и библиотеки – никакие! Заниматься патриотическим воспитанием – как в штыковую ходить!

Вернувшись на работу, Люба застала демонстрационный показ правой ноги Марины Ивановны. Она сняла босоножку, подёрнула повыше юбку, и поставила ногу на стул, словно собираясь исполнить приватный танец. Нога была вполне обычная, целлюлитная, покрытая рыжеватым загаром, а вот у щиколотки багровело большое пятно.

– Вышли мы с Колюней из бара, коктейли там просто обалденные, и взяли на вечер пива местного. Приложились так душевно, а после пары – тройки банок, как водится, решили градус повысить. Мы домой презентов закупили и решили ещё из запасов одного Сан Саныча выдернуть.

– Кого-чего выдернуть?

– Ну, это наши так местный ром Санг Сом называют. Вообще вещь классная, мягкий, сладковатый, пахнет травками какими-то пряными и, главное, недорогой. Мы его сначала с пепси мешали, потом перешли на чистый. Тут мне в голову и шибануло, на подвиги потянуло, и решила я при луне искупаться. А Колю, наоборот, сморило и он в номере остался.

– Голой искупаться? – у Сони заблестели глаза и замерцали розовые пятнышки на щеках.

– Хм, до этого не дошло. Принесло меня на пляж, в голове туманы, а там...

– Что?

– Да что, иду я по берегу вся такая романтичная и вдруг под ногой что-то мягкое, склизкое, как вцепится! Да больно, будто ногой в куст крапивы влезла. Я от неожиданности на песок грохнулась и как заору! Там кое – где люди были, так они вместо того, чтобы помочь – поразбегались сволочи!

Люба вспомнила Чёрное море и фото, где она улыбается, держа за купол прозрачно-льдистую медузу, похожую на хрустальный колокольчик. Вспомнила и свои ощущения – какая морская жительница гладенькая и влажная. А потом, вернув её морю, радовалась, что та не потонула, а покачиваясь на воде, продолжила своё увлекательное путешествие, похожая на миниатюрный космический кораблик.

– Марина Ивановна, а в Тайланде люди на улицах целуются?

Марина прервала рассказ и просканировала взглядом рентгеном Любу сверху вниз и обратно.

– Ну ты и спросила! С этим как-то всё сложно. С одной стороны, народ за разворотом туда ездит. Там той страны, кот наплакал, а только официально миллион проституток всех полов! В Паттайе они просто кишмя кишат! Мы как-то с Колей решили прогуляться по Волкин стрит, так они гроздьями цеплялись, шли как сквозь строй: то от одних, отбивались, то от других, то вообще не пойми от кого. А с другой, они, видишь ли, страна строгих моральных устоев и глубоких традиций. Прикинь, закон ввели запрещающий школьникам и студентам обниматься и целоваться, причем

не только в общественных местах, но и в приватной обстановке! Типа мораль они нарушают.

– А если поймают, интересно, что будет?

– Ну, вроде как лекции им читают, а может, «свинью» как у нас раньше из вытрезвителя, в школу и родителям пришлют.

Марина Ивановна ещё раз пристально посмотрела на Любу и почти сочувственно резюмировала:

– Ты съезди в Турцию для начала, там хоть человеком себя почувствуешь.

Люба тяжело вздохнула и уткнулась в бумаги. Баланс не сходил.

– Привет, куркуляторы! Извините, что помешал вам деньги прятать! Вот вам оригиналы договоров, – просунулась в дверь коротко стриженная, похожая на кактус голова, а вслед за ней протиснулся и весь Сёма Бинкевич кипучий оборотливый менеджер из отдела продаж. – Что-то вы все печете, девушки, печете... – посоветовал он, одной рукой засовывая в рот бутерброд с колбасой, а второй зачерпывая из вазочки столовой ложкой клубничное варенье, и собираясь отправить туда же.

– Умница, Сёмочка, один ты всегда вовремя документы сдаешь – главная расплылась в приторной улыбке, – бери, ешь, сколько хочешь!

– И вы, девы, угощайтесь, упивайтесь, прелюбодействуйте!

Раскрасневшаяся и разулыбавшаяся Соня не сводила с Сёмы восторженного взгляда, Марина Ивановна уже наливала для Сёмочки чашечку чая, как дверь снова приоткрылась.

– Здравствуйте, – водитель Миша Вертляков потоптался на пороге, но поскольку на него никто не обратил внимания, нерешительно шагнул вперёд. – Накладные на асфальт мне выпишете и счёт фактуру.

– Паспорт давай! – хищно зыркнула Марина Ивановна.

Миша, почуяв подвох, мотнул головой и как стреноженный конь начал переступать с ноги на ногу, угрожающе выпячивая косявые колени:

– У вас же есть все мои данные в базе, зачем?

– У нас-то есть, – она насмешливо оглядела его нескладную фигуру, – а вдруг у тебя ещё что появилось или убавилось...

Мужским вниманием сотрудницы «ДорСтроя» обделены не были, поскольку коллектив в основном состоял из сильной половины человечества: заветренных и продубленных солнцем рабочих, сильных мастеров и прорабов, белых ИТР-овских воротничков,

заносчивых добытчиков-менеджеров, маленькой закрытой касты айтишников. Но тут крылась одна немаловажная деталь. Когда Михаил Вертляков устроился на работу, было ему чуть за тридцать и в первый же день в курилке кадровичка многозначительно смачно поделилась новостью: он – холост и женат ранее не был.

Издали Вертлякова можно было принять за ходячий циркуль из школьной готовальни. Будучи высокого роста, он зажимал свою голову узкими плечами, а длинные и широко расставленные ноги довершали сходство. Вертляков был похож больше на затюканного студента ботана, чем на водителя, являя собой профантагониста сложившемуся образу матёрого небритого шоферюги. А в первую же пятницу выяснилось ещё одно диво дивное: Михаил был непьющий.

Все последующие три года Миша будоражил и дразнил неясными перспективами всю незамужнюю часть женского контингента. Если в перерыв он обедал в столовой, к его столику мгновенно устремлялись с подносами девицы из планового, экономического и нормировочного отделов. Он не сторонился их, но и не обнадёживал, только кивал в ответ на все пожелания приятного аппетита и утыкался взглядом и носом в тарелку или в стакан.

«Душнила занудный», – раздражённо фыркнула Соня после очередной неудачной попытки завести разговор с Вертляковым. Странного водителя подозревали и в гораздо худшем, но неустроенные и любопытные сотрудницы продолжали тянуться к непонятному, как мотыльки на огонь. Досужие кумушки пытались докопаться до истинных причин его целибата. Марина Ивановна подсылала к нему своего благоверного с доверительными мужскими разговорами, но тверёзый Миша проявлял удивительное соответствие своей говорящей фамилии. Он как-то незаметно уворачивался от прямых вопросов, заговаривал, заболачивал тему так, что собеседнику становилось скучно, тошно и тянуло в сон.

Как-то с месяц тому назад, Люба не пошла на обед, а осталась добить какие-то срочные сводки-сверки. Суетясь между монитором и ворохом бумаг на столе, попутно прихлёбывая чай из чашки, она услышала, как в их кабинет вошел Миша. Точнее уловила легкий сквознячок.

Он молча прошёл и присел за стол напротив. Люба удивлённо подняла брови и вопросительно взглянула на молодого человека.

- Никого нет, все на перерыве.
- Можно я посижу?

– Что значит, посижу? Я тоже сейчас занята. Через полчаса приходи.

Вертляков кинул быстрый взгляд на дверь, потёр переносицу, погладил себя по щеке, заёрзал на стуле и остался сидеть на стуле как приклеенный.

Любе показалось, что Миша постоянно видоизменяется, как в старом мультике про пластилиновую ворону. Его непрерывные и неконтролируемые хаотичные движения вместе с неестественным выражением лица, начали уже напрягать, хотя угрозы девушка не чувствовала.

– А ты вообще по какому вопросу?

Его и без того тонкие губы сжались и вытянулись в нитку. Вертляков сгорбился, замер и угрюмо уставился в пол. Люба мудро решила тоже сделать паузу.

– Ну, тут, короче, такое дело, спёкся я. Женился.

Даже если бы она была не замужем, он ни как мужчина, ни как сослуживец не интересовал её от слова «совсем». Если мельком поздоровались на лестнице пару раз, так и то много. А на все эти смотрины-паломничества во время приёма пищи Люба только плечами пожимала, недоумевая – зачем так назойливо лезть к какому-то странному шофёру? «Я ему поп на исповеди что ли, с чего это он решил мне исповедаться? – раздосадовалась девушка. – Поработала спокойно, блин!» Но новость всё же оказалась неожиданной, и Люба отогнала всплеск возмущения.

– Поздравляю! Совет да любовь, как говорится. Если ты за материальной помощью, то это пока не к нам, а сначала к главному или в профком сходи.

Миша криво улыбнулся в ответ:

– Спасибо. Я другое спросить хочу. Вы вот тут с бумажками работаете, – он нервно открыл верхнюю папку «Касса» на столе у Сони и выхватил первый попавшийся листик, – а если, например, нужно печать свести, чем лучше?

– Положи на место и не трогай тут ничего! Какую печать? Ты что несёшь?

– Со странички – раздалось глухо, как из танка.

Люба оторопело уставилась на посетителя:

– Какой?

– Ну, четырнадцатой, в паспорте, «Семейное положение».

– Зачем?!

– Ну, мы с Леной ещё когда только начали встречаться, мне мама сразу истерику закатила: «выбирай или я, или она».

– А почему?

– Они с моим отцом в разводе, я у неё один, она меня вырастила, привыкла, что мы вместе всегда и что я ей обязан. К тому же Лена постарше...

– Прислушаться к её мнению, конечно, стоит, но решать-то тебе. Если мужику за тридцать, а за него решают с кем ему быть, значит, мозгов у него, как у тумбочки. И что ты ей на это сказал?

– Я не стал спорить, это все равно бы кончилось скандалом. Я как-то ещё в пятом классе ей вместо шоколадного сливочное мороженое купил, так она со мной две недели не разговаривала.

– Бойся меня – люби меня, понятно... Подожди, так в чём проблема-то?

– Мы год втихую встречались, а месяц назад Лена зале...

От возмущения Любу аж подбросило:

– Что?!

Миша заёрзал на стуле, закашлялся и поправился:

– Сказала, что ждёт ребёнка. Мы подали заявление и нас расписали.

– Как такое возможно? Не на улице же и не в кафе она забеременела?

– Ну я дома говорил, что меня в командировки в районы на пару дней в неделю посылают и жил это время у Лены. Так вот, вчера вдруг за ужином мама ни с того, ни с сего спрашивает: «Как там Лена поживает?» У меня чуть котлета в горле не застряла! «Хорошо поживает», – говорю. А она: «А откуда ты знаешь, вы же расстались?» «Ну, от кого-то слышал, что даже замуж вышла». И тут она выдает: «А не за тебя ли?» – улыбается, а взглядом, как перфоратором меня долбит.

Вертяков нервно сглотнул.

– Я поклялся, что, между нами, давно ничего нет, мы не видимся и не слышимся. И тогда она потребовала показать паспорт... Еле выкружил время до завтра, уже до сегодня, дескать, в машине забыл. А вечером она будет проверять.

Люба смотрела в его лицо и представляла, как он держит за руку и произносит этой незнакомой ей Лене: «Клянусь быть с тобой в радости и печали, болезни и здравии, в богатстве и бедности, любить тебя и оберегать наш союз до конца жизни...»

– А скажи, если не секрет, из-за чего твои родители разошлись? Твой отец пил?

– Нет, не пил, он обманывал, изменял матери.

Люба грустно кивнула своим мыслям, всё подтвердилось.

– Так вот, там печать такая неясная, бледная, если правильно раствор подобрать, её совсем не видно будет... – продолжал бубнить отвратительный тягучий голос.

Люба вскочила и глядя в его суетливо бегающие глаза, громко отчеканила:

– Вон отсюда, жених недоделанный! И чтоб духу твоего здесь не было!

Миша бросился к двери и столкнулся с работницами бухгалтерии, которые в полном составе с радостно-возбужденными лицами, намешливо изогнутыми губами, иронично улыбающимися глазами преградили шофёру путь к бегству и стали свидетелями его позора. Марина Ивановна ехидно пропела:

– А говорила, останусь поработать! А они тут отношения выясняют. Мы не рано вернулись?

– Вовремя! Сейчас все вместе будем печать сводить! Мы ж тут уже наловчились, поднаторели в этом!

После того, как в бухгалтерии узнали о его истории с женьбой, интерес к Мише не пропал, но принял другие, нелестные для него формы. Про беспутного шофера Вертякова узнали все, включая техперсонал.

Ветеран «ДорСтроя» уборщица, по-новому клининг-менеджер, Христя Петровна Косарь, и та не упускала случая проехаться по пижонским ботинкам Вертякова насквозь мокрой, грязной, провонявшей аммиаком и хлоркой, тряпкой на швабре. А несменяемый вахтёр этого солидного учреждения Анатолий Митрофанович Зайцев, взбадривавший себя по утрам забористым шансоном из радиоприёмника и торкающим чифиром из хромированного термоса, грозил, пробежавшему мимо вертушки Вертякову, кулаком с наколотыми перстнями на пальцах и орал: «Дырявим кружку и под шконку!»

Предводительница местных соискательниц уз Гименея Оксана, та самая кадровичка, давшая путёвку в жизнь и возможность влиться в коллектив новому водителю, в перерыв направлялась, как и раньше, с подносом к его столику, но не садилась рядом. Тряхнув длинными разноцветными дредами и прикрыв смеющиеся чёрные глаза, кадровичка томно вопрошала:

– Кукусик, а не хочешь ли ты на мне жениццо?

А иногда просто останавливалась перед ним, как вкопанная, но потом, словно вспомнив что-то, меняла траекторию. Остальные отвергнутые и обманутые невесты осуждающе и насмешливо косились на Вертякова и шушукались.

Когда водитель в очередной раз зашёл в бухгалтерию за накладной, Марина Ивановна грозно сдвинула брови:

– Паспорт давай!

– Зачем?! – опешил Вертляков и стал затравленно озираться по сторонам.

– Пришла новая должностная инструкция! – сурово ответила бухгалтер. – Мы теперь обязаны при выписке накладных идентифицировать перевозчика по паспорту!

Вертляков покорно положил на стол паспорт как фиговый листок, прикрывавший его срамное место, и вид водителя приобрёл совсем жалкий вид.

– Ёлки, палки, лес густой, едет Ванька холостой... Таак, и куда это ты намылился? – не спеша перелистывала странички Мишиного паспорта Марина Ивановна.

– Мне в Чернянку надо ехать! Там бригада асфальт ждёт! – занервничал Вертляков.

– Вы там совсем охренели, в окно не смотрите? Дождь собирается! Снова в лужи будете свой асфальт сыпать?

– Я дороги не делаю. Мне сказали отвезти, я человек подневольный.

– Вот поэтому колдобины и выбоины на дорогах, что таким как ты все равно! Готовы что в грязь, что в снег народные деньги зарывать! А это и мои денежки между прочим!

Лариса Эдуардовна снизошла насмешливо:

– Ну что вы, Марина Ивановна, не знаете, это же народная примета: если дорожники с утра начали класть асфальт – это к дождю.

– Да какой с утра! Уже пятый час, а мне же ещё ехать! И людям работать надо. Выпишите мне бумаги, – раскипятился Вертляков.

– Может тебе ещё налоговую декларацию заполнить? Знаем какие вы работнички! Потом в эти ямы целые машины проваливаются, – злостно продолжала Марина, – нас за ваши «заплатки» на дорогах уже весь народ клянет! Сын боится из дома выходить, бардак развели.

Вертляков приосанился и сменил тактику:

– Для нас шофёров нет плохой погоды. Когда я вез саженцы в ботанический сад, шел град, зато какая теперь сирень там благоухает.

– Ну прям принц с обложки журнала «Сельские хроники». Больше ты ни на ком из нас не женат?

Вертяков зло прищурился в сторону Любы, но она не удостоила его своим вниманием.

Главная закатила глаза:

– Девочки, «мы тупеем на этой войне», но мы должны делать нашу работу. Выпишите уже ему эту накладную.

В дверях возникла Христя Петровна в длинных жёлтых резиновых перчатках по локоть, с цинковым ведром и почерневшей деревянной шваброй в руках. Пересчитав хищным и зорким ястребиным взглядом оставшиеся бутерброды и пряники на столе, она мотивированно потребовала:

– Рабочий день кончается, мне убираться надо, а тут всё зудёшь и зудёшь какая-то! Что ж вам неймётся-то? Идите уже по домам!

Через пять минут Марина Ивановна протянула Мише бумаги и паспорт. Бухгалтер как заправский гаишник козырнула и напутствовала: «Счастливого пути! В следующий раз быстро не женись!»

А рабочий день и правда закончился. Но Люба не чувствовала ни радости, ни облегчения. Казалось, этот киселеобразный, вязкий день продолжит тянуться за ней, как след за улиткой. До дома было полчаса пешком и столько же, если подождать на остановке битком набитую, душную, еле ползущую сквозь пробки маршрутку.

Люба выбрала первое. «Лето всё-таки, пройдусь по воздуху», – решила она. Надо было проветрить голову от всех этих нескончаемых и бесполезных разговоров, которые слились в один фоновый шум. Хорошо бы помечтать, как в детстве, увлечься какой-либо выдумкой, так, чтобы стёрлась граница между ней и реальностью.

Стал накрапывать дождик, почти неощутимый и незаметный, больше похожий на лёгкий туман. Она брела с полузакрытыми глазами, подставляя лицо небу, вдыхала сырой тёплый воздух, и думала, что это похоже на ингаляции, которые ей назначали в поликлинике, когда у неё зимой был бронхит.

Потом пахнуло холодком, зашептались взволнованно верхушки деревьев, затрепетали листья берёз и тополей вдоль дороги, и послышался дальний раскат грома. Почти сразу на землю обрушился проливной обломный ливень. Ветер с шумом гнал стену воды, разворачивая и наклоняя её то в одну, то в другую сторону. Люба заметалась в поисках укрытия и вспомнила про зонтик. Но едва раскрыла его над собой, как яростный порыв ветра вы-

вернул шляпку спасительного средства наизнанку, а потом смял как нежный цветок вьюнка. Шток зонтика страдальчески хрустнул и надломился, а девушка вымокла до нитки.

«Довёз-таки Вертляков асфальт и бригада работающая попалась!» – горько усмехнулась себе Люба и помчалась, не разбирая дороги по кочкам и лужам к ближайшему торговому центру.

Чтобы переждать непогоду и немного обсохнуть, девушка бродила между сверкающими витринами, обходя работающие кондиционеры, от которых всё тело под мокрой одеждой покрывалось гусиной кожей, и начинал бить озноб. Одежда, обувь, сумки сливались в одно серое невыразительное пятно. Любимый часовой отдел был ничем не привлекательнее посудного. И всё же, чтобы хоть как-то разбудить свои эмоции, Люба попросила показать механические «Лонжин». Поднесла к уху и услышала мерное, тихое и таинственное «тик-так», на которое раньше сердце отзывалось радостно-восторженным удвоенным «тик-так-тик-так». В этот раз оно промолчало.

Люба равнодушно отдала их назад и перешла в обувной. Скользнув спокойным взглядом по полкам, с досадой отвернулась: даже если бы она была сороконожкой, ни кроссовок, ни туфелек ей не хотелось, что было самым обидным. Сверкающие и разящие лучи ювелирных витрин улетали «в молоко». Настырные скидки «с доплатой» навевали скуку – всего этого великолепия её душа не принимала.

Люба вдруг вспомнила, что, когда она была маленькая, в городе был один единственный ювелирный магазин «Топаз». Золото, как и многое другое, было тогда в дефиците, за ним отставали огромные очереди. Мама рассказывала, как сэкономила и откладывала с каждой полочки деньги на кольцо для дочери. Но и купить было непросто: как попасть в момент привоза, если целый день работаешь? Договаривалась с соседками, записывались, отмечались в списке.

Мама вынимала из маленькой бархатной коробочки золотой перстёнок с аленьким камушком и, нежно улыбаясь, говорила: «Вот подрастёшь, подарю тебе его и будешь носить!» Люба примеряла его на свои маленькие пальчики и каждый раз чувствовала холодок – не то от тяжёлого жёлтого металла, не то от картины давки и ругани в очереди, которую она живо представляла себе. Девушка действительно получила перстёнок в подарок на шестнадцатилетие и некоторое время носила, но потом положила в коробочку и доставала редко.

По этой же причине Люба недолюбливала и другие атрибуты советского «благополучия» – ковры и хрусталь. С книгами получилось иначе: подписных изданий с золотыми корешками у них дома не стояло, но благодаря пяти библиотекам, в которых Люба была активной читательницей, книги были везде и еженедельно обновлялись.

В школьной она брала программные, в ближайшей к дому ей разрешалось проникать в святая святых – книгохранилище и выбирать литературу самой. Каждый раз она испытывала прямотаки священный трепет, ощущая себя женщиной, допущенной в алтарь. Ещё в одной, маленьком и уютном филиальчике, дружеские весёлые библиотекари поили её чаем и угощали конфетами с печеньем, а она за это рассказывала истории из своей жизни и помогала заполнять формуляры. Но самой любимой была юношеская, до которой нужно было ехать в центр города остановок пять на автобусе. Там был отдел искусств, а Люба обожала читать жизнеописания художников и рассматривать репродукции их картин.

Её будущий муж Станислав, с которым она познакомилась ещё в ранней юности, каким-то стратегическим чутьем угадал в ней это пристрастие и в качестве первого подарка преподнёс Любе огромный, шикарно оформленный альбом «Искусство Византии». Запомнив произведённое подарком впечатление, он продолжал дарить ей художественные альбомы её любимых Саврасова, Шишкина, Врубеля. Но не долго, потом подарки стали заменяться полезным покупками, а спустя ещё какое-то время – нужными вещами...

Люба очнулась от воспоминаний и обратила внимание, что стоит, потеряв счёт времени, у дверей небольшого магазинчика с примечательной вывеской «Женское счастье». Печально улыбнувшись, она вошла внутрь. На полочках, прижавшись бочком к бочку, уютно расположились пушистые и гладенькие моточки пряжи всех цветов и оттенков, причудливыми морскими камушками раскинулись пришитые на картонках пуговицы, серебряным и золотистым блеском сверкали спицы, крючки и прочие приспособления для рукодельниц.

В углу на стуле восседала продавец без возраста с бесстрастным лицом и вязанием в руках. Впечатлительная и начитанная Люба завороченно следила за движениями тончайшей нити, а в голове зловеще зажуужала кузнецовская «Муха»: «Я у

дремлющей Парки в руках Нить твою задевала впотьмах, И она смертный стон издавала».

«Кто она из трех сестер, интересно: Нона или Децима?» – задумалась девушка. Имя третьей Люба даже мысленно страшилась назвать. И тут вязальщица медленно потянулась за ножницами. Люба в мистическом ужасе попятилась и была готова бежать от этого магазина подальше и без оглядки. Но внезапно туманный взор женщины-парки прояснился, она положила ножницы под прилавок и обратилась к Любе с извечным вопросом:

– Что вы хотите?

«Хочу быть счастливой, – чуть не вырвался ответ. Но вместо этого она вдруг спросила:

– А почему ваш магазин так называется?

Продавец понимающе улыбнулась, словно услышав невысказанное, и неожиданно продолжила:

– А вспомните, как начиналась «Сказка о царе Салтане»?

– «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...», – машинально произнесла Люба и начала смутно догадываться.

– Правильно! А что делали во время прядения эти девицы?

– Общались, мечтали, загадывали о будущем...

– Не просто мечтали, а создавали своё желанное будущее своими руками.

Люба кивнула, удивившись про себя как непрост наш лёгкий и солнечный гений. Знал он про греческих мойр и римских парок? Несомненно. И одним озорным движеньем пера усадил их в русскую светлицу прясть судьбы! А если ещё почитать вот отсюда: «и роди богатыря мне к исходу сентября» не в ночь ли под Рождество грел уши царь-государь «позадь забора»?

– А в Рождество границы миров становятся тонкими. Прошлое, настоящее и будущее становятся одним целым, а слово и дело наполняются особой магической силой. Гоголю-то хоть верите? – прощбетала юная рыжеволосая девушка с ямочками на щеках за прилавком.

– Я обязательно что-нибудь у вас куплю, – выдохнула ошеломлённая Люба, глядя в её блестящие зелёные глаза и не веря, что ещё миг назад ей казалось, что за вязанием сидела почти старуха.

– Выбирайте!

С раннего детства у Любы самым любимым увлечением была вышивка. Маленькой она часто сидела возле бабушки и, затаив дыхание, смотрела, как под её лёгкими руками на белом поле

начинают проявляться нежные лепестки, а затем распустившиеся бутоны роз, неотличимые от настоящих. Казалось, что они благоухают и над вышивкой витает живой медовый аромат. Это было настоящее волшебство, которое затягивало и хотелось в нём участвовать.

Упросив бабушку дать ей канву и пяльцы, и самое главное, доверить основной магический предмет – иголку, Люба, прикусив кончик язычка от усердия, училась вышивать. А бабушка подавала ей разные ниточки и рассказывала про них: красные защищают от опасности и злых людей, на здоровье – жёлтые и оранжевые, к чистоте и верности сердечных чувств – зелёные и розовые. А заметив, что внучка устала или приуныла, забирала пяльцы со словами: «Сердце веселится, и розы цветут. Хватит, моя Любонька, а то грусть пришьёшь».

Рассеянно перелистывая стойку-книжку с наборами для вышивания, Люба вспомнила о том, сколько горя выпало на долгую бабушкину жизнь: революция и две войны, смерть троих детей, голод и изнуряющий, непосильный труд. Разве цвели её дороги розами, исполнялись заветные желания? Наивная вера в крестики из цветных ниточек на растущую луну и Параскеву Пятницу против мировых катастроф. И как выстояла, перенесла и вытерпела маленькая хрупкая женщина всё, что крушило огромные грозные армии, как сохранила в себе свет и тепло? Может быть для того, чтобы и её научить вышивать розы?

Люба зажмурилась и представила, что распахивает дверь в прекрасное далёко, произнеся про себя проверенное заклинание: «Куда сердце лежит, туда и око глядит». Перед ней открылось сверкающее под солнцем море с яркими разноцветными бликами на тёмной, густой синеве, сливающейся у горизонта с лазурным бездонным небом. Между небом и морем скользили лёгкие парусники, по скалисто-каменистому, но зелёному склону, к воде спускались красочные домики и всё это было пронизано покоем, радостью и светом.

– Это рай?

– Это Лигурийское побережье. Набор называется «Итальянская лазурь».

С картинки, как из окошка в лучезарный радостный мир, струился солнечный свет. Он волновал и вызывал в Любиной душе ощущение ожидания праздника. Не выпуская заветный пакет из рук, она заплатила две тысячи и побежала домой, не обращая внимания на всё ещё морозящий редкий дождь.

Как только Люба открыла входную дверь, радостное оживление сразу испарилось и настроение испортилось. В прихожей как Мамай прошёл. Мимо метельными вихрями пронесли коты-болиды, за которыми стелилась позёмкой побелка.

– Привет, подай мне чёрный строительный маркер, – раздалось откуда-то сверху из кухни.

Станислав стоял на стремянке в наполеоновской треуголке, сделанной из газеты «Советская Россия». С мастерком в руке он примазывался к трудовому народу и одновременно глумился над цеховым братством штукатуров. Пол и стены были заляпаны извёсткой. Осторожно переступая через дрель, уровень, ведро с водой, разбросанные шпатели и валики, Люба добралась до маркера и подала его мастеру – ломастеру.

– А я хотела чаю выпить, на улице дождь...

– Некогда тут чаи гонять, работать надо! Сколько эта разруха будет продолжаться?

«Шёл четвёртый год войны...» – про себя грустно констатировала Люба, простившись с чаем, ужином и тихим вечером. Как достали эти ролевые игры в стиле садо-мазо. Эротики в них было меньше, чем в купании девяностолетнего дедушки. Вместо того, чтобы пригласить бригаду специалистов, он решил выместить свои детские обиды, компенсировать юношеские неудачи и продемонстрировать третичные половые признаки. Стас объявил «джихад» всему живому, что ещё осталось в квартире и частично соседям. От этого «ремонта» Любе хотелось бежать куда глаза глядят из собственного дома.

– Ты с Ивой гулял?

– Гулял, – раздражённо буркнул Стас.

– А где она?

– Блин! Ну не дадут поработать! – Он покрутил головой, с досадой спустился и распахнул дверь в ванную. В мойке молча стояла и дрожала Ивушка, лапки её скользили, она переминалась, старалась удержать равновесие. – Лапы помыл, тут телефон зазвонил, вот и забыл спустить...

Муж вернулся на стремянку.

Оставляя на белом полу чёткие следы мокрых лап, перепуганная и плачущая Ива носилась по квартире, а потом спряталась в укрытие под телефонной тумбочкой, поджала хвост и затаилась. Люба содрогнулась, предвидя внеочередную генеральную уборку.

– Чёрт! Колпачок упал! Помогите! – раздавался вопль из кухни.

– Ну я пока не вижу, где он. Тут много всего...

– Вот же гад, ведь лежит где-то и молчит! Какие идиоты делают такие колпачки?!

– Какие такие?

– Отскакивающие! Укатывающиеся. Надо, как ручки в библиотеках – на верёвочке. Небось, он упал, а собака прибежала, схватила и к себе заныкала.

Под собачьим ковриком лежали только пуговичка и десять рублей. Колпачка не было.

– Наверное, съела. Рентген ей надо сделать!

«Господи, дай мне терпения!»

Люба пошла в спальню, сняла мокрую одежду, взяла полотенце и сухую футболку, собираясь в душ. И тут Стас взвыл нечеловеческим голосом. Из кухни раздался грохот металла и рёв:

– Я вас поубиваю сейчас всех!

Люба, бросив всё на кровать, кинулась на место катастрофы. Проскакав по кухонному бездорожью, ей в ноги врезались ополумевшие коты и скрылись под ванной. Разъярённый Стас схватил швабру и стал тыкать под ванную, намереваясь достать самые дальние углы с притаившимися там пушистыми бедокурами.

– Да оставь ты их в покое! Что они тебе сделали, эти мелкие пакостники?

– Смотри, что они сделали! – выкрикнул Стас и спустил спортивные. От паха вниз тянулись глубокие кровоточащие царапины. – Они меня кастрировать хотели! Я стоял, потолок шпаклевал, а они с разбега по мне как по дереву!

«Ну кто-то же должен был за меня отомстить!»

– Сейчас продезинфицируем, полечим, не волнуйся.

Всё ещё обиженная, Люба намазала царапины погуще зелёной и не подула.

– Да зачем зелёной, надо было перекисью, – шипел Стас. – Как я раздеваться на людях буду?

– Что?!

– Ну на пляже, ещё ведь сезон.

– Ну скажешь, если спросят, что тебе аппендицит вырезали. Или в горячих точках пуля навьлет прошла, ещё и героем станешь. Шрамы, как известно, украшают настоящих мужчин.

Бросив недоверчивый взгляд на так и не одевшуюся Любу, Стас подобрел:

– Ладно хрен с ними, пусть живут. Продолжим.

И снова отправился на кухню. Первое, что ему попало в глаза – конечно же, злосчастный маркер, лежащий на полу.

– Надо найти колпачок, иначе маркер засохнет. А его только неделю назад купил за 160 рублей!

Люба незаметно сняла крышку и указала мужу на кастрюлю, стоявшую на плите.

– Да он в манную кашу, наверное, упал. Помнишь рассказ про Таню-революционерку, как она шрифт для прокламаций в кувшин с молоком от жандармов и казаков спрятала? Давай я тебе в тарелку лучше положу, так быстрее найдётся. Только ты ешь не спеши.

Стас достал из холодильника бутылку водки, налил в рюмку, наставительно пояснив:

– Для дезинфекции: тьфу-тьфу-тьфу три раза – уйди вон за-за-за.

Доев вторую тарелку каши, он успокоился, тема колпачка перешла в разряд второстепенных, взглянув на часы Стас спохватился:

– Там «Постскриптум» начинается, ты тут ничего не трогай, я посмотрю и вернусь.

Заглянув через полчаса в зал, Люба увидела мирно храпящего в кресле «телезрителя», выключила телевизор, свет и тихо вышла.

Из последних сил домывая полы и стены, ровно в полночь Люба бросила тряпку и пошла превращаться из Золушки в Спящую красавицу.

Девушка приняла контрастный душ, расчесала волосы и понадеялась, что как только доберётся до подушки, сразу уснёт. Но сон не приходил. Люба забила в поисковике фазу Луны. Календарь показывал новолуние. И тут она вспомнила о своей покупке. Всё совпадало и благоприятствовало. Начинать вышивать мечту, да и вообще браться за такое важное дело нужно на растущей луне, то есть завтра, и совсем не случайно именно сегодня разыгрались стихии и её коснулась тень будущего.

На следующий день, вернувшись с работы, Люба с облегчением отметила, что ремонтные демоны, терзавшие душу Стаса, отступили перед дачными. На столе лежала записка: «Поехал спать картошку. Вернусь завтра».

Дождавшись появления на небе молодого, бледно-зеленоватого серпика месяца, с учащённо бьющимся сердцем Люба раскрыла пакет, достала нитки и начала рассматривать схему. Набор был сложный, многоцветный, с полным заполнением канвы. Будущая картина сорок пять на двадцать шесть сантиметров, а

вот крестиков на этой небольшой площади оказалось тридцать пять с половиной тысяч!

Но пускать это на самотёк, значит уподобиться гореремонтнику. Всё существо её воспротивилось. «Я могу умереть в любой момент, и не хочу без цели и смысла и дальше плыть по течению будничной рутины и чужой воли. Это всё-таки моя жизнь, я начну заново творить свои мечты и у меня хватит решимости!»

Подумав так и произведя некоторые нехитрые расчёты, Люба поставила перед собой мегазадачу: она будет шить каждый день, по три часа, по сто тридцать крестиков в час, и через три месяца картина должна быть готова. Самое сложное в этом было не пропускать ни одного дня. Но ведь это не какая-нибудь подёнщина, а знак судьбы, и, значит, нужно начинать не откладывая. И она выбрала центр вышивки, загадала невысказанное желание и с первым крестиком начала оживлять чистое полотно.

В первый день она творила облака. Иголка, как Боинг легко и серебристо прошивала пространство, и нитки скользили, точно белый след за самолётом. Три часа пролетели на одном дыхании. Когда на следующий день Люба была занята отделением тверди небесной от воды, вернулся Стас.

– Чего ты сидишь над этим столько времени, других дел дома нет? – проговорил он явно недовольным голосом. – Я там жуков колорадских травил, знаешь сколько их там?!

Картошки у них было две сотки, представить сколько там было жуков она могла, примерно столько же, сколько и в прошлом году, и позапрошлом, и два года назад, если только не случилось никакой биологической диверсии.

– И ты их два дня травил что ли?

– Я там так надыхался отравой, так вымотался, пришлось на пруд сходить, искупаться. Поплавал, хоть немного легче стало. Потом зашёл к Семёну, он как раз баню растопил, попарились, он рассказывал про кротов.

– Что про кротов?

– Ну как он с ними боролся, когда в Сибири жил. Поджарь лучше картошки!

Теперь после работы Люба засекала время и самыми короткими дорожками, а родной город она знала отлично, устремлялась домой. Пританцовывая, готовила ужин, и чтобы не терять драгоценного времени, на ходу съедала свою половину и пока было светло садилась у окна.

Помнится в детстве, была такая чудесная игра в «секретики». В приметном, но укромном месте, например, под берёзкой или кустиком сирени, в земле вырывалась небольшая ямка, на доньшко стелили кусочек конфетной фольги, а на нём раскладывались – пёрышко, ракушка, цветочек, бусинка, что было припасено «особо ценного». Сверху всё это сокровище накрывалось стёклышком, присыпалось землёй и помечалось прутиком. А потом тайничок показывался лучшему другу или подружке. Замирая от ожидания чуда, медленно-медленно пальцем расчищали окошко и любовались красотой.

Вот так, примерно, появлялись на белом холсте густые кроны деревьев, тёмная кромка моря у горизонта, тёплое и чувственное небо Италии, «небо Торквата»... И вторя словам поэта, Любина душа рвалась, объятая нетерпением, высвободить эту красоту.

Когда стали появляться мачты, белые и алые паруса лодок и яхт, супруг, заглядывая через плечо, поинтересовался: что это она шьёт?

– Кажется, Портофино...

– Это куда звёзды отдыхать ездят? Они там и так уже еле помещаются, и ты тоже что ли туда собралась?

Люба грустно посмотрела на мужа и отвернулась, чтобы скрыть подступившие к глазам слёзы. Она не отдыхала больше десяти лет. На работе никогда не возражали против её отпуска в летние месяцы. Но как только он приближался, начинали происходить необъяснимые события. Сначала заболел муж. Он позвонил с дачи и слабым голосом сообщил, что умирает. Люба тогда испугалась так, что у неё похолодели руки, ноги и одеревенело всё тело. На грани обморока, нашла силы вызвать такси, помчалась на садовый участок. Ехала и думала, что, если он просто устал или ещё чего хуже, выпил, она его сама убьёт. Стас сидел под деревом с закрытыми глазами, красный и горячий. Вдвоём с таксистом подняли, посадили в машину, привезли домой.

Стаса колотил сильный озноб, он стонал и жаловался на жуткую головную боль. Ртутный столбик градусника показал 40, а тонометр выдал на ЖК экране 200 на 120. Любу накрыл ужас. Приехала скорая помощь, сделала литический укол и уехала. Наутро все повторилось снова. Из поликлиники пришла терапевт, назначила противовирусные с антибиотиками, обильное питьё и выписала больничный.

Ночью добавились судороги, тошнота и рвота, и опять приезжала скорая. Конечно же, предложили больному не шутить с

такими симптомами и ехать в больницу. Но муж упрямо отказался от госпитализации, обругал бригаду «коновалами», отвернулся к стенке и уснул. Через день по ноге у Стаса стало расплзаться багрово-синее пятно, а сама нога распухла и покрылась кровавыми пузырьками. Погуглив симптомы, Люба поняла, что это могло быть только рожистое воспаление кожи или рожа – болезнь, о которой она раньше даже не слышала.

Вызванный инфекционист подтвердил её диагноз и страшно удивился, что больной до сих дома: «С таким тяжёлым течением болезни госпитализация обязательна – нужны регулярные обработки поражённой ноги, уколы по часам, наблюдение специалистов! Как же так?! Вы что, маленькие, не понимаете, что нельзя пускать это на самотёк?!» Врач возмущённо выговаривал им, а обозлённый Стас, приподнявшись на подушках, быстро и нервно подписывал отказные бумаги. После ухода инфекциониста он послал Любу с рецептами в аптеку. И почти месяц она ставила инъекции, обрабатывала лопающиеся пузырьки, давала таблетки, готовила лёгкую калорийную пищу, ну и всё остальное, на что оставались силы. Рожа возвращалась ещё два раза, так же летом и так же внезапно, страшно и на длительное время.

А потом попала в беду мама. Она поехала на дачу и, выходя из автобуса, только стала одной ногой на тротуар, как водитель, не глянув в зеркало и не закрывая дверей, начал движение. Любе позвонили из отделения травматологии уже к вечеру. Причём не врачи или медсёстры, а соседка по больничной палате.

Страшный диагноз – перелом шейки бедра – врач вынес с интонацией, в которой отчётливо слышалось: «смирись с неизбежным». Люба видела муку и обречённость в глазах бабушек, лежавших в больнице с такими же переломами. Потом их выписывали и отправляли домой умирать. Она денно и ночью молилась, чтобы маме выпал шанс попасть на остеопластику. И судьба улыбнулась им. После успешной операции Люба забрала маму к себе и ровно год ушёл, на то, чтобы научить её ходить заново. А ещё на два года растянулись хождения по следователям, адвокатам, судам и страховым компаниям.

Спустя год, когда утром Стас шёл на работу в метель, на пешеходном переходе его сбила машина. Этот страшный день запомнился Любе фразой: «оскольчатые переломы правой и левой голени со смещением отломков» и нахальным лицом водителя новенькой тойоты, совавшего ей смехотворные денежные бумажки...

Отделение травмы стало ей вторым домом. И наяву, и в коротких снах, похожих на забытё, она просит и просит врачей о помощи, возит мужа на инвалидной коляске, потом поддерживает, когда он делает первые короткие шаги на ходунках, радуется, когда палка возвращается за шкаф и он сначала идёт в бассейн, а потом возвращается в клуб любителей бега...

«Ладно, собралась и собралась, всем на земле хватит места под солнцем», – и Люба упорно и терпеливо продолжила вышивать. Результат вдохновлял: чудесная картина увеличивалась, раздвигалась и Люба прямо ощущала на щеке тепло солнечного света, а море блистало, лучилось и всё настойчивее звало её своим тихим плеском, скрипом уключин, криком чаек.

Иногда ныла спина и затекала шея, тогда она вставала, включала музыку, в основном шансон, он её бодрил, делала зарядку, и с отличным настроением и новыми силами возвращалась к вышивке.

Стас, наоборот, шансон терпеть не мог, по причине сугубо профессиональной: он был инженер по различным сигнализациям. Его фирма обслуживала исправительные учреждения, а там они почему-то постоянно выходили из строя. Скорее всего местные обитатели были с ярко выраженным техническим уклоном. Как только на «зоне» что-то сторало или ломалось, его вызывали разбираться и устранять.

Первое время он часами отмывался в ванной от какого-то особенного запаха, который, как ему казалось, пропитал его насквозь, плохо спал по ночам и хотел уволиться. Но потом успокоился и даже втянулся. Когда был на работе, на Любины звонки оптимистично отвечал: «Мотаю срок, откинусь, позвоню».

Когда она делала разминку под Наговицына, Кучина, Бобкова или Петлюру, Стас морщился:

– Господи, с тобой биполярку схватить – раз плюнуть. Сидит у окошка вся такая тургеневская барышня, крестиком вышивает, как ей и положено, и тут на тебе «вечер в хату»: «цифирок, кипиток, папиросочка». Прямо ненормированный рабочий день какой-то. Неужели нельзя под нормальную музыку зарядку делать?»

– Под «Лебединое озеро» товарища Саахова зарезать пытались, Брежнева хоронили и в Москву танки входили, а я человек мирный и далёкий от политики, в отличии от некоторых, – невинно поясняла Люба, незаметно увеличивая громкость.

Хотя, в глубине души, Люба испытывала определённое чувство благодарности к некоторым телепередачам, типа «Пост-

скриптума» по субботам. Но нескончаемые, вроде «Санты – Барбары», «Время» и «Вести», рекомендованные к обязательному приёму ежевечерне, как скипидарные ванны, терпела с трудом.

Стас вперялся в экран так, что, казалось, он весь там, а в комнате находится только его оболочка. Любе иногда хотелось выключить телевизор и посмотреть, что будет, но она побаивалась, а вдруг, и правда? Но и выключить было не так-то просто: Стас, как одержимый, не выпускал пульт из рук, перескакивая с канала на канал, давил на кнопки, словно старался выжать из телевизора все новости, как фреш, до последней капельки. Глаза его светились фанатичным блеском. В его расширенных зрачках взлетали и взрывались самолёты, в них отражались военные перевороты, коробки и квартиры с наворованными коррупционерами миллионами и миллиардами, молились и погибали заложники, тонули в холодных штормовых водах дети. Любе было страшно смотреть в эти глаза, гораздо страшнее, чем на экран. Иногда, напившись энергией под завязку, муж засыпал. Она на цыпочках подходила и пыталась тихонечко вытащить у него из рук этот жуткий «тренажёр для пальцев». Внезапно Стас широко открывал глаза и грозил пальцем: «Не трогай, я смотрю!»

Первый раз Люба аж взвизгнула. Для неё это было похлеще гоголевской панночки.

– Ты, как старый дед, спишь с телевизором!

– Да ладно, чего ты пищишь? Я тебя разве чем-то напугал?

– Я может, вообще подумала, что ты умер – телек работает, а у тебя глаза закрыты.

– Я, как индийский йог и сплю, и смотрю.

– Ага, был там такой йог, который в пещере сидел, не пил-не ел, то ли умер, то ли нет, так его местные жители золотой краской покрасили и стали поклоняться, как Будде.

Стас заулыбался, сравнение ему явно пришлось по душе.

– А я тебя тоже водоземлемульсионной побелю и на кладбище продам, с надписью «жертва зомбоящика».

– Сильно не заламывай, я к тебе ещё приду, и будет у тебя мелкий семейный бизнес. – Стас прямо взбодрился и повеселел, и кивнул на экран.

– Ты всё над своим Портофино чахнешь, глаза портишь, а их вон сколько в Питер на экономический форум понаехало, все каналы забили партнёры да почётные гости. В прошлом году «последний из могикан» на Алтае «Ой-ой-ым» пел и рыбу ловил, теперь ещё эти. Скоро вся Италия в моих тапочках ходить будет!

Затягивая нитку в иглоку, Люба рассеянно подняла голову:

– Почему?

– Да потому что им всем у нас мёдом намазано. Даже в войну вслед за Гитлером к нам за своей долей потащились. Хацапетовку взяли и на радостях напильсь, а потом ещё и подрались с немцами в местном кинотеатре! Хотя Гитлер их за солдат никогда не считал. Да что говорить, если они сами про себя пишут: «Итальянская армия никогда не отступает, она делает разворот и продолжает наступление». Хотя диверсанты из них получались хорошие, украсть или взорвать – это к ним, это у них в генах, наверное. У меня на работе бухгалтер, мы её называем Белокурая Жози, раньше жила в Новосибе, у неё своё турагентство было, деньги, сама красотка -выбирай любого, так нет – подавай ей итальянца. Нашла на сайте знакомств, завязалась переписка, в скайпе слюни-сопли, и так крышу бабе сорвало, что полетела к нему, что тот лепесток через запад на восток, через север, через юг... Он, правда, оплатить ей эти полёты обещал, а на деле протаскал её по пиццериям три дня, а на четвёртый, когда она домой собралась и про деньги напомнила, заплакал и сказал, что не хочет, чтобы она его покидала! И так безутешно рыдал, пока она домой не улетела.

– Везде уроды встречаются, зачем обобщать. Мне кажется, это у тебя чисто мужская ревность говорит, что она предпочла итальянца своим соотечественникам.

– Ревность? – Стас усмехнулся, – погоди, это ещё не всё. Она уже здесь ещё одного нашла, там же. Этот к ней сам прилетел, под видом романтических свиданий все закрутки на зиму у неё выел. А она уже «учёная», говорит ему – восполни! Повезла итальяшку на дачу, научила помидоры мариновать, в банки закатывать. Он вроде старался, пыхтел, крутил, а как только уехал, тут мины замедленного действия и пошли срабатывать! Бабахали так, что соседи на улицу выбегали, думали газ. О, смотри-смотри, посла Италии показывают. Красавчик какой, Чезаре Рагальини. Хотела бы себе такую фамилию?

– Что ты ко мне со своими итальянцами пристал? Вашей Белокурой Жози такие вопросы задавай! Можно подумать, что я эту картину вышиваю, чтобы найти итальянца!

– А зачем тогда ты её вышиваешь?

Люба, помня бабушкин совет никогда не работать в плохом настроении, в сердцах сложила вышивку и не отвечая пошла на кухню.

– Правильно, приготовь на ужин пасты. Самый вернейший путь к сердцу...

Картинка расширялась, как круги на воде. Белые лодки скользили, обгоняя друг друга, по синему сверкающему зеркалу водной глади. Люба растворялась в этом просторе, её наполняло чувство ликующей свободы, она чувствовала на губах солёный теплый бриз, слышала трепет и хлопанье парусов над головой. Высокий силуэт мужчины, стоящего на носу лодки, проплывающей мимо под багряным парусом, показался ей смутно знакомым. Хотелось рассмотреть его лицо, вдруг это Джордж Клуни или вообще Брэд Питт, но тень вмиг растворилась в солнечном мареве.

Каждый раз, садясь за свои ежедневные 390 крестиков, она успокаивалась, собиралась с мыслями и, словно беседуя с самым лучшим и верным другом, спрашивала себя – «чего же я хочу?»

Любе хотелось не просто поехать отдохнуть. Она загадала и ждала от этого яркого итальянского чуда большего. Устав от серой предсказуемой обыденности, заезженной колеи ежедневных забот, постоянного ощущения безвыходности из этого замкнутого круга, встречая каждый новый день, как врага, отнимающего у неё силы и саму жизнь, девушке хотелось родиться заново. И чтобы в её новой судьбе не было случайных людей, вредного для её здоровья климата, слабости и неверия в себя. Переходя к новому цвету, она продевала нитку в иголку и легко проводила по нитке пальцами сверху вниз, словно выравнивая свои перепутанные мысли и дороги. Её дыхание тоже выравнивалось, становилось ритмичным, крестики получались шелковистыми, яркими, наполненными объёмом.

Утром Любу разбудил визгливый скулёж дверцы шкафа и шуршание пакетов. Она открыла глаза и увидела Стаса, уже одетого и с рюкзаком за спиной. Он нервно рылся в шкафу. Увидев, что Люба проснулась, раздражённо бросил:

– Ты не брала мою синюю шапочку?

– Какую шапочку?..

– Для плавания! У нас сегодня командный заплыв на пляже. Ладно, нашёл уже, спи, я пошёл.

Хлопнула входная дверь, клацнул язычок замка, и она осталась дома наедине с длинным июльским днём. Уснуть снова уже не получилось. Будь это не выходной, а, например, понедельник, спалось бы и на камнях. А так Люба сбросила одеяло и пошла умыться. Потом поставила чайник, на автомате приготовила завтрак на двоих и, наконец, окончательно проснулась. Разложила

порцию Стаса на три маленькие мисочки и позвала собаку и котов завтракать. Все поели на удивление спокойно и чинно-мирно удалились. «Ни спасибо тебе, ни пожалуйста», – так обычно говорила её мама. «Вечером наверстают». – а это уже её многомудрый опыт.

Из окна лился ровный мягкий свет, и Люба достала вышивку и залюбовалась игрой красок. Картина была как живая. И так щемяще захотелось на море, что хоть плачь. И как мама умудрялась ездить вдвоём с ней каждый год, а она не может даже одна поехать и вообще ладу дать своей бестолковой жизни?

Люба вышивала оливковые деревья, цветные дома, спускающиеся с вершины скалы к тихой маленькой бухте, а нитки, как назло, закручивались, вязались в узелки. Она то и дело осторожно распутывала их, а тут ещё обнаружилось, что сделала ошибку и дальше рисунок искривлялся и сдвигался. Перепроверила по схеме – так и есть: пропустила ряд крестиков, взяла другой цвет и вся сегодняшняя работа насмарку. «Вот Акуля-руки не оттуля, теперь ещё и пори!» – досадовала на себя Люба. Проковырявшись ножничком целый час, вернулась к тому, с чего начинала, но так устала, что разочарованно отбросила работу.

– Видела, что в твоей Италии творится? – ещё из прихожей крикнул вернувшийся Стас.

– Что там творится?

– Ты хоть бы телек включила, сидишь, как в монастыре. Два поезда на полном ходу лоб в лоб столкнулись! Три вагона всмятку, остальные на куски разнесло, больше двадцати человек погибло, может, только в хвостовых кто выжил. Спасатели автогенном вырезают, достают раненых.

– Ужас какой. А где, когда?

– На юге Италии, утром. Я смотрел, у них такая одноколейка убогая, рельсы между оливковыми рощами лежат, как там можно было на скорости врезаться, вообще не понятно.

– А я сегодня тоже оливы вышивала, и нитки постоянно путались... А потом ножницами нитки выковыривала, – растерянно проговорила Люба, почувствовав на лбу холодок.

Это лето тянулось особенно долго. Жара, начавшаяся с июня, всё нарастала и в июле стала душающей. Город плавился в топке лета, к началу августа высохла трава, с жестяным шелестом падали с веток ржавые листья каштанов. Изредка налетали быстрые грозы, которые не освежали и не приносили прохлады. Казалось, что дождь падает на землю, как на раскалённую сковороду и с шипением отскакивает вверх.

Люба старалась больше быть дома. Выходила только ранним утром на короткую прогулку с Ивушкой или бегала по необходимости через дорогу в ближайший магазин.

Отпуск проходил в череде хлопот по хозяйству. Когда ей становилось грустно или скучно, Люба ложилась спать. Она твёрдо решила, что к следующему отпуску начнёт готовиться зимой, невзирая на прогнозы, и возможные форс – мажоры. Для этого купила тетрадку с красивой серебристой обложкой, чтобы записывать в неё нужное, интересное, всё, что может ей пригодиться и ничего не забыть.

Вышивка была почти готова. У Любы сложилось такое ощущение, что, когда она садилась работать, картина тоже общалась с ней своим особым языком линий и форм, цвета и света, она поднимала настроение, придавала силы, приводила в порядок мысли.

Заканчивалась последняя неделя отпуска и были вышиты почти все тридцать пять с половиной тысяч волшебных крестиков на полотне. Девушка вкладывала в них всю душу, лелеяла свои мечты, надежды. И вот скоро всё закончится. Люба совсем упала духом.

В четверг, за утренним чаем, она смотрела на Стаса, словно ожидая от него какого-то важного решения или хотя бы маленькой порции тепла, ободрения. Ей хотелось, чтобы он сказал, что в следующем году они вместе уедут из жаркого пыльного города. А сначала выберут чудесное место, будут читать отзывы, рассматривать фотографии и подбирать отель поближе к морю.

Но Стас усердно жевал бутерброды, лицо его было невозмутимо и безмятежно. Люба решила всё же сделать попытку.

– В понедельник уже на работу. Так жаль, что мы снова никуда так и не выбрались.

– Да это ты всё сидишь над своей Фата-морганой, как затворница-белошвейка. Чем тебя пляж не устраивает? Я утречком освежусь, на весь день бодрость.

– Так на пляж через весь город тащиться, пока в маршрутке доедешь всю душу вытрясешь, а назад по жаре и духоте ещё хуже.

– Ну, извини, машины у нас нет. А чтобы не душиться в автобусе я пешком хожу!

Полагая, что разговор исчерпан, он взял в руки пульт и навел на телевизор. Из Любиного мобильного тягуче зарыдало танго «Помоги мне, помоги мне! В желтоглазую ночь позови!» и высветился номер двоюродной сестры.

– Привет, Любочка! Как отдыхается, не устала ещё? Я к тебе с малюсенькой просьбой: найди мне закон по защите прав потребителей и, если можно, распечатай. Ты только представь, купила босоножки, поехали с Серёгой в Ялту, два раза по набережной прошлись, а они....

– Да, хорошо, через часик созвонимся.

Стас хмыкнул:

– А у неё самой, что, ума не хватает найти?

– Да у неё даже компьютера нет!

– А почему? Могла бы хоть бэушный взять, что за проблемы?

– Ну, они с тётей считают, что это вредно. Облучение, глаза портятся, спине не полезно...

– А твоей полезно?

Мобильник вмешался снова. Теперь звонила свекровь.

– Люба, здравствуй! У вас все дома?

– Здрате. Это вы о чём?

– Стасик дома?

– А, ну тогда все.

– Тут я в газете прочитала гороскоп на неделю. Пишут, что Ракам жизненно необходимо не покидать дом, поездки и перемещения чреваты финансовыми потерями, он может отравиться летом и подхватить вирус зимой...

– Так ему что, теперь до зимы дома сидеть?

– Надо быть осторожным. Ты потом ему трубку дай, я ему прочитаю. А тебе советуют помнить о сердце и нервной системе. Тебя ожидает ремонт, искушения и перемены в личной жизни. Поэтому тоже будь дома.

– Поняла, спасибо, обязательно предупредите Стасика, передаю, он тут рядом.

И Люба протянула мужу телефон. Стас протестующе замахал руками, потом поморщился и посмотрел на неё с укором.

Через полчаса он мрачно отхлебнул остывший чай и включил телевизор. В кадре появилось что-то напоминающее огромную свалку на холме. Камера приблизилась, и стали видны превратившиеся в груды из битого кирпича и досок дома, с торчащими из них, как поломанные кости скелета, исковерканными кусками арматуры. Рядом – чудом уцелевшая половина дома в разрезе, ещё хранящая признаки недавней жизни: с уютным диваном, книжной полочкой и двумя бокалами на столе.

Внизу – поваленные столбы с разорванными проводами, смятые, похожие на консервные банки, покорёженные автомобили, яркие оранжевые костюмы спасателей и чёрные с желтыми полосами боёвки пожарных, мелькающие пятнами на безжизненно-сером фоне. Камера выхватила крупным планом людей, несущих на досках накрытого покрывалом мужчину со свесившейся рукой мимо старика, сидящего на корточках и отчаянно разгребającego голыми руками завал из обломков камней на месте своего разрушенного жилища.

Взволнованный голос диктора за кадром комментировал: «В ночь на 24 августа в центральной Италии произошло одно из самых разрушительных за последние годы землетрясений. Погибли около трехсот человек, несколько сотен раненых, более трёх тысяч лишились крова. По словам мэра, разрушенного землетрясением Аматриче, «города больше нет».

– Вот что ты наделала! Тыкала свою Италию иголкой каждый день и дотыкалась!

Люба от возмущения не нашлась что и ответить. А тем временем на экране появилась женщина с почти чёрной, порванной и пыльной подушкой. Она всё время трясла её перед камерой и что-то возбуждённо рассказывала по-итальянски.

– О, на этой подушке уже человек семь умерли.

Внизу прошли титры перевода: «С одной стороны обвалилась целая стена, но не задела меня. С другой стороны тоже упала стена... очень, очень близко ко мне. Но, к счастью, не задела меня. Потом на меня упал потолок. Я только успела накрыть голову подушкой и осталась жива».

– Так это в корне меняет дело! – воскликнул Стас.

Он сбегал в спальню и сунул в руки Любе её подушку.

– Вот, на всякий случай держи. И вообще, расскажи, сколько у нас запасов риса, гречки, макарон?»

– По килограмму точно есть.

– Я вот руку на пульсе мировых событий держу, а ты ни о чём не заботишься. Вот если нас так завалит, что мы будем есть? Дай мне карандаш и листик.

Стас исписал его с двух сторон, глянув на список Люба ужаснулась:

– Да тут грузовик нужен!

– А ты, чтобы не тяжело было, лучше несколько заходов сделай, магазин-то недалеко, через дорогу. И прогуляешься как раз. А я буду следить, что тут происходит.

Люба вышла из дома в каком-то опустошённом состоянии. Всё, чем жила она эти последние месяцы в одночасье рухнуло и превратилось в пыль. Перед глазами всё ещё стояли безжизненные обломки маленьких солнечных городов, которые сейчас больше походили на Бейрут времён гражданской войны прошлого века или сирийский Алеппо наших дней.

Пройдя тенистой берёзовой аллеей, Люба вышла к скверу. Когда-то давно на этом месте был пустырь. Потом появилась большая автостоянка с постоянно лающей лохматой кавказской овчаркой и молчаливым охранником. Через пару лет стоянку демонтировали и поставили камень с надписью, гласящей, что здесь будет выстроен храм. И действительно, прошло совсем немного времени как на этом месте появилась небольшая белая церквушка с золотыми куполами. Вокруг неё высадили сосенки и клёны, разбили клумбы, которые с наступлением первых теплых весенних деньков до поздней осени благоухали и пестрели яркими радостными красками. За церковью приятно журчал и искрился небольшой фонтан, в котором в самые жаркие дни плескалась детвора.

Возле него и решила отдохнуть Люба. На соседней лавочке сидели две крошечные собачки со своей хозяйкой и наслаждались, когда ветер дул в их сторону и фонтанная струя, разбиваясь на миллионы мельчайших капелек, накрывала их легкой водяной вуалью. Собачки довольно шурились, облизывали носики и шёрстку.

В истомлённой жарой небесной вышине кучевые облака выстраивались в красивые светлые башенки, украшенные флагами на своих верхушках. Ярко блеснув на солнце, две ослепительно белые треугольные цепочки чаек летели в сторону городского пляжа. А рядом в траве тихонько топтались и ворковали голуби. Стайка была небольшая, но пёстрая. Люба удивилась богатству окрасов таких привычных глазу городских птиц: сизокрылые с зелеными и фиолетовыми переливчатыми шейками, белые мраморные, коричневые, лиловые, иссиня-чёрные, у некоторых были мохнатые лапки, точь-в-точь, щеголи в расклёшенных брючках. Красавцы-голубки, горделиво приосанившись, кружились вокруг ладненьких самочек, а те скромно и деловито паслись, выщипывая семена травы.

Внезапно стая, громко хлопая крыльями, дружно поднялась в небо, сделала несколько кругов над церковью, и снова вернулась на прежнее место, окружив высокого молодого мужчину. В руках у него был синий пакет, из которого он достал буханку хлеба «кир-

пичиком». Птицы волновались, вспархивая от нетерпения, смешно задирая верх головки с блестящими глазками, а потом радостно набросились на угощение, суетясь и растопыривая крылья, торопясь, жадничая, толкаясь.

Он отламывал небольшие кусочки, крошил их, аккуратно бросал, стараясь, чтобы досталось и тем, кто подальше. К голубям добавились юркие серые воробьишки, осторожные длинноносые грачи, крикливые галки, расхаживающие пружинистым шагом и шустро выхватывающие свою долю из общей трапезы.

Люба с интересом следила за разнопёрым собранием, и тут мужчина поднял голову, посмотрел прямо на неё и улыбнулся. И эта улыбка была такой светлой и ясной, словно утреннее солнышко просияло. Отчего-то у неё внезапно замерло сердце, а потом тёплая, искрящаяся волна с головы до ног накрыла её, и Люба в полном смятении опустила глаза.

Возле её ног остановилась крошечная синяя радиоуправляемая машинка, подмигнула фарами и с жужжанием рванула дальше, огибая фонтан, как гоночную трассу. За ней радостно протопал загорелый карапуз в белой панамке, следом прошли оживлённо беседующие молодые родители с пультом.

Хотелось просто сидеть и ни о чём не думать, напиться солнцем, вслушаться в знакомые с детства хаотичные звуки города: нетерпеливое фырчанье моторов машин, слаженный говор деревьев в их, подбитых ветром одежках, легкую музыку, струящуюся из распахнутых дверей кафешки...

Из-под высоких куполов церкви серебристо и певуче ударил большой церковный колокол, потом затрезвонили звонко и переливчато колокола поменьше. Звуки трепетали и плыли в воздухе, отражаясь эхом от стен домов-многоэтажек, наполняя всё вокруг радостной, живой и ликующей вестью.

И снова раздалась три мерных, глубоких удара и с последним их отзвуком, растаявшим в воздухе, резко пахнуло холодом, стало стремительно темнеть. Воздушные облачные башни обрушились, и на их обломках зловеще разрасталась гигантская цветная капуста. Небо затягивало тяжёлыми тучами, похожими на сине-зелёное стёганое одеяло. Через мгновение яркая вспышка молнии с треском разорвала его надвое.

Люба не успела даже встать с лавочки, как её накрыл внезапно налетевший ливень. Будто плеснуло из огромного ведра, и смыло всё, что только что сияло, цвело и очаровывало безмятежностью. Привычное пространство искривилось и расплылось, не

оставив ни одной чёткой грани. Леденящий ветер дул сразу со всех сторон, стегал и хлестал водяными струями её по лицу и плечам.

Стая голубей исчезла, редкие прохожие, пригнувшись, бежали к укрытиям, защищая головы пакетами и сумками. У входа в церковь собралась целая толпа застигнутых непогодой людей. Они, наспех перекрестившись, складывали зонтики и заскакивали внутрь под сполохи молний и пушечные раскаты грома.

Люба сидела, поджав ноги, дрожала и даже не пыталась никуда прятаться. Она вымокла до последней нитки и надеялась только на то, что дождь вот-вот закончится. Сквозь густую водную сеть она видела, что напрямик через лужи, перепрыгивая потоки мутной воды, бурлящие вдоль бордюров, к ней приближается размытый мужской силуэт. Большой чёрный зонт скрывал его лицо, но стройная лёгкая фигура и синий пакет в руке, сразу вызвали в памяти образ молодого человека в окружении птиц, и особенно его чудесную улыбку.

Он приблизился и поднял зонт над её головой:

– Почему вы сидите здесь? Вы совсем промокли, так можно простудиться.

В его мягком голосе слышалось искреннее участие, а на порозовевшем лице ярко сияли глаза, в которых плескалась морская и небесная лазурь, подсвеченная в глубине горячими солнечными лучами. Чистые и глубокие, обжигающие до самого сердца глаза, в которые хотелось окунуться и раствориться.

Люба молчала, не замечая, как гулкий грохот ливня отошёл куда-то далеко, и думала о том, что, если он сейчас моргнёт или отвернётся, она не выдержит и мига без этой родной, ласковой и тёплой лазури.

Румянец на его щеках стал ярче:

– Вы меня не узнали?

– Вы кормили птиц...

– Мы с вами встречались однажды, возле персиков... Меня зовут Лёша.

– И вы собирались их щупать, – рассмеялась Люба.

Над их головами раздался шум, подобный высыпавшимся на металлический лист орехам. С жемчужно-серого неба летел град. Он дробно стучал по зонту, засыпал и забеливал собой лужи.

Люба ахнула, а Лёша подбадривающе улыбнулся:

– Погода, как в Простоквашино.

– Это какая?

– А помните, Шарик предсказывал? – «Ожидаются заморозки, переходящие в наводнение. Ожидается землетрясение, переходящее в солнечное затмение. Местами снег, местами град, местами кислый виноград».

С её мокрых волос и ресниц, словно слёзы, сбегали по лицу струйки воды. Лёша расстегнул ветровку, и осторожно привлёк Любу к своей груди и ладонью заботливо укрыл её голову от ветра. Его тёплые чуткие пальцы ласково провели по щеке, вытирая капли: «Не надо плакать, теперь всё будет хорошо». Ладони пахли хлебом и были такими родными, как будто она сама касалась своего лица.

«Я не плачу, я никогда не буду больше плакать», – хотела сказать Люба, глядя в добрые, искрящиеся солнечными тёплыми зайчиками глаза. Но уже настоящие горячие счастливые слёзы подступили и неудержимо хлынули, смывая всё, что можно смыть слезами.

Они согрелись и выглянули из-под зонта. Град прекратился. На полуденном промытом небе светилась радуга разноцветным волшебным куполом. Лёша закрыл зонт, они взяли за руки и пошли по мокрой дорожке обновлённого скверика.

ОЛЕГ РОМЕНКО

ДЖЕМ—PARTY

Люди всегда были охочи до хлеба и зрелищ. Эта истина стара как водопровод, сработанный волонтерами Древнего Рима. В те времена, о которых пойдёт речь, пакт Молотова-Риббентропа не был ещё обнародован, и из развлечений советскому человеку предстояла только летняя Олимпиада в Сеуле.

Что говорить о нас, десятилетних пацанах, всё лето жарившихся в солнцепёк на пляже Северского Донца, а вечерами гонявших в футбол на институтской спортплощадке? К концу каникул мы изнывали от скуки и хотелось чего-нибудь необычного. Во всяком случае мне, начитавшемуся приключений Тома Сойера и Гека Финна.

Однажды вечером, гуляя по институтскому городку, я обратил внимание, что на втором этаже кулинарии, где готовилась пицца, оставляют приоткрытым окно на ночь. К этому окну можно было подобраться по деревянным ящикам, в которых в кулинарию привозили продукты. Ящики, наваленные до второго этажа, находились на участке, огороженном металлической сеткой.

В военных фильмах я видел, как наши разведчики перерезали ножницами по металлу колючую проволоку у немцев. «Деды воевали, а мы чем хуже?» – думал я, представляя, как перегрызаю кусочками дяди Саши кольца сетки, соединяющие её с металлическим каркасом. Потом мы с пацанами проникаем за ограждение, забираемся по ящикам наверх, а там... Но сначала предстояло обдумать, кого взять с собой на это дело. Я решил, что лучше самых голодных. Вскоре у меня появились три кандидатуры – Тридцатик, Юшман и Ментусечка.

Серёжу Доронина, худого и белобрысого мальчика, во дворе дразнили «Тридцатиком». В нашем доме жили сразу три воспитанника тридцатой школы. Если в других дворах дети обзывали друг друга дураками, то у нас – тридцатиками. Мать Серёжи работала уборщицей, а об отце история умалчивала. Летом он как кро-

маньонец бродил по двору с осколком кирпича в руке, наклонив голову вниз.

Серёжа был безобиден, а кирпич ему нужен был, чтобы разбивать абрикосовые косточки, в которых находились ядрышки похожие по вкусу на фундук. У Тридцатика были крупные белые зубы, вот только чаще ему приходилось ими клацать, а не жевать. Однажды я подарил ему полный кулёк ирисок и Серёжа отблагодарил меня такой ослепительной улыбкой, что до сих пор голливудские улыбки кажутся мне тусклыми и жалкими. Чтобы достичь такого совершенства, американским актёрам прежде следовало бы разбить кирпичом не одну тысячу абрикосовых косточек.

Юшман, костлявый, смуглый и черноволосый, должен был стать вторым моим соучастником в новом проекте. Андрей Евтухов получил своё прозвище из-за рассказа Александра Куприна «Ю-ю», который все изучали в средних классах. Мать Юшмана тоже работала уборщицей, а отец сидел в тюрьме за убийство. В самые трудные периоды своей жизни Андрей крутился возле голубятни в нашем дворе. Он подбирал в траве оброненные голубчиками перья, поджигал их и съедал оплавившиеся обугленные комочки. Хозяин голубятни косо поглядывал на Юшмана, но молчал.

Мажор нашего двора и сын директора ближайшей школы Димон Войтенко, зная о том, какую нужду терпел Юшман, предложил ему и его сестре Наташке кулёк карамельных конфет. Взамен он потребовал от них раздеться донага и изображать сексуальные сцены, как это принято между мужчиной и женщиной. Юшман с сестрой так и сделали в яру возле военкомата на глазах у всего двора.

Третьим я решил взять в долю Сергея Александровича Бережного. Он везде и всегда позиционировал себя как – Сергей Александрович, что для мальчугана его лет выглядело несуразно. Мать этого коренастого шатена работала в библиотеке, а отец был милицейским капитаном. С чьей-то лёгкой руки Серёгу окрестили Ментусечкой. Хотя он жил в благополучной семье, но родители не потворствовали волчьему аппетиту сына. Я часто видел Ментусечку, воруящим у старух порезанные дольками яблоки и груши, которые у них сушились под августовским солнцем во дворе на расстеленных клеёнках.

Старухи гоняли Бережного хворостинами, но сильно не хлестали, зная кто его отец. Я целиком и полностью одобрял такие набеги Ментусечки, потому что старухи эти были очень злы, ненавидели детей и приторговывали самогоном. «Было бы здорово, –

мечтал я, – если бы родители совсем перестали кормить Бережного, и он сожрал бы у старух все их сухофрукты».

Итак, с подручными я определился. Оставалось убедить и воодушевить Тридцатика, Юшмана и Ментусечку, подобно тому, как великий комбинатор в недавно показанном фильме, «зажѐг» Балаганова, Паниковского и Козлевича. «Хлеба и зрелищ требовал народ», – рассказывал нам историк на уроке о нравах жителей Древнего Рима. «Если мы заберѐмся в кулинарию, – рассуждал я, – у нас появится и то, и другое».

Сидя в нашей с дядей Сашей комнате за столом, я представил, как мы с пацанами, собравшись в беседке, обсуждаем детали плана. И вдруг, я почувствовал как «пальцы просятся к перу, перо к бумаге...» К этому времени я уже выпустил несколько номеров рукописной самиздатовской дворовой газеты «Весѐлые новости» совместно с Ментусечкой. Точнее, всё от и до делал я сам, а от моего «единомышленника» красовалась только подпись на последней странице – «главный редактор – Сергей Александрович Бережной». На больше он не сгодился и стал подставным редактором дворовой «колючки».

Почувствовав прилив вдохновения, я схватил первую попавшуюся толстую тетрадь, она оказалась по алгебре, открыл её с обратной стороны и на чистой странице начал писать – «Захотелось им жрать, а жрать нечего, и тогда я им сказал...» Но тут дверь открылась, и в комнату вошла бабушка, за которой шлейфом тянулся аромат жареной картошки с почеревинной.

– У ну ходим йисты! – строго сказала она, держа в руке полотенце как ремень. – Поки тебе ждати?!

«Эх, – сокрушѐнно вздохнул я про себя, – и как это только Пушкин умудрялся писать «Повести Белкина» с Ариной Родионовной?!»

На кухне перед дымящейся на сковородке картошкой, уже сидел грузный дядя Саша, которого бабушка насильно оторвала от телевизора. Он провѐл вилкой черту, разделив картошку на две равные порции.

– По братски! А хлеба бери сколько хошь! – подмигнул мне дядя Саша.

– Сашка! Завтра, як тильки гроши дадут, сразу до хаты! – серьёзно глядя в глаза сыну, назидательно сказала бабушка. – Почув!?

– Мам! Ну, дай хоть поесть спокойно! – обиделся дядя Саша, потупив глаза.

Ему было неловко передо мной. Ведь я не пропивал получку с дружками-бетонщиками, не шлялся с ними после работы по карьерам, и не возвращался в полночь пьяный и перепачканный в мелу и глине без копейки в кармане.

– Йишь, да за ум берись! – миролюбиво и наставительно закончила урок бабушка.

Потом она стала убирать тряпкой невидимую пыль со столов и холодильника. Затем открыла навесной шкаф и принялась натирать полотенцем до блеска тарелки, глядя в них, как водитель в зеркало заднего вида. Чтобы убедиться, что мы с дядей Сашей здоровы и у нас отменный аппетит, бабушка проделывала все эти манипуляции, молниеносно стреляя по нам глазами через плечо, как это умеют делать только безупречные хозяйки и карточные шулеры.

Объевшись картошки с почерёвиной, я подошёл к окну отдышаться и увидел внизу Тридцатика, Юшмана и Ментусечку. Они сидели на коленях в песочнице и играли в ножички. Обрадовавшись, что они сами собрались в нужное время в нужном месте, я выскочил к ним во двор.

– У меня два льва, два тигра, два медведя. Ещё осталось добыть немного зайцев, лис и волков и у меня скоро будет мамонт! – поделился со мной своей радостью Тридцатик, широко улыбаясь.

Я сел с ними рядом. Все трое продолжали подкидывать указательным пальцем полусогнутый ножик над разрыхлённым песком и после удачных приземлений ножа вычерчивать свои «иероглифы» на утрамбованной ладонью песчаной полоске.

– Хотите бесплатно поесть в кулинарии? – не мудрствуя лукаво, начал я.

Ментусечка понимающе ухмыльнулся по-взрослому, копируя отца. Тридцатик искренне удивился и восторженным взглядом потребовал от меня дальнейших объяснений. Юшман скукожился и сгорбился, видимо уже усвоив горькую истину, что бесплатной сыр бывает только в мышеловке. А я принялся излагать им свой план.

– Лежа, а там трубочки с заварным кремом будут?! – воскликнул Тридцатик.

– Там и мороженое будет! Надо только найти холодильник! – ответил я.

– Вы совсем ненормальные! – сделал ужасное лицо Юшман.
– У меня отец в тюрьме сидит!

– Блина-а! Пацаны, я с вами! – ликующим шёпотом закричал Бережной. – Я украду у папки милицейский фонарик!

– Чёрт с вами! – после недолгих колебаний согласился Юшман, и лицо его страдальчески сморщилось, словно от нехорошего предчувствия.

Мы договорились встретиться завтра вечером во дворе, в будний день будет меньше людей шляться после работы. А сегодня решили провести рекогносцировку и отправились через дорогу в кулинарию. На первом этаже был торговый зал. В левой холодильной витрине красовались тефтели с рисом, морковные котлеты, холодец из свиных булдыжек, селёдка под шубой, винегреты, оливье и прочие вкусности для мясоедов и вегетарианцев. А сверху на витрине стояли большие стеклянные графины с берёзовым, томатным, яблочным, абрикосовым и другими соками из плодов местного урожая.

В правой витрине приковывали взгляд заварные пирожные, трубочки с кремом, корзиночки с повидлом и сливками, «картошка» из печенья с маслом, обсыпанная ароматным какао и даже торты. А наверху на подносах свежие и подрумяненные, с пылу с жару – лакомки с повидлом в сахарной пудре, лепёшки с козьим молоком, булочки с корицей, самые дешёвые – за четыре копейки, сочники и безе, ватрушки и пончики.

В отдельной морозильной камере хранились наши заветные лакомства: молочное, сливочное, шоколадное, щербетное, крем-брюле, пломбир.

А Тридцатик разбивал абрикосовые косточки, Юшман поедал обугленные голубиные перья, Ментусечка подпитывался уворованными у старух-самогонщиц сухофруктами. «Разве это справедливо?» – думал я, подобно Робину Гуду.

Когда мы зашли в кулинарию, то увидели нашего ровесника, Лёху Мишенина из восьмого подъезда. Он стоял у прилавка с весами между витринами и задорно бросал на стол одну за другой звонкие монетки, залихватски отсчитывая:

– Двунчик, трюнчик, пятюнчик, десюнчик! Ой! Я кажется больше дал!

– Ничего! – ласковым голосом успокоила его продавщица. – Я сейчас посчитаю... Так! Так! Так!

Ловко, будто на счётках с костяшками, она сначала пересчитала монеты, передвигая их с левой стороны на правую, а потом указательным пальцем пододвинула к Лёхе новую сверкающую трёхкопеечную монету и улыбнулась:

– Вот тебе, деточка, сдачи трюничик!

Лёха взял лакомку и, подойдя к нам, откусил острый краешек. Из теста тут же немного выдавилось, как из тюбика, яблочное повидло, а нос у Мишенина побелел от сахарной пудры.

– Куда собрались, пацаны? – не спеша пережёвывая, спросил он.

– Лё-ёш! – сглотнув слюну, отчего у него подпрыгнул кадык, первым заговорил Тридцатик, просительно улыбаясь и растягивая слова. – Дай кусо-о-чек!

– И мне! – жалобно, будто три дня не ел, проблеял козлёнком Юшман.

– Рука в говне! – испуганно закричал Лёха, прижав лакомку к подбородку, и, не долго думая, выскочил за дверь.

Тридцатик жалко улыбнулся, глядя на витрины, потом на нас и тихо прошептал:

– Ничего! Скоро это всё будет наше!

На следующий вечер мы собрались во дворе в беседке и стали ждать наступления темноты. И тут к нам прицепился назойливый Игорёк Кириллов из шестого подъезда, который, как и я, жил у бабушки без родителей. Когда во дворе узнали, что Игорёк болеет за «Спартак» и фанатеет от игры Мостового и Шалимова, его стали называть – Спартачок.

– Поца! Возьмите меня с собой! – увивался вокруг нас Кириллов, просительно заглядывая в глаза и стараясь заручиться поддержкой каждого.

Спартачок только готовился пойти в первый класс и не вписывался в наш пионерский отряд быстрого реагирования.

– Иди домой, Спартачок. Уже поздно, – сказала я.

– Ну, поца! – продолжал канючить Кириллов. – Возьмите! А я знаю секрет!

– Какой секрет! – пристально посмотрел на него поедатель голубиных перьев Юшман.

– Я знаю, как из вишнёвого компота добыть железо! – воскликнул Спартачок.

– Сам жуй, соплежуй, своё железо! – хрипло заржал Тридцатик.

Незаметно к нам подошла бабушка Спартачка, обмахиваясь ивовой веточкой от комаров. Эта крупная и властная женщина потом встретилась мне двадцать лет спустя во время протестов против «монетизации» льгот. Пенсионеры перекрыли главную дорогу в городе, а бабушка Спартачка, ничуть не изменившись за

эти годы, ходила, обмахиваясь всё так же веточкой и подбадривала людей: «Стоим, стоим. Чем больше простоим, тем сильнее напугаем этих гадов».

– Пойдём спать, Игорёша! – ласково погладив внука по голове, сказала, зевнув от духоты, бабушка.

Спартачок с укором и завистью посмотрел на нас блестящими от слёз глазами и покорно поплёлся к своему шестому подъезду вместе с бабушкой, заботливо и цепко державшей его за руку.

Отделавшись от Спартачка, мы помчались, обгоняя друг друга, к кулинарии, будто спешили в банкетный зал к заказанному столику, где нас уже ждали почтительные официанты.

Мы быстро пересекли дорогу в неположенном месте, словно стадо оленей трассу, и, дойдя до середины институтской вечнозелёной аллеи, свернули к кулинарии. С тыльной стороны этого здания располагался небольшой скверик, ограниченный дубовой посадкой с севера, растянувшейся на две ближайšie троллейбусные остановки, и многоэтажным общежитием с длинными лоджиями с юга.

В студенческом общежитии жили «дванадцать языков», в основном, с Кавказа, которых мы с моим футбольным другом Костиком Емельяновым окрестили «грузинами», а остальные пацаны во дворе это подхватили. Причиной «грузинизации» кавказских студентов стало удачное выступление тбилисского «Динамо», которое сначала отличилось в чемпионате СССР, а потом и в Кубке обладателей кубков.

Мы часто пересекались с «грузинами» на институтской спортплощадке, где они гоняли в футбол, кто в трико, кто в спортивных трусах, с густоволосатыми ногами, руками и грудью, точно покрытые чёрной шерстью. Пока мы сидели на скамейке и ждали своей очереди, то развлекались с Костиком тем, что показывали пальцем, то на того, то на другого игрока и говорили, смеясь, друг другу: «Это Отар Габелия! А это Рамаз Шенгелия!» А потом кто-нибудь из нас низким бархатным голосом добавлял: «И ваш комментатор Котэ Махарадзе!»

Итак, мы сели на лавочку в скверике, чтобы осмотреться. Как раз напротив нас и было то заветное приоткрытое окно. Уже стемнело и зажглись фонари, но там, где были свалены ящики за сеткой, имелась «слепая зона», до которой не доставало уличное освещение.

«Грузины» курили на лоджиях и гортанно перекрикивались друг с другом, отчего гул вокруг стоял как у нас на переменах в школе. То тут, то там вниз летели горящие окурки и закуривались новые сигареты. Мне вспомнилось, как в прошлом году мы разучивали на уроке пения «Звёзды» Высоцкого – «Вон снова упала, и я загадал – выйти живым из боя!» Я нащупал в кармане кусачки дяди Саши и до боли сжал их в руке, стиснув зубы.

– Ну что? Пора?! – обратился я к товарищам.

– Пора! – решительно кивнул Ментусечка.

– Пора, пацаны! – восторженно подтвердил Тридцатик.

– У меня живот болит! – скорчился Юшман и согнулся пополам.

– И что ты предлагаешь? – недоверчиво усмехнулся Бережной.

– Я быстро в посадку сбегаяю! – и Юшмана как ветром сдуло с лавочки.

Мимо нас прошёл высокий и сутулый русский парень, сзади у него было что-то похожее на небольшой горб. «Грузины» сразу оживились и сигаретные огоньки, как рой светляков во тьме, заплясали в их машущих руках:

– Эй, верблюд, эй!

Парень раздражённо махнул им рукой и пошёл дальше, не останавливаясь. Вскоре вернулся Юшман, но в этот раз мы решили обождать. Вдруг кто ещё пройдет. Через пятнадцать минут мы задумали повторить попытку.

– У меня опять живот! – снова страдальчески скорчился Юшман.

– Знаешь что?! Иди домой! – разозлился я.

– Я последний раз! – взмолился Юшман.

– Ну, смотри! – Ментусечка назидательно поднял вверх указательный палец. – В последний раз! Семеро одного не ждут!

Мы сидели на лавочке, болтая ногами, и мне казалось, что общежитие – это какой-то термитник, населённый горластыми насекомыми с огненными оранжевыми глазками, внимательно следящими за нами.

– Мы когда с папкой в милицейской форме гуляем по городу, – осклабился Бережной, – так он подходит к разным дядькам и вежливо спрашивает: «У вас не будет сигаретки?» Они ему дают, а папка у них на глазах ломает сигарету пополам и смеётся: «А я не курю!»

– Козёл твой папка, – осуждающе фыркнул, уже вернувшийся из кустов, Юшман.

– Ты охренел, Ю-юша?! – набычился Ментусечка.

– А зачем он дядькам сигареты портит? – возмутился Юшман. – Они их на свои кровные купили!

– Курить вредно! – грозно упёрся Бережной.

– Всё! Хватит! – оборвал я их спор. – Уже часов одиннадцать! Нам пора!

Я встал и быстро пошёл в «слепую зону», не оглядываясь, потому что был уверен, что все последуют моему примеру. Под окном кулинарии в тёмном углу, стыкующим стену с забором, мы решили немного отдышаться. Сердца у всех бешено колотились, а Юшмана ещё и трясло.

Мне вспомнился кадр из фильма про Сталинград, в котором бои шли за каждый дом: вдоль стены крались четыре солдата, один из них размахнулся, чтобы бросить гранату в дверной проём, а за ним тесно жались друг к другу ещё три автоматчика, готовые к штурму, и сердца у них колотились, наверное, не меньше нашего.

Я достал кусачки и стал перерезать одно за другим кольца сетки ограждения. Ментусечка мне светил фонариком, а Юшман и Тридцатик прикрывали нас своими спинами, глядя в разные стороны, как царский двуглавый орёл.

– Блина-а! – забеспокоился Ментусечка, – Лежа-а! Надо быстрее!

Но быстрее оказалось не так-то просто. Очень скоро я набил на обеих руках болезненные мозоли.

– Никого там нет? – спросил я.

– Никого, – деревянным голосом ответил Юшман.

– А «грузины»? – снова спросил я, чтобы потянуть время и не посеять панику.

– Курят, – отозвался Тридцатик.

– «Грузины» молодцы! – подтвердил Ментусечка.

Наконец, я закончил свою работу и, оттянув сетку, мы забрались за ограждение, где присели на дорожку передохнуть на ящиках.

– Пацаны, интересно, что там? – мечтательно улыбнулся Тридцатик, запрокинув голову вверх.

– Да повара всё съели, наверное, – плаксиво предположил Юшман.

– Нытик! – презрительно процедил Ментусечка.

Собравшись с духом, я полез наверх, прокладывая на ходу из беспорядочно разбросанных ящиков тропу к заветному окну второго этажа. Забираясь всё выше и выше, я думал о своём прадеде, на похороны которого бабушка с дедом ездили недавно в Калининград.

Дядя Саша рассказывал, что дед Тимоха был из терских казаков-пластунов, служил в военной разведке и имел настоящие ордена за взятие «языков». Ловко оперируя в полутьме попадающими под руки и под ноги ящиками, я гордился своим прадедом, дошедшим до Берлина, и удивлялся тому, как у меня получается бесшумно передвигаться и незаметно просачиваться, подобно пластунам-следопытам, в таком нагромождении и хаосе, где сам чёрт ногу сломит.

Добравшись до проёма окна, в котором, как в «Квадрате» Малевича, сквозь мрак виднелись неясные очертания каких-то предметов, я оглянулся назад, и сердце упало. Трое моих товарищей стояли внизу и походили на желторотых птенцов, не умеющих летать.

– Вы почему не лезете?! – возмутился громким шёпотом я.

– А как?! – в тон мне ответил Ментусечка, картинно развёл руки в стороны и слегка присел.

Пришлось мне спускаться вниз и заново проводить мастер-класс. Только теперь первым лез Ментусечка, вторым Тридцатик, за ним Юшман, а я замыкающим группу.

– Блина-а! – выругался Ментусечка, после того как ящик выскользнул из-под его руки и полетел вниз.

– Возьми вон тот сбоку! – подсказал я.

Бережной первым добрался до окна и, став на подоконник, победоносно оглянулся:

– Ну, всё, пацаны, я полез!

Следом за ним, как эхо повторил Тридцатик:

– Пацаны, я полез!

Когда очередь дошла до Юшмана, то он, как слепой шаря и барабана трясущимися пальцами по подоконнику, оглянулся и посмотрел на меня такими глазами, словно я хотел столкнуть его в пропасть.

– Опять живот? – сочувственно спросил я.

– Да! – мученически скривился Юшман, сел на ящик и, обхватив голову руками, уткнулся ею в колени.

Вдруг, за окном в помещении раздался дребезжащий грохот. То ли кастрюльная крышка, то ли здоровенный черпак, – что-то металлическое звонко упало на кафельный пол.

– Блина-а! – зашипел Ментусечка. – Серега-а! Ты ебенторий!

Юшман вскинул голову, будто его кто-то схватил и рванул за волосы вверх, и смотрел на меня непонимающими и немигающими глазами полными ужаса.

– Тихо! – схватил я его за плечо, чтобы он не наделал глупостей.

– Меня мамка убьёт! – жалобно заплакал Юшман.

– Нас не заметят! – пообещал я.

Мы с ним сидели как изваяния на ящиках под окном второго этажа, прижавшись к шершавой и прохладной штукатуренной стене, я левой щекой, а Юшман правой. Через пять минут над нами кто-то свиснул. Евтухов зажмурился, левая щека у него задёргалась, а правым ухом он, что было мочи, прижался к стене, словно хотел врасти в неё.

Я отклонил голову от штукатурки и посмотрел вверх. Надо мной, в душной сгустившейся тьме южнорусской ночи, сверкнули белые, как снега Килиманджаро, зубы Доронина. Рядом показался силуэт головы Бережного – тыковка с оттопыренными ушами.

– Пацаны! – радостно прошептал Ментусечка. – Принимайте!

Они нагнулись и подняли за ручки большую алюминиевую кастрюлю, которые тогда повсеместно использовали в советском общепите.

– Что там? – спросил я.

– Повидло! – облизнулся Тридцатик. – Вкусное!

Мы с Юшманом приняли кастрюлю. Повидла там был слой сантиметров десять. Спускаясь на корточках по ящикам следом за мной и держась за противоположную ручку кастрюли, Евтухов был похож на утку, переваливающуюся с боку на бок. Лицо его было бледным и отрешённым как у лунатика. Я подумал, что мой бедный товарищ сошёл с ума.

Оставив кастрюлю внизу возле распоротой нами сетки ограждения, мы с Юшманом снова забрались наверх. Из окна выглянул счастливо улыбающийся Тридцатик с полным подносом бисквитных обрезков.

– Это нам к повидлу, пацаны! – ликующе прошептал Доронин.

Я осторожно взял у него поднос и заметил, что Ментусечка собирается вылезать из окна.

– Ты куда? – удивился я.

– Мы всё забрали, – ответил Бережной, оседлав подоконник.

– А в других комнатах? – напомнил я про наш дневной разговор насчёт мороженого и заварных пирожных.

– Мы туда не полезем, – наотрез отказался Ментусечка. – Там может сторож сидеть.

– Ай, Тридцатик! – пискнул Юшман. – Ты мне пальцы отдал!

– Не ори! – перепуганным шёпотом закричал Ментусечка. – Сам тридцатик! Чего съёшь свои грабли мне под ноги?

– Ху...ху...ху...ху... – прерывисто дул на свои тонкие скрюченные пальцы Юшман, и кисть его руки была похожа на лапку голубя.

У меня отлегло от сердца – значит Евтухов ещё не сошёл с ума. Вскоре мы выбрались за ограждение. «Грузины» уже накурились досыта и легли спать. Теперь свет горел лишь в нескольких окнах общежития. Мы выдвинулись в таком боевом порядке – впереди я, за мной Ментусечка и Тридцатик с кастрюлей, а последним Юшман с подносом бисквитов.

Когда мы повернули за угол общежития, то с торца здания обнаружили ещё один «огонёк». За зашторенным окном в приглушённом свете плясали силуэты людей, а зажигательная кавказская музыка соперничала с дробным топотом каблуков лихих танцоров. В ноздри ударил дразнящий запах острой пищи.

– «Грузины» чачу пьют! – восхищенно воскликнул Тридцатик.

– А вот у нас в Кабардино-Балкарии, – как взбесившаяся лошадь понесся вперёд и в сторону от окна Ментусечка, увлекая за собой Доронина, – по вечерам все жарят яичницу с помидорами!

Родители Бережного переехали с Северного Кавказа в тихий и спокойный Белгород перед поступлением их сына в школу. О своей малой родине Ментусечка заговаривал часто. Всё начиналось с коронной присказки: «А вот у нас в Кабардино-Балкарии!» Потом от ностальгии глаза и разум его затуманивались и, упираясь плечом в плечо и постепенно отклоняя нас от дороги, он мог завести в такие дебри, что быть бы живу.

– Идиот! – закричал Тридцатик, спотыкаясь на ходу и никак не попадая в ритм галопа Ментусечки. – Тпррр!

Бережной остановился и презрительно расхохотался, а в насмешливых сузившихся глазах блеснули недобрые огоньки.

– Что хохочешь, сена хочешь? – обиделся было Доронин, но тут же, испугавшись ментусечкиного взгляда, стушевался.

Дальше мы пошли через дорогу институтского городка к учебному корпусу. Было уже за полночь, вокруг ни души, и мы чувствовали себя уверенно и расслабленно. Даже Юшман, с подносом в руках, что-то мурлыкал себе под нос, надыхавшись ароматом свежих бисквитов.

Мы свернули за угол учебного корпуса и направились к тому месту, где храм науки соединялся со спортзалом, образуя здание Г-образной формы. Мы любили этот уютный уголок с маленькой зелёной лужайкой, с торчащим из стены водопроводным краном для полива, местом нашего водопоя после футбола на спортплощадке, с двумя большими раскидистыми ивами, ветви которых касались земли, образуя природный шатёр.

Мы поставили кастрюлю на середине лужайки, залитой волшебным лунным светом и, поджав ноги под себя, расселись вокруг неё как узбеки у казана с пловом. Ели не торопясь, даже голодным глазом легко было определить, что еды хватит всем вволю. Каждый брал с подноса кусочки бисквитов и старательно вычищал ими кастрюлю от повидла. Со стороны это, наверное, и выглядело как чистка, подобная той, когда хозяйки, ругаясь, оттирают металлической губкой донышки котелков и ковшиков от пригоревшей каши.

Тридцатик чавкал у меня над ухом, Юшман, причмокивая, обсасывал пальцы, а Бережной урчал, опустив голову ниже всех. Мы без труда понимали, что означает это утробное урчание Ментусечки в переводе на человеческий: «А вот у нас в Кабардино-Балкарии...»

Голодные люди крошек на столе не оставляют, и мои товарищи пока всё не съели, не встали с травы. Наевшись до отвала, мы с трудом добрались до воды и пили жадно, обхватив губами кран и ощущая привкус металла во рту. Дядя Саша говорил, что пить водку на полный желудок вредно, потому что не опьянеешь. А мы, объевшиеся, упились водой и окосели так, что в глазах помутилось.

Я первым плюхнулся на траву и попытался сосредоточиться. Вокруг бешено стрекотали сверчки, и так же бешено билось мое сердце, а в ушах звенело. Напротив меня тяжело опустился на колени Тридцатик. Наклонившись и оперевшись ладонями в тол-

стые ручки кастрюли, он перевернул её вверх дном и гладкая алюминиевая поверхность сразу поймала яркий лунный свет и отразила его сияние в синих глазах Доронина, которые зажглись как фонари на бульваре.

Встряхнув лохматой головой, Тридцатик энергично и звонко забарабанил ладошками по днищу кастрюли, точно на неё обрушился град, а потом, широко оскалившись, как динозаврик, всеми белоснежными крупными зубами, он запел хриплым голосом так проникновенно, что мне казалось, будто это поёт не человек, а его неимоверно счастливая душа:

– Чунга-чанга, синий небосвод! Чунга-чанга, лето круглый год!

Ментусечка с Юшманом, собравшиеся было сесть вместе с нами, сначала вопросительно переглянулись, но потом их сытые глаза заискрились озорством. Разминая плечи и покачивая бёдрами, они задумали исполнить самый популярный в мире танец.

Я вспомнил, как месяц назад дядя Саша пришёл выпивший после работы домой и воскликнул: «Племяш! Хочешь научу тебя танцевать Ламбаду?! Подогни колени, как будто ты собирался сесть на унитаз, но потом передумал, и рисуй в воздухе жопой восьмёрку!»

А сегодня утром дядя Саша, собираясь на работу и натягивая новые джинсы-варёнки, одновременно рисуя задом в воздухе восьмёрку, будучи в отличном настроении в зарплатный день, весело напевал: «Ветер нам принёс песню из далёких жарких стран!»

В тот год на наши неокрепшие советские умы вместе с Ламбадой обрушились Рабыни Изауры, Терминаторы, шаолиньские монахи с нунчаками, кооперативы и «бархатные» революции в странах соцлагеря. Тех, кто не поспевал за переменами, презрительно называли «тормоз перестройки».

– Жуй кокосы! Ешь бананы! Жуй кокосы! Ешь бананы! Чунга-чанга! – продолжал исступлённо барабанить по кастрюле Тридцатик.

– Ах, ламбада-ритм! Будем танцевать мы до зари, – приглушённым с хрипотцой голосом напевал Юшман.

– Чудо-остров, чудо-остров! Жить на нем легко и просто! – самозабвенно перекрикивал Тридцатик.

– Ла – ла – ламбада! – сжав кулаки, топтал как слон, головастый и ушастый Ментусечка в белой футболке с Микки Маусом.

Счастливые и довольные мы пошли домой мимо спортплощадки весёлыми ногами, постоянно сбиваясь с тропинки, петля-

ющей между ёлками и берёзами. «Вот так и дядя Саша со своими дружками, – думал я, – лазил после получки по карьерам и приходил за полночь пьяный, весь в глине или в мелу».

– Пацаны! А давайте завтра ещё! – восторженно воскликнул Тридцатик.

– Если меня мамка дома не запрет, – усомнился Юшман.

– А ты в окно вылазь! Ты же на первом живёшь! – подсказал Бережной.

Домой я добирался пешком на пятый этаж, лифт уже не работал. Поднявшись на площадку, я увидел тонкий, похожий на бильярдный кий, луч света, тянувшийся от нашей чуть приоткрытой двери.

На трельяже сидел дядя Саша с голым торсом в перепачканных полезными ископаемыми нашего края «варёнках». В руках он держал свои чёрные носки и глупо рассматривал их. Напротив, у стены с вешалкой, стояла бабушка в сером халате.

– А ты ще пошуйкай! – пытливо и страдальчески глядя в глаза сыну, попросила она.

– Да нету, мам! – разозлился дядя Саша. – Я точно помню, что прятал получку в носок, только не помню какой!

– Дурак! – громко каркнул дед, стоявший напротив входной двери, и трофейные немецкие часы над его головой, добытые прадедом Тимохой в Пруссии, пробили два раза.

– А ты де був? – заметила меня бабушка.

Не говоря ни слова, неприятно ощущая как в животе у меня никак не уляжется повидло с бисквитами, я скинул сандалии и поплёлся спать.

– Посказались хлопци! – растерянно вскрикнула бабушка.

– Твоё воспитание! – сардонически рявкнул дед и лютые огоньки сверкнули в его чёрных глазах.

– Да замовкни, скотына бэзрога! – в сердцах закричала бабушка на сына терского казака. Дед был «быковатым», но «безрогим».

А я, вернувшись с «пати», завалился спать. Последнее, что я слышал, это как бабушка открыла на всю кран в ванной, бросив в неё замачиваться грязные вещи дяди Саши. А потом на кухне запахло подогретыми котлетами, бабушка не могла позволить, чтобы дядя Саша лёг спать голодным.

В девяностые Ментусечка станет, как он сам о себе скажет при встрече, «мажором с голдовой цепурой на шее», а следы Тридцатика и Юшмана затеряются насовсем. Наверное, как потом скажет один бесчеловечный реформатор: «Они не вписались в рынок».

Недавно мне попалась на глаза афиша одного халтурно – официального мероприятия под названием «Пушкин-party», анонсирующая «перфомансы», «хедлайнеры», «скетчи» и прочее. Узнав комившись с этой афишей, я выругался про себя: «Пушкин-пати, твою мать!» Вспоминая сейчас нашу «вечеринку» с повидлом под луной, я решил, что это как раз тот случай, когда иначе как «пати» эту авантюру и не назовёшь.

ЮЛИЯ РЯДИНСКАЯ

ДОГОВОР

Город заволакивала тьма.

Сначала она заполнила подвальные окна, потом поднялась к балконам и постепенно дошла до плоских крыш узких домов, прозябающих по сторонам грязных улиц. И теперь, отсюда, из этих тесных городских туннелей, она потихоньку подбиралась к площадям. Разливалась, протекала тонкими струйками, а потом вырастала как волна, но не для того, чтобы упасть обратно, а чтобы окутать город, подобраться к мостам, поглотив, наконец, и море.

Человек шел по улице. Сначала, придерживаясь самого края, шагая по выщербленному замусоренному тротуару, потому что машины и люди шли сплошным потоком. Но по мере того, как из подворотен напознала ночь, поток этот редел и вскоре иссяк совсем.

И тогда человек понял, что до этого страха вовсе не было. Были ревущие мотоциклы, проносящиеся в нескольких сантиметрах. Были фургоны, которые протискивались по улицам, чудом не задевая стен. Были вездесущие такси, так и норовящие наехать на ноги. Были люди, неспешно идущие по стеночке, так, словно никого больше не было. Были нищие и их грязные назойливые попрошайки-дети.

А страха не было. Это был вовсе не страх, а отвращение и злость.

Зато теперь, когда тени хватали за одежду, когда темный силуэт в подворотне заставлял сердце проваливаться в пустоту, а каждый дверной провал в разрушенном доме казался черным ходом в преисподнюю, стало жутко.

«Ничего», – успокаивал он себя. – «Уже недалеко. Сейчас будет полуразвалившийся деревянный дом, потом граффити с попугаем, потом плющ до третьего этажа, а там уже и синяя дверь с цветным фонариком над входом».

Он свернул раз, другой. Вот и деревянные руины. Еще пять минут, десять, но дом с граффити все не встречался. Человек стал пристальнее смотреть по сторонам.

Ну вот же, эту табличку он хорошо помнил, звучное такое название. Значит, он на правильном пути. «Ничего, ничего, скоро будет дом, душ, чай и свет».

Со светом у города были странные отношения. Стоило свету прийти сюда, как все, что казалось сейчас таким отвратительным, становилось вдруг интересным, необычным и даже обаятельным. Полуразрушенные дома, обшарпанные двери и стены придавали городу вид дорогой, но запущенной антикварной вещи, которую только подлатать, да подкрасить – и она замерцает, как выдержанное вино в тяжелой бутылке. Нищие и калеки смиренно сидели по сторонам, расцветивая улицы своим ярким тряпьем. Даже мусор смотрелся как пыль на резном бюро: подумаешь, недосмотрели!

Солнце лилось на плоские крыши старого города, бликовало на морской глади и обливало медовым сиропом уличных торговцев фруктами и кукурузой. Солнце щедро плескало свет на широкие проспекты, загоралось нестепимо-белыми звездами на шпилях минаретов, плясало на струях фонтанов и отдыхало на гладкой шерстке бесчисленных кошек.

Но были места, свету недоступные. Даже в самые солнечные дни лучи трудно проникали сквозь почти сомкнувшиеся крыши переулков, похожих на кишки, где сосредоточилась и жила своей жизнью тьма. Вот она-то и поднимала голову, когда солнце еще не садилось, но только заявляло о своем намерении укатиться за горизонт. И пока палево-розовые лучи охватывали снизу стоящие над проливом облака и выстилали воду старым золотом, здесь уже повсюду господствовали тени.

Одна такая тень отделилась от стены.

Смаликх был голоден. Весь день он проспал, теперь пришла пора выходить на охоту. Здесь, в старом городе охотиться было легко: всегда находился тот, кто с наступлением темноты шел по улицам. Местные жители знали, что под вечер лучше держаться поблизости от своих домов, и к приходу ночи запирали ставни или же пили чай и курили прямо на пороге, довольствуясь светом фонарика, украшенного осколками разноцветного стекла.

Однако в городе круглый год много приезжих. Что они знают? Только то, что видят их глаза. Но Смаликха нельзя увидеть. Глупые новые люди не чувствуют, как старожилы, дрожания воздуха, не слышат легчайшего шороха, с которым тень пробирается по переулкам. Они светят себе телефоном, который только путает их, сгущает, а не рассеивает тени. В этом пятнышке жесткого белого света человека хорошо заметно.

Смаликх уже слышал как идет по соседней улице человек, вот он свернул и остановился совсем рядом, так, что можно было почувствовать запах. Человек пах не так, как местные, кофе, рыбой и табаком. Запах был правильный, сильный и кисловатый, человека, который так пахнет, можно брать хоть сейчас. Но Смаликх не был настолько голодным, чтобы набрасываться на добычу. Если подождать еще немного и подтолкнуть события, то будет гораздо, гораздо вкуснее.

Мария нервничала. Стало уже совсем темно, а ничего, похожего на гостиницу, не было видно. Фонари, – Кристо Санто! – почему тут нет фонарей?! Одна несчастная лампочка на три переулка. Как свет в конце тоннеля. И куда, спрашивается, все подевались? На центральных улицах горят огни, гуляет праздная толпа, а тут даже дорогу спросить не у кого. Хотя «спросить» – это громко сказано. Все, что Мария могла сделать – это показать карту в телефоне с красным флажком на месте нужного адреса. Но это не так уж важно, было бы кому показать. Кто строил эти подворотни? Почему они петляют как заяц, бегущий от погони? Кто в здравом уме тут вообще может жить?

Смаликх ждал. Это было легко и даже приятно – ждать, пока жертва, такая глупая, такая слабая, сама доведет себя до паники. Вот тогда-то он и поужинает. Ах, как хорошо он поужинает! Беги, беги, не останавливайся, вот сюда, здесь ты увидишь знакомые очертания, которые все равно обманут вблизи. А он в этот момент будет рядом, чтобы взять то, что ему полагается.

Тургай остановился, словно споткнувшись. До этого он шел, беспечно засунув руки в глубокие карманы и надвинув капюшон толстовки на глаза. В наушниках гроыхала музыка, и Тургай во всю подпевал, все равно стесняться на пустой улице было некого. Он никого не опасался, поскольку неплохо знал эти места, а ничего такого, на что могли бы польститься грабители, у него с собой не

было. Да и грабители тут, по правде говоря, практически не встречались. Такой город: нищих полно, а агрессии ноль. Дом дяди был уже где-то недалеко, но, увлекшись музыкой, он, кажется, пропустил нужный поворот. Тургай огляделся. Вроде, сюда...

Интересно смотреть, как нарастает тревога. Сначала ничто не предвещает ее, но вот появляются крохотные ростки, которые пробивают плотную землю уверенности и перерождаются. Удивление, недоверие, раздражение, злость, испуг и, наконец, страх. Как это захватывающе, следить за ними. Люди ничего не знают о своей природе, они даже не подозревают, что все самое интересное таится внутри. Как и сам Смаликх таится в недрах древнего города, похожего на старинную курительную трубку, искусно выделанную, крепкую и все еще красивую. С дымом внутри, хе-хе...

Даниэле выругался. Они опять поселили его в крохотном отеле у черта на рогах. Все экономят. Рядом с офисом стоит прекрасная современная гостиница, а его отправили на задворки, в «аутентичную атмосферу». Как же бесили его узкие высокие двери, сохраненные обшарпанными специально для всеядных туристов, тесные лестницы с неудобными ступенями, идиотски спроектированная вентиляция, при которой в уборной ты имеешь счастье слышать, как чайки высказывают на крыше нелестное мнение о приезжих. Его раздражало все: и система отопления, настроенная владельцем мини-отеля как видно для пингвинов, и душ, который то плевался кипятком, то норовил заморозить, и подтекающий унитаз, и неудобная кровать, и нелепый набор посуды на кухне, и отсутствие стирального порошка, – словом, абсолютно все. И как будто мало всего этого, так еще и добираться сюда нужно по темным замусоренным переулкам. Даниэле кипел от гнева. Одновременно он смотрел под ноги, не желая наступить в какую-нибудь мерзкую помойную лужу. Где же, черт раздери, этот поворот? Он помнил, что перед ним приколочена коричневая табличка, но сейчас, в полумраке ее было не найти. Все, больше никаких командировок! Или, по крайней мере, надо поставить ребром вопрос о нормальном жилье!

Ну нет, так не годится! Слишком горячая пища вредна и не различить ее вкус. Пусть сперва поостынет, нальется соками, напитается сладостью. Смаликх подождет. А пока можно следовать по пятам, дыша в затылок сыростью и прелью, чуть касаясь

плеча, задевая камни мостовой так, словно кто-то осторожный медленно идет следом, не нуждаясь в том, чтобы видеть преследуемого. Просто чуя его по запаху.

Хо! Как же так! Сколько раз Тургай приезжал к дяде погостить и ни разу не перепутал дома. И ведь дом рядом, точно рядом, сто раз тут проходил. Шайтан по ночному времени водит, путает. Конечно, на смартфоне есть карта. Но пользоваться ей глупо, стыдно идти по карте два шага до дома. Так. Шел оттуда, значит, улица повернула сначала вправо, а потом разветвилась. Похоже, он свернул не в тот переулок. Надо просто вернуться.

Забавно, забавно, мой друг. Ты так веришь в себя, так непоколебим. Посмотрим, надолго ли тебя хватит. Нет, ненадолго. Ты, как и все, кто родился под этим небом, знаешь цену разума. Что разум перед всеми чудесами мира? Что человек перед силами тьмы? И как при такой слабости человек может давать столько сил тому, кто предпочитает его в пищу?

Даниеле чувствовал себя плохо. Вот уже десять минут он блуждал по темным улицам, но никак не мог найти проклятую дверь. Желудок словно бы завязался узлом. Может, ланч был не свежим? Нельзя пить так много кофе – сердце стучит как барабан и голова кружится. Надо бы посидеть. Хорошо, что в этом городе имеют обыкновение выволакивать на улицу всякий мебельный хлам, чтобы в разгар рабочего дня расслаживаться с сигаретой. Даниеле присел на ветхий низкий стульчик и утер пот.

Так-то лучше. Вот теперь можно полакомиться. Такие, как этот человек, устроены просто: страх приходит у них на смену злости, вместе с усталостью и одиночеством. Но это не все. Дальше будет интереснее.

Мария чуть не плакала. Она бы заплакала, если б ей не было так страшно. Улицы, еще такие приветливые днем, превратились в жуткий тесный лабиринт. Дома теснились, напоззали друг друга, лезли из чрева города. И никого, Мадонна, помощи, никого! А позади все время кто-то смотрит, смотрит дьявольскими глазами и только ждет удобного случая. Мария прислонилась спиной к какой-то двери и тихо застонала.

Хорошо, очень хорошо! Это не высшая точка, нет, но наслаждение так близко, что трудно сдерживать себя, приходится кружить поодаль, не подходя вплотную, но и не отпуская жертву, дабы она не могла свернуть с дороги, которую сама же и выбрала.

Даниеле пытался собрать воедино разбегающиеся мысли. Где-то рядом должна быть гостиница. Надо взять себя в руки и дойти до нее. Там в тумбочке есть таблетки от давления. Там люди. Там никто не смотрит из-за угла и не дышит из подвала. А то так и подохнешь тут в этой подворотне, где даже скорую вызвать некому. Даниеле рванул галстук, со свистом втянул воздух. Надо идти, но только возле стены, как можно ближе, чтобы никто не мог коснуться спины, чтобы тени не клали руки ему на плечи. Тишина давила на уши, заставляя сглатывать. Тишина была страшнее любых крадущихся шагов. Там впереди наконец-то был тусклый фонарь, но он почему-то висел криво и все наклонялся и наклонялся, пока не завалился набок вместе с грязным переулком.

Ай, как неудачно! Он слишком заигрался, затянул и теперь уже, пожалуй, ничего не исправишь. Жертва ушла, и тянуть из нее сок больше не получится. Впрочем, такого все равно надолго бы не хватило. Но удовольствие можно было бы растянуть, если б Смаликх сумел вовремя остановиться. Досадно.

И снова не то! Тургай нервно оглянулся, но не в поисках двери, а потому что то и дело ему слышался за спиной дробный мелкий топоток, словно кто-то быстро перебежал улицу то туда, то сюда. Ему вспомнились бабушкины истории про маленьких демонов, которые подстерегают путников на темной дороге, чтобы утащить в болото или дупло и там... Тургай достал телефон. Пусть глупо, пусть рядом, но надо добраться домой. Колесико крутилось, карта не загружалась. Эти тесные улицы были надежно укрыты от спутников. Телефон осветил руки, но тьма их за пределами сгустилась до непроницаемой черноты, в которой – теперь это было ясно! – следили за ним и жутко улыбались.

Все оттенки страха, все его нюансы доступны сегодня ему. И он наслаждался, смаковал, пробовал новое. Сколько их сейчас бродит по городу, подпитывая Смаликха, доставляя ему удовольствие. Здесь всегда было много новых людей, еще не успевших понять, что значит сила, обитающая в древнем городе.

О, наконец-то! Вот она, ее дверь! Дрожащими руками Мария шарила в сумке в поисках ключей. Ключей не было. Тогда она ухватилась за кованое тяжелое кольцо в пасти льва и часто, громко, истерично застучала: откройте, да откройте же!

Вот теперь совсем хорошо! Когда жертва в нескольких секундах от спасения, она ощущает самый сильный, неконтролируемый ужас, именно потому, что помощь так близко! Смаликх съит, теперь можно отпустить глупого человечка, чтобы позже придти снова и снова.

Тургай застыл. Колесико крутилось, темнота вокруг звенела от чужого присутствия. Сейчас, вот сейчас они нападут на него! Шшурх, шшурх, шшурх, – громкие шаги раздались впереди. Тургай взвизгнул и попятился.

– Эй, парень, чего кричишь? – густой старческий голос разрезал тьму словно нож. Тургай выключил телефон и всмотрелся. В слабом свете далеких фонарей и звезд постепенно обрисовался силуэт высокого старика в джилльбабе и шапочке-куфи. Белая борода его опускалась на грудь. Он стоял, заложив руки за спину, слегка согнувшись, и внимательно разглядывал Тургая.

Парень прислонился к стене и перевел дух.

– Я заблудился, – дрожащим голосом выговорил он.

– Где ты живешь? – спросил старик.

– Акман Джаддеси 18.

– Это рядом. Но я тебя не знаю. Ты не здешний?

– Я приехал к дяде на каникулы.

– Ты племянник Билала?

– Нет, моего дядю зовут Хусейн.

– Да, Хусейна я тоже знаю, – старик переступил с ноги на ногу. – Ну что ж, пойдём, я тебя провожу.

Придется подождать, пока человек снова не останется один. Когда их много, невозможно полностью завладеть вниманием, но поодиночке они так уязвимы. Ничего, яд уже проник в его душу. Русло проложено, и в следующий раз страх потечет по венам быстрее и прощя.

Мария проснулась. Солнце хлестало в окно, словно вода из сорванного крана. Она вспомнила, как в истерике влетела вчера в

дом, как глотала воду пополам с успокоительным, а потом, уже лежа в постели, недоумевала, что могло так ее напугать. Ведь ничего же не случилось: ей не попались навстречу подозрительные типы, на нее никто не напал, но... вернуться на эту улицу снова в темноте она не согласилась бы ни за какие деньги. Вот так отпуск! Но сейчас день. Можно позавтракать и идти на прогулку. Главное, вернуться до темноты.

Мария уже оделась и выглянула в окно, чтобы посмотреть на погоду, но неожиданно ей показалось, что на нее кто-то смотрит из здания напротив. Там, в доме через улицу было окно, занавешенное синими шторами. И из-за этих штор кто-то глядел на нее пустыми черными глазницами. Он только и ждал, пока она выйдет на улицу, чтобы последовать за ней до первого укромного места. Мария резко задернула занавески и села на кровать.

Смаликх беззвучно рассмеялся.

Уснуть Тургаю не удалось. Общество старика на время избавило его от ощущения постороннего присутствия. Но когда он остался один в своей комнате, на него вновь навалилось тяжелое давящее чувство. Настольная лампа бросала по углам тени, в которых копошились какие-то существа. За дверью то и дело шуршали легкие шаги, а за окнами время от времени раздавались резкие крики, и словно бы что-то задевало стекла. Дядя, впусив его, тут же ушел в спальню, а все остальные уже давно отошли ко сну, поэтому по дому бродили только духи. Только нежить шевелилась по темным закуткам. Нежить, которой для существования нужна была человеческая плоть и кровь. Тургай забился в угол и стал ждать наступления рассвета.

Но свет не приходил долго. Так долго, что Тургай постепенно впал в забытье, в сонную одурь. Но уснуть до конца он не мог. Стоит только его душе покинуть тело, чтобы прогуляться по сонным чертогам, как все те, что ждут по углам, набросятся, вцепятся, присосутся к нему!

Сталь! Тургай вспомнил, что дед когда-то рассказывал, как воинов во время лесного ночлега охранял от нежити стальной клинок. У Тургая тоже был клинок, красивый нож в узорчатых кожаных ножнах. Тургай нашарил его в тумбочке, отшвырнул ножны и принялся ждать.

С первым солнечным лучом в дверь его постучали, тихо, вкрадчиво. Нет, нет! Он же продержался всю ночь, охраняемый

спасительным клинком. Они не могут взять его теперь, на рассвете! Дверь не закрыта, вот уже поворачивается ручка... Тургай бросился к двери в надежде запереть ее. Но он не успел. И тогда в ужасе и отчаянии он ударил лезвием того, кто входил, вползал, вплывал в его комнату. Демон пришел в чужом обличье. Но это было уже не важно, и Тургай в исступлении всаживал нож в живот своего дяди Хусейна!

Я не покину тебя, куда бы ты ни отправился: в больничную ли палату, в тюремную ли камеру. Везде ты будешь настолько одинок, насколько прочно ты впустил меня в свое сердце.

Мария упаковала чемодан. Наконец-то! Если бы она могла поменять билет, то уехала бы еще три дня назад. Все эти дни она не выходила из своего номера. Хорошо, что еду можно было заказать из кафе внизу. Только присутствие гостиничного персонала, да упаковка волшебных таблеток, от которых она беспробудно спала всю ночь, помогли ей продержаться так долго. Но сегодня она уезжает. И, видит Бог, никогда больше нога ее не ступит в окрестности этого города. В конце концов, есть Европа, Америка, да что там, даже в Россию будет не страшно отправиться после того, что она пережила здесь!

Она ничего никому не расскажет, она обещает. Мария догадывалась, что без этого обещания город не выпустит ее из своих когтей. Что-нибудь случится на пути к аэропорту, что заставит ее остаться. Нет, нет, она ничего не расскажет. Будут солнечные фотографии, где за спиной лепечет море, а она широко улыбается в камеру.

Вот и такси.

Рыбаки уже покинули набережную, прихватив с собой раскладные брезентовые стулья, пластиковые ведра с уловом и длинные удочки. Только в одном месте, там, где набережная ныряла под мост, прямо на каменном парапете сидел старик в коричневом джильбабе и темной куфи. Длинная трубка его далеко высывывалась из бороды, поэтому дым не мог подпалить бело-снежный волос.

Старик смотрел на море и курил. Туман подкрался к нему, но не с воды, а со спины, словно набрасывая тонкое одеяло на крепкие плечи. Тогда старик вынул изо рта трубку и проговорил задумчиво, словно обращаясь к морю:

– Договору так много лет, что ты мог забыть его условия. Но сегодня я вновь убедился, что ты честно их соблюдаешь. Пусть же он продлится, – и добавил, – Рожденные и живущие на этой земле да не будут пищей твоей. Лишь странники станут добычей того, чье имя Страх.

СТИХИ

Дождь недалеко, ты слышишь, слышишь?
Даже здесь в лесу, под хвойной крышей.
Правда, мы уже почти что вышли
На дороги длинный коридор.

С двух сторон чуть нависают сосны.
Здесь асфальт не успевает сохнуть
И пружинит по краям песочным
Влажный шишечно-игольный сор.

Наконец умолкнула кукушка.
Туча зацепилась за макушку,
И зеленая лесная гуща
Хвою нам на головы трясет.

Побежим, пока еще не грянул.
Разгоня этот воздух пряный?
Нам вослед, живым, влюбленным, пьяным,
Первая из капель упадет.

Плавно и вольно, практически без усилий
Чайки плывут и играют в пасмурной сини,
Чертят фигуры и падают на крыло.

Ловко ныряют вниз за беспечной рыбой
И оседают пеной морской на глыбах,
Не сознавая, как же им повезло.

Не отложишь его на потом –
Океан настоящ неотменно.
Приходи в мои воды с китом,
Как мериллом соленой вселенной.

Если сможешь достичь глубины,
То тебе океан покорится.
Лишь киты глубоки и сильны,
Чтобы вовремя остановиться.

Если рыщешь поверх, без затей,
Океан молчалив и бесстрастен,
И пока не случилось несчастья,
Уплывай от меня на ките.

А в августе такие облака!
Как лайнеры плывут в небесной сини.
Их красота почти невыносима,
Их сливочная пышность так легка.

А солнце пробирается в сад
Под полог яблонь, уронивших ветки
Под тяжестью плодов великолепных,
А я сижу и все чего-то жду.

И опираюсь на корявый ствол,
И яблоко срываю с боком красным,
И думаю, что, в общем, не напрасно
В безделье августовский день прошел.

Море – вкрадчивый и нежный деспот,
Убивая, заново творит.
И простит тебе любую дерзость,
Если ты несешь его внутри.

Не склониться и не раствориться –
Глупость несусветная, и вот
Между нами рушатся границы,
Море шепчет и в груди поет...

Я войду сурово-недовольной,
Лягу камешком в твоей горсти.
Покачай меня в ладонях-волнах,
Гладкой и округлой отпусти.

Запах речной воды, земляная прель,
Заросли камыша и густой лозняк.
Изредка рвет дремоту лягушья трель,
Тихо плеснет хвостом по воде судак.

Здесь, на людское общество наплевав,
В скромном домишке ведьма живет давно.
Рыжая, очи цвета июньских трав,
Музыка леса. Горечь древесных нот.

Ведьма смеется редко и пьет глинтвейн,
Вяжет себе болотного цвета шаль.
В рамке облезлой гримасничает Эйнштейн,
А на календаре до сих пор февраль.

И ничего как будто бы не болит.
Боль, что сломала и выжгла ее дотла,
Над головой созвездий сменила вид,
Ведьма почти убила. Почти смогла.

Только ночами снится ей тот же сон:
Будто она плывет в ледяной воде,
В воздухе мертвом стая немых ворон,
Гибель хватает за ноги в темноте.

Криком беззвучным давится и хрипит,
Тонет. И просыпается вся в слезах.
Воду глотает, зубами о край стучит.
«Сгинь-пропади в глухой да гнилой овраг».

Утренний кофе плавит полночный лед.
В новый рассвет не положено страхи брать.
Ведьма неспешно к речке с ведром идет...
Ведьмой нельзя родиться, но можно стать.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВА

УЛУ (УЛУ)

Обрезки ткани, бумажные лекала, карандаши, ножницы, пуговицы, пакеты с наполнителем, шпульки и булавки занимали две табуретки, подоконник единственного окна, гладильную доску и частично пол – все горизонтальные плоскости в комнате, кроме стола. Так было удобнее работать – всё под рукой. Только стол содержался в идеальном порядке – на нем стояла новая, дорогая швейная машинка.

Прошло уже четыре месяца, как Динара уволилась со скучной работы кассиром и занялась тем, что она действительно любит – шитьем тряпичных кукол, плюшевых мишек и прочих мягких игрушек.

Сначала дело шло хорошо. Авторские игрушки моментально раскупались многочисленными знакомыми, стоило Динаре выложить очередную поделку на свою страничку в Инстаграм. Девушка была воодушевлена, и с верой, в то, что ее начинание перерастет в настоящее доходное дело работала очень усердно.

Кукол Динара придумывала сама. Сначала рисовала несколько эскизов на бумаге, выбирала лучший из них, дорисовывала, продумывала мельчайшие детали образа и даже характер будущей куклы, и только после того, как нарисованный персонаж приобретал законченный вид, Динара воплощала задумку в жизнь.

Все куклы Динара делала в единственном экземпляре – заказчики ценили эксклюзивность. К тому же на изготовление одной куклы у неё уходило столько физических и моральных сил, что тиражировать их не хотелось.

Здорово было бы нанять в помощь двух добросовестных помощниц. Они освободили бы Динару от рутинной работы – сшивания деталей и набивания кукол ватой, и позволили сосредоточиться на творчестве – создании образов и прорисовывании кукольных лиц.

Но платить помощницам пока было не с чего, и девушка продолжала работать одна за троих в надежде, что ее талант и счастливое имя Динара, означающее «серебряная монета», принесут в скором времени удачу.

Прошло еще полгода. Поток клиентов стал иссякать. Все друзья, знакомые, дальние и близкие родственники обзавелись плюшевыми мишками, мышками, ежами и слониками от Динары и больше покупать не хотели. Чтобы привлечь новых клиентов нужно было заниматься рекламой в соцсетях. Но Динара как огня боялась таргетинга – слова странного, «на грех наводящего».

К зиме девушка раскисла. До нового года оставался месяц, хотелось подвести «красивые» итоги, но таких не имелось. Да, какие-то продажи еще шли, но большого продвижения не было.

И вдруг – удача! Утром 2 декабря на почту Динары пришло письмо от хозяйки магазина подарков «Империя Gift»!

Динара прекрасно знала этот магазин, расположенный в центре Астаны, и сама часто заходила туда как в музей – поглазеть на дорогие вещицы, красующиеся в зеркальных витринах.

Хозяйка магазина интересовалась, не могла бы Динара изготовить специально для магазина коллекцию из 10 игрушек, непременно улиток (похожих, но разных), за срочность обещала приличную доплату.

Динара, не размышляя ни секунды, с радостью ухватилась за «жирный» заказ.

Правда, улиток Динара еще никогда не делала, да и в жизни с ними особо не сталкивалась. Пару раз видела улиток в детстве. Слизкие, медлительные, с ракушкой на спине. Что в них интересного?!

Однако уже через час, начитавшись статей про улиток в интернете, Динара изменила свое мнение.

Оказалось, улитки древние жители нашей планеты и рекордсмены по количеству зубов – аж 25 тысяч штук в 120 рядов! Такой зубастой пастью не может похвастаться даже акула!

Большинство улиток – хищники, у них зубы могут быть в форме багра, чтобы хватать жертву, или сверла, который может пробуривать панцирь устрицы.

Есть также ядовитые улитки, у которых в ротовой полости расположены специальные железы, по которым стекает яд, парализующий жертву.

После плотного обеда, на десерт, улитки лакомятся подгнившим деревом.

У улитки практически отсутствует слух и очень плохое зрение – они едва отличают день от ночи, зато у них идеальное обоняние, а еще они очень сильные, могут нести на себе груз в 10 раз больше, чем их собственный вес.

Динара озадаченно потеряла лоб. И как теперь, располагая подобной информацией создать милый игрушечный образ?! Задача не из легких, а времени на исполнение всего 12 дней.

На выручку пришли кадры из мультика про Чебурашку и крокодила Гену. Крокодилы в реальности весьма опасные и неприятные рептилии, а в мультяшном образе – само обаяние. «Вот по этому пути надо и мне идти!» – в рифму сказала Динара вслух. Творческий ступор был снят и через два часа на гладильную доску лег эскиз будущей игрушки – улитки-принцессы.

Форму настоящей улитки Динара в общих чертах сохранила. У игрушки была нога с подошвой, голова, щупальца, рожки, ротовая полость и раковина.

Подошву и щупальца мастерица сделала максимально похожими на настоящие, а вот с оформлением других частей тела брюхоногого моллюска девушка хорошо пофантазировала.

Ротовая полость была переделана в настоящий человеческий рот с пухлыми красными губами, а глаза, которые у моллюска расположены на тонких рожках и практически незаметны, были превращены в крупные, голубые, похожие на человеческие, с ресничками.

Раковина улитки, в простонародье называется домиком, что натолкнуло на мысль водрузить на спину улитки целый замок с окнами, воротами и башенками – ведь сказочные принцессы должны жить именно в них, а не в каком-то там спиралевидном панцире.

В довершение образа принцессы из-под раковины-замка выглядывали пышные оборки и рюши, которые сзади и боков прикрывали подошву улитки, создавая впечатление бального платья.

В итоге образ получился экстравагантный, очень выразительный, цепляющий.

Динара отправила эскиз будущей игрушки заказчице на согласование, та одобрила.

Теперь нужно было сделать первую улитку, а после, по образу, доделать оставшиеся девять, меняя цвет ткани, архитектурную форму замка-раковины и длину щупалец, прорисовывая каж-

дой улитке индивидуальное личико и украшая голову создания персональной короной из бусинок.

В итоге все улитки получатся в едином авторском стиле, но при этом будут все разные на любой вкус, но одинаково толстый кошелек.

Динара улыбнулась и воодушевленно воскликнула по-казахски: «Улú-улú-улú!». Если все пойдет гладко, через 12 дней ее счет пополнится на 300 тысяч тенге!

Первый день был потрачен на эскиз, разработку лекала и подбор ткани. Последний день Динара отвела на упаковку и отправку товара.

«На изготовление 10 улиток остается ровно 10 дней. Значит нужно делать по одной игрушке в день. Тяжело... Работать придется с раннего утра до поздней ночи... Но раз взялась – должна справиться! Это того стоит!» – размышляла про себя Динара укладываясь в кровать в два часа ночи.

Утром в шесть, после быстрого завтрака, девушка села за кройку ткани.

Для платья первой улитки Динара подготовила изумительный глазет, с шелковой основой и узорами из золота и серебра. Для ноги и подошвы взяла темно-бордовый бархат.

Пришлось повозиться с выкройкой зámка – трудно кроить мелкие делали такой сложной формы.

После обеда Динара приступила к сборке «на живульки» всех частей улитки в единое целое, чтобы было веселее, включила телевизор. По местному каналу шла передача про новогодние обычаи и традиции в Казахстане.

Сначала рассказывали про казахского деда мороза – Аяз Ата, а после про мифы и легенды о животных, входящих в 12-летний цикл.

Давал интервью известный культуролог, Динара прислушалась:

– Ауэзхан Абдираманович, почему есть отличия в восточном китайском и казахском календарях? Ведь казахи, тоже восточный народ. Однако по китайскому календарю наступающий 2012 год принадлежит Дракону, а у казахов этот год издревле считается годом Улитки, Улú.

– Все дело в различии мировоззрений. Китайская цивилизация на протяжении многих веков была империей, поэтому Дракон как грозное мистическое существо, способное нагнать страху на весь мир, китайцам подходило больше, чем улитка. Что касается

образа Улú для казахов – это такой способ самоидентификации кочевников, поскольку они также медленно кочевали по степи со своими кибитками, как улитки с раковинами на спине.

– Многие считают, что год улитки – это год семейного уюта, так ли это?

– Каждый может считать, как ему заблагорассудится, но все может быть и по-другому. Настоящая улитка поедает все замшелое и отмирающее, а вот её молодь может покуситься и на свежати́ну. Улитка хоть и моллюск – не всегда смиренный, и во многом не уступает Дракону.

Динара по-новому посмотрела на свое рукоделие. Улитка уже начала приобретать задуманный облик.

– Улитки в мифологии опасные, хищные и коварные существа. И не только в казахской, кстати. В тюркских, монгольских, бурятских, алтайских мифах есть легенда об Эрлике Кровожадном – Первом умершем, владыке подземного мира, живущем во дворце из чёрной грязи. Эрлик начинает творить мир в образе улитки, добывая со дна океана комок глины – будущую землю. А в меланезийской мифологии улитка, наряду с акулами, аллигаторами и птицами фрегатами, считается «перевозчиком духов» в мир мертвых. Реальные улитки убивают...

Девушка так заслушалась, что сильно уколола палец иголкой. На пальце выступила капля крови и упала на куклу. Кровь моментально впиталась в ткань, и девушка не заметила красного пятнышка на фоне темно-бордового бархата.

Было больно. Динара, отложив в сторону недошитую игрушку, поспешила на кухню за аптечкой, чтобы залить палец йодом и наклеить лейкопластырем.

Когда девушка вернулась в комнату, передача подошла к концу. Дослушать, кого там убивают улитки, не удалось.

К десяти часам вечера первая улú была полностью сшита и набита холлофайбером.

Еще два часа ушло на изготовление короны и рисование личика.

Ровно в полночь на Динару голубыми глазами смотрело странное создание: улитка с человеческими чертами лица, в балльном платье и замком на спине. Антропоморфного вида игрушка выглядела, как и было задумано – богато, качественно, оригинально и... жутковато. Вот последнее не было запланировано!

Динара внимательно посмотрела на эскиз и на готовую работу. Все выполнено идеально. Однако, нарисованная улитка не вызывала неприязни, а вот от готовой игрушки исходило нечто такое... Динара не смогла сформулировать.

Девушка задумчиво поправила на голове улитки корону и вдруг, ей показалось, что кукла улыбнулась.

«Так, всё, кажется я перетрудилась... уже мерещится всякое...», – подумала мастерица, посадила улитку-принцессу на подоконник и пошла спать.

Заснула не сразу – ныл уколотый палец, от долгой сидячей работы болела спина и шея. Беспокоило также чувство, что улитка может не понравиться и заказчице. Хотя с какой это стати?! Хозяйка магазина эскиз утвердила, а готовая улитка полностью ему соответствовала!

Проснулась Динара посреди ночи от тяжести в груди и нехватки кислорода. Показалось, что её кто-то душит. Девушка резко отбросила в сторону что-то мягкое со своего лица и включила ночник.

«Подушка! Наверное, это подушка», – предположила Динара, оглаживая комнату и смятую постель.

«Видимо, во сне я ворочалась и перекрыла сама себе дыхание» – пыталась объяснить происшествие девушка, как вдруг увидела возле кровати игрушку. Ту самую принцессу-улитку, что должна была сейчас смирно сидеть на подоконнике...

Динара встала с кровати и подняла куклу с пола. Странно... девушка не помнила, чтобы приносила улитку-принцессу к себе в спальню.

Улитка выглядела враждебно. Она словно гипнотизировала девушку, всверливалась, впивалась в потаенные уголки её души, поднимая со дна самые тёмные страхи.

«Неужели я начала страдать лунатизмом как моя прабабка?!» – колкий холодок пробежал по коже Динары.

Она осторожно вернула куклу на подоконник и, пятясь спиной, не спуская настороженных глаз с улитки, вышла из комнаты.

Выпила снотворное, вернулась в спальню и снова легла в постель, успокаивая себя: «Все со мной нормально, я здорова! Просто переутомилась. Завтра еще раз критически взгляну на игрушку и, если дурное наваждение не развеется, просто перешью ей голову и нарисую более приятное лицо».

Наступило утро.

Напрасно звонили Динаре подруги, безуспешно писала во все мессенджеры хозяйка магазина «Империя Gift», желая узнать, как продвигается изготовление заказа. Динаре мирские дела и проблемы были уже безразличны.

Она ехала верхом на улитке в призрачный мир, в царство Эрлика, и улу широко улыбалась ей окровавленным ртом, обнажая тысячи острых зубов.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

(авторский вольный художественный перевод английского народного детского стихотворения-сказки «The house that Jack built» by Mother Goose)

Этот дом построил Джек:
Крыша, стены, фундамент-гранит,
Стоять дому не один век!
Джек в доме пшеницу хранит.

Но в доме есть крыса искусная,
Ей нравится есть пшеницу,
У Джека в доме не сохранится
Пшеница – уж очень вкусная!

Однако в доме котишка есть,
Он может вполне эту крысу съесть,
Да, да, эту крысу искусную,
Да ту, что пшеницу ест вкусную,
В подвале дома лежащую,
У Джека весьма работающего.

Эта собака живет у Джека,
Коту она враг, но друг человеку,
Тому коту, что крысу пугает,
А крыса с испугу пшеницу съедает,
В подвале дома лежащую,
У Джека весьма работающего.

Но часто бодает собаку корова,
Рогом кривым, но собака здорова.
Она продолжает трепать кота,
А крыса с испугу в подвале спасаясь,
Одною пшеницей всё время питаюсь,
Готова, однако, уйти навсегда
От Джека, коровы, собаки, кота.

Вот юная леди, совсем одинока,
Доит корову с кривым рогом,
Жаль часто бодает собаку корова,
Однако собака жива и здорова.
И треплет всё крепче собака кота,
А бедная крыса уйти навсегда
Готова от Джека, коровы, собаки,
От леди доящей, кота-забияки,
Пшеницы хрустящей – еды настоящей,
И даже от дома, который на век,
Построил весьма работающий Джек.

ИРИНА КУЧЕНЮК

НЕДЕТСКИЙ ВОПРОС

Баба Ньюра уже несколько недель мечтала о приезде шестилетнего внука Костика на каникулы.

Его ждали все прелести деревенского отдыха. Пробуждение под неистовое пение петуха и жужжание бьющихся об стекло маленькой окошка жирных мух: бз, бз, бзззз. Кружка тёплого молока в полдень, так странно отличающегося от молока магазинного своей густотой и кремовым цветом. Любопытно: деревенские коровы дают молоко сразу в чашку, а не в пакет, как их городские сёстры.

Рядом с домом река – кисельные берега. Никаких счётчиков воды, плановых летних отключений водоснабжения, криков папы: «да сколько можно в ванне сидеть?». Беги, на ходу выпрыгивай из штанов, сбрасывай шлепанцы, ныряй в тёплую реку! Плыви вдоль берега вместе с мальками, пока ты и сам человеческий малёк.

Маленький Костик ехал погостить к бабушке без родителей, поэтому она освежила в голове рецепты завтраков для городских малоежек: пышные оладушки, кружевные блинчики, домашний творог, белоснежный, как снега Эльбруса.

Баба Ньюра ловко взбила подушки на гусином пуху, поправила круглый вязаный разноцветный коврик у кровати, окинула взглядом уютную комнатку – внуку понравится! Она едва заметно улыбнулась, поправила косынку загорелой рукой и вышла во двор ждать гостей.

Уже через полчаса внук сидел за кухонным столом, бодро ел пружинистые оладьи, поливая их вареньем, и дул на густой липовый чай, налитый в гранёный стакан.

Бабушка сидела за столом напротив, опершись щекой о ладонь. Глядя на внука, она наслаждалась моментом их долгожданной встречи. Пока её мысли неслись где-то между «чем накормить

на завтрак» и «как же он похож на папу», внук, облизнув сладкие пальцы, деловито спросил:

– Ба, а ты знаешь, что такое секс?

Баба Нюра, услышав, чем интересуется дитя, взяла паузу и решила использовать свой излюбленный способ отсрочки ответа на сложные вопросы – она зашлась в кашле. Кашляла мучительно долго, громко, почти до рвоты, безуспешно пытаясь избавиться от невидимой крошки, застрявшей в горле.

Раньше это помогало выиграть время, чтобы обдумать ответ. Но продвинутый городской внук, ловко соскочив с дивана, нанёс бабушке исцеляющий удар ладошкой по спине. Бабушка от неожиданности тут же прекратила кашлять, а Костик отрапортовал, приложив ладонь к виску: мама из папы так кашель выбивает!

Бабушка очень надеялась, что сцена с кашлем отвлекла любопытного внука от пикантного вопроса, но тот, положив тёплую руку ей на плечо и заглянув в глаза с надеждой, спросил:

– Ну, а теперь скажешь, что такое секс?

Вопрошающий внук был так же настойчив и пылок как его дед Аркадий лет пятьдесят назад. Баба Нюра поняла, что сопротивление бесполезно. Она шумно втянула в себя воздух, откинулась на спинку стула и голосом хранительницы тайн выдохнула:

– Ну что ж...

Костик сидел уже на своём прежнем месте среди обкусанных оладьев и пустых креманок с вареньем. Прижав кулачки к щекам, он пронзал бабушку нетерпеливым взглядом.

В это время бабушкин мозг работал как неповоротливый, вышедший из комы Windows 5:

– Секс... Секс... Да, конечно, сейчас расскажу!

Мысленно перекрестясь, бабуля затараторила:

– Помнишь, у нас был кот Дизель и кошка Шуша? Так вот, они любили друг друга и у них родились котятка! Ну или помнишь у нас был петух Кукарек и кур он любил. Всех сразу. И у них у всех сразу цыплята появились... А ещё помнишь... Бабушка превратилась в живой станок по производству примеров, когда любовь давала плоды. Она так углубилась в тему, так разошлась, что раскраснелась, повеселела, стала говорить громче...

Глаза Костика округлились до максимальной возможной округлости, он шумно выдохнул и расхохотался.

– Бабушка, ты всё неправильно говоришь! Секс это...

Баба Нюра рухнула лицом на стол, обхватив голову руками, боясь услышать что скажет внук. Ничего не понимающий Костик протараторил:

– Секс – это шесть! Цифра такая! Секс! Я на английский в садике ходил! Ван, ту, фри, фо, фэйф, секс, севан...

Бабушка вздрогнула. Обмякла. Её плечи долго содрогались от беззвучного смеха.

Затем, медленно поднимаясь и вытирая передником градом льющиеся слёзы, она жарко зашептала:

– Ой, Костяяя! Что же ты делаешь со мной, Костяяяя!!!

Через месяц, сидя на унитазе в детском саду, Костик прощещал сидящего за перегородкой друга:

– Так вот. Если зазеваешься и полюбишь кого-нибудь, то вскоре появится ещё десяток таких как ты, только маленьких...

А баба Нюра, заходя в деревенский магазин, кричала, занимая очередь:

– Лидочка, хлеб свежий? Мне секс буханок!

ИЛЬЯ ЧЕСНОКОВ

ПОЛСПИЧКИ

После распада Советского Союза в моём родном Чимкенте только и разговоров было о том, как теперь будет жить и развиваться Казахстан. Разорванные производственные и торговые отношения между республиками и городами сразу сказались на поставках сырья, материалов и потребительских товаров. Товарный голод надвинулся быстро и беспощадно обрушился на людей. В ходу были ещё советские рубли и копейки. Национальную валюту, тенге, начнут печатать только через год, и то не в Казахстане, а в Великобритании и Германии.

В апреле 1992 года я учился на четвёртом курсе педагогического института. Что будет после окончания вуза, я не имел никакого представления.

С работой было непросто. Мой папа продолжал работать слесарем на фабрике, а мама продавцом в хлебном отделе продуктового магазина «Колос», который находился на проспекте имени Ленина.

Магазин располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома и пользовался огромной популярностью среди жильцов соседних многоэтажек. Ассортимент в гастрономе был огромен. Но наступили девяностые и всё изменилось.

Об одном из случаев того времени я и хочу рассказать.

Я только вернулся из института и начал разуваться, как вдруг зазвонил телефон. В трубке зазвучал тревожный голос мамы:

– Сынок, приезжай быстрее в магазин! Здесь такое творится! А папа пришёл с работы?

Ничего толком не поняв, я ответил:

– Папа ещё не пришёл. А что случилось?

– Не спрашивай. Напиши записку папе, чтобы он срочно, не переодеваясь, ехал ко мне на работу.

– Хорошо, мама, не волнуйся. Выезжаю.

Быстро обувшись, я выбежал из квартиры. Встревоженный, не заметил, как промчался через весь город двумя транспортами. Записку написать я, конечно же, забыл.

Выскочив из троллейбуса, я направился к магазину с той стороны, где был служебный вход. Мама работала здесь много лет, и поэтому мне были известны все входы и выходы. Я зашёл внутрь, промчался мимо раздевалки, склада и очутился в торговом зале.

То, что я увидел, поразило меня. Весь торговый зал был набит людьми, толкающимися, орущими и хватающими хлеб. Были, конечно, и раньше большие очереди, но вот такого я ещё не видел. Передо мной оказалась стена спин и затылков, двигающихся в разных направлениях. В нос ударил запах свежего хлеба и чего-то кислого и пропотевшего.

– Мама, я здесь. Где ты? – закричал я поверх голов, в сторону двери.

– Сынок, я за кассой! Двигайся ко мне.

И я начал двигаться. Протискиваться сквозь плотно прижатых друг к другу людей было непросто, и я прокричал:

– Дорогу! Дорогу! Свежая краска!

Люди на мгновение замерли, осматриваясь вокруг. Я воспользовался этим замешательством и протиснулся к кассе.

Запыхавшись, я крикнул:

– Что делать надо?

– Держи кассу! Они двигают её. И не позволяй, чтобы уходили, не оплатив хлеб. Помогай, без тебя никак!

Раскинув руки и сдвинув угрожающе брови, я встал в проходе между кассой и стеной, за которой находился соседний отдел.

В те времена кассы были огромными и тяжёлыми счётными агрегатами, похожими на печатные машинки, с большими клавишами с выдавленными на них цифрами и буквами. Внизу этого аппарата находился выдвижной отдел для денег, а справа сбоку имелась ручка для движения кассовой ленты. Кассы устанавливались на тумбочках, которые крепились к столам. Продавцы-кассиры сидели на высоких стульях, принимали деньги и проби-вали чеки. Мама, старший продавец хлебного отдела, отвечала за весь процесс торговли – от получения товара до сдачи выручки.

Имея высокий рост, я легко наблюдал за людьми в магазине. Первые мои слова, обращённые к покупателям, были сдержаны и даже интеллигентны:

– Товарищи, соблюдайте очередь! Не спешите! Всем хлеба хватит! Скоро привезут новую партию.

Народ наседал, а в воздухе стоял гул, похожий на грохот перекатывающихся камней. Мама, раскрасневшаяся и немного растерянная, быстро принимала деньги, отсчитывала сдачу, отрывала чеки и что-то ещё успевала говорить покупателям.

– Мама, – крикнул я, – где Вася, рабочий? Почему он не помогает? Где он сейчас?

– Я не знаю, – долетели до меня её слова, утопая в разном языке многоголосье, – наверное, в соседнем отделе.

Соседним отделом был винно-водочный. Ощувив духоту, я расстегнул пиджак, приподнялся на цыпочки и, приложив ладони ко рту, изо всех сил крикнул:

– Вася! Василий!

Из толпы вынырнули одновременно три мужские головы с взъерошенными волосами и приоткрытыми ртами. Они одновременно крикнули мне в ответ:

– Не¹? Что? Не болды²?

Может быть, это и были Васи, но не те. Я со злостью махнул в их сторону рукой. Головы скрылись. Сжав кулаки и сверкая глазами, я крикнул в толпу:

– А ну прекратить орать! Выстраиваемся в очередь! Встали по одному! Заранее готовим деньги и без сдачи! Не отвлекайте продавца!

Я поймал благодарный взгляд мамы, и мне стало немного легче. Вдруг чья-то рука дёрнула меня за плечо и я обернулся. За мной стоял, покачиваясь, Вася. Это был мужчина лет сорока с отравляющим всё живое дыханием в помятом комбинезоне бутылочного цвета.

– Ты пьян, что ли? – крикнул я ему в лицо.

– Нет, – ответил он, отшатнувшись от меня и ударившись затылком об угол стены, – А что, собственно, случилось? Я был в соседнем отделе, помогал разли... расставлять бутылки. Коллеги попросили.

Я понял, что Вася ничем нам не поможет. Касса двигалась как при землетрясении. Люди, боясь остаться без хлеба, превратились в неуправляемую толпу. Они хватали булки и поднимали их над головой, чтобы не помять.

¹ Что? (Перевод с казахского языка).

² В чём дело? (Перевод с казахского языка).

Я повернул голову к кассе и крикнул:

– Мама, а где твоя помощница, Нурия?

– Она сейчас должна прийти на смену. Ждём машину с товаром. Она будет принимать хлеб. Привезут триста серого хлеба и двести батонов белого.

Покупатели, услышав о скором привозе хлеба, немного успокоились и начали выстраиваться в очередь. Мимо окон магазина проехала будка «НАН»³ и остановилась у заднего входа магазина. Из приёмочного отдела выглянуло заспанное лицо Нурии. Располневшей продавщице было на вид около тридцати. В её безмятежном взгляде читалось равнодушие к происходящему.

Протерев глаза и прикрыв ладонью рот, она недовольным сонным голосом выпалила:

– Лидия Дмитриевна! Хлеб привезли! Принимать?

– Принимай, пересчитай внимательно, прими документы и распишись, – крикнула в ответ мама, не отрываясь от работы.

Я успокаивал толпу:

– Товарищи, привезли свежий хлеб! Подождите немного. Сейчас продавец принимает товар. Всем хлеба хватит.

Нужно было срочно найти Василия, и я пошёл в соседний отдел. Заметив моё появление, грузчик наклонил голову и хотел скрыться в дверях.

– Василий, туру⁴! – закричал я.

Он резко развернулся, подошёл ко мне вплотную и, вытирая пальцами уголки губ, просипел:

– Да знаю я, знаю, что машина приехала. Сейчас вот только товарищам руку пожму...

– Василий! – я грозно схватил его за рукав.

– Всё, иду, иду.

Он обернулся на закрытые двери соседнего отдела, откуда доносилось звяканье посуды, и облизнулся. Пробираясь между людьми и направляясь к складу, Вася закричал:

– Ну, где ты там, айналайн⁵, моя Нуриечка? Где ты, стройная ты наша? Давай хлеб принимать, мать...

Приёмка хлеба началась энергично, но продолжалась недолго. Через несколько минут из приёмочного отдела высунулась голова Васи и, обращаясь к маме, прокричала:

³ Хлеб. (Перевод с казахского языка).

⁴ Стоять! (Перевод с казахского языка).

⁵ Дорогая. (Перевод с казахского языка).

– Командир, товар приняли! Сто штук хлеба и сто штук белого батона. Накладные на столе. Водила уехал в другой магазин. Когда будет новый завоз, не знает.

Услышав это, мама, чуть не плача, пригрозила ему кулаком. Нурия начала раскладывать булки по полкам, но так медленно, что люди стали выхватывать батоны прямо из её рук.

Услышав о недопоставке хлеба, толпа взорвалась: «Нан жок⁶!», «Хлеба не хватит!», «Нас обманули!», «Припрятали хлеб себе!», «Будем жаловаться!», «Чёрствый привезли!». В воздухе летали искры хаоса.

Ко мне подошёл Василий, почему-то быстро отрезвевший. Я оставил его в проходе, а сам направился к кассе на помощь маме и услышал за спиной голос отца:

– Сынок! Куда мне идти? Я ничего не вижу.

– Папа, иди к проходу, к Васе. Держите оборону!

Отец, натянув на брови потёртую кожаную фуражку, рванул в толпу:

– А ну посторонись! Зашибу!

Папа участвовал в фабричной самодеятельности, был запевалой мужского хора из сорока человек вместе с другом по фамилии Соловей. Понимая, что его слова тонут в бурлящей какофонии, он перешёл на нестандартный лексикон, как на русском, так и на казахском языке. Услышав до боли знакомые выражения, народ поостыл, всматриваясь в небритого мужчину, рвущегося в проход. Папа, доплыв до Василия, вцепился в него, как в родного. Вместе они образовали живую цепь, качающуюся на волнах человеческой нервозности. Желая приободрить отца, я крикнул ему:

– Так держать, Владимир Ильич!

Папа успел мне кивнуть, не выпуская рук грузчика, как вдруг из центра толпы раздался чей-то визгливый крик:

– Бабке плохо!

Я приподнялся на цыпочки и разглядел, как старушку подхватили под руки, оттащили к окну и прислонили спиной к батарее. Когда ей стало лучше, она прижала к груди свежий хлеб, откусила кусочек и, озираясь по сторонам, шмыгая носом, начала энергично шамкать. А тем временем подросток лет пятнадцати, спрятав батон под рубашкой, рванул мимо кассы к выходу. Это был невысокий паренёк с растрёпанными чёрными волосами. В его узких глазах горел огонёк азарта. Я закричал отцу:

⁶ Нет. (Перевод с казахского языка).

– Папа, держи пацана!

Отец выставил ногу вперёд, но воришка ожидал этого и перепрыгнул через неё. Он оглянулся назад и показал язык.

Из соседнего отдела выехала тележка, доверху гружёная ящиками с водкой. Беглец наскочил на неё, перелетел и грохнулся на бетонный пол. Батон пролетел мимо нескольких отделов и попал в морду случайно забежавшей собаки, которая, не растерявшись, схватила зубами буханку и выбежала на улицу, пугая прохожих. Несколько бутылок водки «Пшеничная» вдребезги разбились в коридоре. Такой дезинфекции помещения здесь ещё никогда не было!

На мгновение все покупатели зависли. Я воспользовался этим и спокойно сказал:

– Товарищи, соблюдайте порядок! Не проходите мимо кассы, не оплатив товар!

По мере того, как убывал хлеб на полках, у мамы в кассе заканчивалась мелочь, и она обратилась ко всем покупателям:

– Товарищи! Мелочи для сдачи нет. Готовьте, пожалуйста, деньги под расчёт. Соблюдайте порядок и тишину.

Люди углубились в свои карманы, кошельки и сумочки. В очереди было много соседей из ближайших пятиэтажек. Послышались вежливые слова и засверкали улыбки. Люди перезанимали друг у друга мелочь, обещая сегодня же вечером отдать долг. Но некоторые были в полной растерянности.

У кассы, прижав к груди два батона, оказалась женщина мощного телосложения с высокой причёской. Вытаращив глаза на продавца, она протянула мятую купюру вперёд и пробасила:

– Вот мои деньги за товар. Дайте мне сдачу копейка в копейку.

– А помельче у вас нет?

– Нет! – язвительно ответила женщина, – вы должны иметь мелочь для сдачи, чтобы рассчитаться с покупателем!

– Вы сами видите, что происходит. Люди дают только крупные деньги, и вся мелочь закончилась. Могу вместо мелочи дать, например, спички из расчёта, что коробка спичек – это рубль. Возьмёте сдачу спичками?

Поддавливаемая толпой то справа, то слева, женщина была похожа на пароход, качающийся на волнах у причала. Люди, окружившие её со всех сторон, стали возмущаться:

– Да отдайте же вы ей эту сдачу! Что она очередь задерживает! Хоть спичками, хоть птичками, хоть чем!

Продавец, почувствовав, что волнение опять нарастает, крикнула в толпу:

– Кто готов сдачу взять спичками вместо денег, встаньте к кассе, а те, кто хочет получить сдачу деньгами, отойдите в сторону и ждите, когда мелочь появится.

– Почему я должна ждать, – протрубила женщина-пароход, – я и так проторчала в вашей очереди полчаса! Вы обязаны обслужить меня, как полагается. Я буду жаловаться!

На пароход с боков наседали мелкие судёнышки, оттесняя его в сторону. К кассе потянулись руки с честно заработанными, то сложенными вчетверо, то свёрнутыми в трубочку, а то и просто смятыми деньгами.

Сверив запасы спичек, лежащие у неё под столом, мама обратилась ко всем:

– Товарищи, буду выдавать вместо двух копеек одну спичку, а вместо рубля одну коробку спичек!

В те дни в торговле начались перебои даже со спичками. Проблемы возникали и с зубной пастой, и с туалетной бумагой. Всего и не перечислишь. Покупатели осознали, что другого выхода нет, и то, что продавец как-то всё-таки пытается решить проблему.

Мама кивнула мне головой, указывая под стол, где лежали коробки спичек. Я подошёл, достал и начал подавать их ей в раскрытом виде.

Теперь всё перемешалось: и бумажные деньги, и монеты, и коробки, и вынутые спички, и чеки. Всё это летало, мелькало, шелестело, стучалось, щёлкало. Кассовый аппарат, словно живое существо, гудел и скрежетал. Клавиши, как зубы, лязгали, пожирая деньги. Чековая лента безостановочно вылетала из узенькой щели, издавая стрекочущие звуки. А мама, как укротительница, нависала над кассовым аппаратом, тыкала в него пальцами, требуя подчинения. Мне показалось, что она разговаривала с ним, похлопывая по корпусу. А я был похож на солдата, подающего из окопа снаряды.

Людской поток ускорил движение. Покупатели хватали спички, кидая их в сумки с хлебом. С видом победителей они выползали из объятий толпы и спешили к выходу. Я, папа и Василий могли немного отдышаться. Но в суматохе недовольные голоса продолжали нагнетать: «Обманули!», «Обсчитали!», «Недодали!».

Отдохнув у подоконника и набравшись сил, старушка постепенно добралась до кассы, расплатилась и внимательно пере-

считала сдачу. Зажав в сухощавой ладошке монеты и подняв небесной голубизны глаза, она всплакнула:

– Что же ты, дочка, меня обманываешь! Я всё подсчитала. Ты мне должна вернуть три копейки, а даёшь только одну спичку. А где ещё одна?

– Бабушка, – взмолилась мама, – возьмите ещё одну спичку и не задерживайте людей.

– Нет уж, дорогая моя. Мне чужого не надо! Я за правду стою, за честность! Ломай спичку пополам и отдай мне половину!

– А зачем вам половина спички? – улыбаясь, спросила мама.

– Из принципа, доченька! Из принципа! Ломай, говорю, и дело с концом.

Люди, стоящие рядом, подняли гул, который можно было понять, как одобрение принципиальности бабушки.

За старушкой горой возвышался мужчина. Он был одет в чёрный костюм и белую рубашку, на которой красовался галстук в горошек. В руке он держал пухлый коричневый портфель с двумя широкими застёжками. Фетровая шляпа была надвинута до бровей. По щекам и подбородку катился пот. Мужчина достал платок, вытерся, кашлянул и чётко произнёс:

– Позвольте, позвольте! Мне тоже нужна будет сдача в три копейки. И что же, извольте мне ответить, я получу? Полторы спички?

– Другого выхода нет, товарищ. Я разломаю спичку пополам и каждому дам по полторы спички, если вам так угодно, – ответила мама, едва сдерживая улыбку.

Из толпы подал голос Вася:

– Мужик! Ты что копаешься? Тебе полторашку и старухе полторашку. И все довольны! Двигай корпусом на выход. Как Днепрогэс перегородил здесь народный поток. Дышать уже нечем.

Старушка, быстро сообразив, что к чему, протянула руки к продавщице и протараторила:

– Давай, дочка, быстрее спички мои. Но мне половинку спички с головкой. Мне с головкой, я раньше его подошла.

Мама поломала спичку и протянула ей одну целую и половинку с головкой. Старушка быстро засунула спички в карман кофты, булку кинула в сумку и, прихрамывая, засеменяла вперёд.

Мужчина, разжав свою огромную ладонь со спичками, округлил глаза и завизжал фальцетом:

– Это что же получается? Меня обставили? Это старухе с головкой, а мне без головки? Я требую справедливости и уважения к покупателю!

Мужчина, надувая щёки, взметнул вверх руки и затряс ими. Портфель навис над людьми, как топор палача. Его голова затряслась и запылала от возмущения. Мужчина стал похож на проснувшийся вулкан.

– Я найду на вас управу, – загрохотала вершина, не упуская из виду удаляющуюся старушку.

Вася, держась за живот, прыснул:

– Мужик, ты сперва со своей головкой разберись. Каждому по головке не получится! Тебе достался холостой патрон! Старуха, ковыляй быстрее, а то эта гора тебя сейчас раздавит!

Весь хлебный отдел взорвался от хохота. Мужчина, расстегнув пиджак, пустился вдогонку за старушкой:

– Товарищ бабушка! Бабуля! Остановитесь! Давайте найдём компромисс. Я хочу вам предложить...

Что хотела предложить эта гора в шляпе пожилой женщине, мы так и не узнали. Нам было уже не до этого, потому что Нурия, высунувшись из-за занавески и поправляя причёску, рывкнула на весь зал:

– Машина приехала! Хлеб привезли!

И все, находящиеся в зале, разом грянули: «Ура!». Все начали жать друг другу руки и обниматься. Нервное напряжение мигом спало. Вася, вытирая слёзы, обнял моего отца.

Мама, защёлкнув кассу, сказала:

– Нурия, садись за кассу. Я сама хлеб приму.

Устало облокотившись на стол, она выдохнула:

– Выручка сегодня будет что надо!

Мы с папой направились к запасному выходу помогать маме и Василию в выгрузке долгожданного хлеба. И только тут я вспомнил о записке, которую должен был написать папе.

– Пап, а как ты узнал, что нужно срочно ехать сюда на помощь?

– А мне позвонил мой товарищ по хору, Соловей. Он в этом доме живёт и зашёл за хлебом. Увидел, что здесь творится и сразу позвонил нам домой. Хорошо, что меня не перевели сегодня на вторую смену.

Мы закончили с выгрузкой, подождали, когда мама переодеется, и отправились вместе домой. Горячая смена закончилась. Но завтра всё это могло опять повториться. И уже в троллейбусе, как бы очнувшись, я спросил:

– Мама, а ты домой-то хлеба взяла?

Ответом была нежная и усталая улыбка.

ГАЛИНА СТРУЧАЛИНА

НАСЛЕДСТВО НОРЫ

Сладости всегда были для меня средством первой помощи. Вроде зелёнки или йода, когда порежешься. Помню, как бабушка приводила меня в кафе, – нет, конечно, мы и с родителями бывали в таких местах, – но то было особенное, наше с бабушкой кафе. Она приводила меня туда, зарёванную, после какого-нибудь происшествия, которое ощущалось моей детской душой как вселенский катаклизм.

Так было, когда приходилось вырывать зуб, когда не разрешили приютить дворового котёнка. Когда сестра Ленка изрисовала каракулями мою любимую книжку с красивейшими картинками на полстраницы.

Мы отмечали в этом кафе и радостные события, но они как-то меньше запомнились, чем печальные.

Это было кафе внутри кондитерского магазина. За стойкой буфетчица Нора принимала заказы, а кто-то из девушек-официанток потом приносил круглый поднос с красивыми фунтиками, в которых лежали конфеты или мелкое печенье, тарелочки с грильяжем, суфле, пирожными и прочими вкусностями. В белых «строгих» чашках подавался чай, в весёлых кремовых – кофе, а в высоких тонких стаканах с разноцветными трубочками – соки и газировка. Позже в кафе появились витрина-холодильник, а в меню – коктейли и даже желе, и кремы.

И там, за столиком, в полированной поверхности которого отражался витраж окна, проходили все обиды и печали: растворялись, как сахар в воде и уплывали куда-то далеко-далеко.

Нора всегда знала, что предложить из сладостей. Бабушка обычно отсылала меня занять место, а сама о чём-то говорила с буфетчицей. Мне казалось, что ей просто хочется поболтать со своей знакомой, – а Нора, я не сомневалась, входила в круг бабушкиных знакомых, хотя и была моложе.

Но однажды, когда я уже была подростком, я краем уха слышала, как бабушка сказала: «Первая любовь». Нора понимающе кивнула и почему-то ответила: «Не слишком сладкое, но с бисквитом – чтобы не падала духом». И нам принесли лёгкий шоколадный бисквит с кремом и грецкими орехами сверху. Это было, когда я первый раз влюбилась – и не призналась в своих чувствах.

Потом я влюбилась – и меня отвергли. Было очень стыдно и горько. Нора и бабушка лечили меня десертом из фруктов и ягод, сваренных в сиропе.

А потом я выросла, уехала учиться, снова влюбилась, потом ещё раз. Потом посреди моего романтического студенчества пришла телеграмма от родителей, что бабушки не стало.

Отцу предложили контракт за границей. Он уехал сначала сам, а через какое-то время перевёз маму. Я уже окончила вуз и работала. Переезжать к родителям я не хотела – у меня были, как говорят, «сложившиеся отношения». В нашей общей квартире теперь жила сестра Лена с семьёй, они часто ездили в гости к родителям.

В один из дней накануне такого родственного вояжа сестра позвонила мне и попросила присмотреть за квартирой.

Разговор выглядел так:

– Но ведь ты обычно сдаёшь её.

– Ну, раньше мы ездили, минимум на три месяца, а сейчас-то всего на один. А на один месяц приличные люди не согласятся. А всякую шушеру я не хочу. И за смешные деньги сдавать, а потом делать ремонт, знаешь, тоже как-то не улыбается. И, тем более, что у тебя отпуск.

– Отпуск. Но я рассчитывала потратить его как-нибудь иначе.

– Ты же не умеешь отдыхать. И потом, этот твой рассосался. Давай, сменишь обстановочку, вспомнишь детство. Приезжай! Короче, мы тебя ждём.

«Этот мой» действительно рассосался: у нас не было бурных скандалов и патетических сцен, я даже не выносила его вещей за порог, хотя в юности представляла, что именно так и поступлю в подобном случае.

Все мы стремимся соблюсти ритуалы, только с течением времени важность того или другого для нас меняется. В юности я думала, что мне будет обязательно нужно купить белое подвенечное платье для замужества и обязательно нужно вынести вещи за порог в случае развода. Белого платья не было, и замужества фор-

мально не было, значит, отпала необходимость совершать второй ритуал.

«Мой» как-то сказал, что у нас «усталость отношений» – как бывает, например, «усталость металла». Он часто вставлял технические словечки в домашнюю речь, и я сама привыкла к ним настолько, что незаметно переняла некоторые. Наверное, поздно избавляться от них – того немногого, что мне осталось. На память.

Хотя, если соблюдать ритуал, то надо бы. Ещё, если следовать всё тому же ритуалу, надо бы сменить обстановочку – тут Ленка стопроцентно права.

От города моего детства почти ничего не осталось. Часть старых кварталов снесли и застроили заново, появились какие-то новые магазины, дорогие и однообразные, пятизначные домашние телефонные номера сменились шестизначными, номера мобильных у бывших одноклассниц, скорее всего, тоже изменились... Да и хорошо, потому что я не знала, что сказать им, с которыми виделась после школы от силы пару раз – когда приезжала на младших курсах домой на каникулы.

Ленка и «ленкины» уехали, квартира, уже не раз отремонтированная ими, теперь даже пахла по-другому.

В городе, в котором у тебя нет обязательств, твоё присутствие ощущается лишь тобою самим: у тебя появляется масса свободного времени.

Я сходила на кладбище, к бабушке. Но её там не было – это я чувствовала и знала совершенно точно. Бабуля была слишком жизнелюбива для этого места. Не было её и в нашей старой квартире. Но ведь всё так изменилось, и города моего детства, в котором она жила, теперь тоже не было, и того кафе...

Стоп. Я же не проверяла: возможно, кафе ещё существует. А может быть в бывшей кондитерской теперь торгуют стиральным порошком и косметикой.

Но времени у меня было много, и я решила проверить. Я подумала, что, если бы бабушка назначила бы мне встречу, она бы непременно выбрала это кафе.

Кондитерская существовала. Я с порога посмотрела налево. Ура, там стояли столики! Правда это были уже другие столики, и норинной стойки уже не было, как не было и самой Норы.

Стояли новые большие витрины-холодильники с пирожными и тортами – печенья и конфет здесь уже не продавали – и была касса.

Кажется, здесь устроили отдел самообслуживания. Или нет? Нет, вон девушка в форме, такой же, как и кассирша, – она отдельно обслуживает тех, кто за столиками. Похоже, что в холодильниках – это с собой, на вынос, а тут ещё можно посидеть. Значит, посидим?

Стекло витражное убрали, вместо него простое... Но ты же не против, бабуль? Я всё равно сяду к окну, мы с тобой раньше сидели у этого окна...

Ну-с, посмотрим, что тут у них изменилось в меню... Так-так-так... Безе, кексы, ого, даже «Наполеон» ... Песочное с ежевикой, мятное, лимонное... Это, кажется, было с заварным кремом, эклеры ... Рулет «Полено» ... Очень хорошо... Конечно, на вкус уже не то, но... Знаешь, бабуль, я бы взяла «Красную шапочку», которое с клубникой. У меня какое-то авантюрное настроение. И к нему молочный коктейль.

По-детски, скажешь? Но ведь я и пришла на встречу со своим детством... Или потому, что мне уже пора иметь своих детей...Пора?.. Теперь точно есть стимул их завести – будет куда сводить, если приедем к тётке Лене в гости...

А народ сюда ходит, и посидеть ходит активно, вон, все столики занял. Девушки за соседним заказывают «Театральное». Дурочки! Вам ещё рано. «Театральное» – для женщин с секретами. А какие секреты в ваши двадцать? Всё ж на виду.

А вот две дамы под пятьдесят едят «Медовик». Одна, наверное, та, что справа, заказала на двоих. Она говорит, а вторая слушает. Если бы эта вторая сюда пришла одна, точно бы «Медовик» не выбрала, но сейчас согласилась, потому что с подругой. В этой паре подруга – ведущий, а она – ведомый.

– Извините, можно я присяду?

Я так отвлеклась на тётку с «Медовиком», что этого, «делового», заметила только когда он положил руку на спинку стула напротив меня. У меня так бывает: задумаюсь и отключаюсь.

– Мест нет, а у меня тут встреча, я хотел бы столик занять. Вы ведь уже заканчиваете?

Ну и наглый тип. Ну и что, что коктейль у меня на доньшке, это же не даёт тебе права выпроваживать меня из-за столика. Привык, что женщины не отказывают, да? Назло возьму и закажу сейчас вторую порцию! Пусть посидит, понервничает.

Но «деловой» нервничал и без меня. Вообще-то он был примерно моих лет. Но меня ещё иногда называли девушкой, а этого – в довольно дорогом пиджаке и галстук, парнем уж никак нельзя

было назвать. «В самом расцвете сил», – подумалось и тут же состыковалось: «Как Карлсон».

Трубочка тихонько хрюкнула, отправив мой смешок в бокал с недопитым коктейлем.

Карлсон сосредоточенно изучал меню.

– Девушка, – обратился он к официантке, – у меня здесь встреча. Деловая. Кофе и... Что-нибудь посоветуйте, пожалуйста. Есть у вас какое-то фирменное сладкое? Человек из другого города приехал...

Девушка мило улыбнулась и ответила, что у них все пирожные свежие и вкусные. Предложила ему «Тирамису» – ха-ха! Всё, я отомщена, пора менять гнев на милость, не то из-за официантки у этого Карлсона сорвётся какой-нибудь договор. Надо помочь земляку.

– Простите, но я бы посоветовала вам мятные пирожные с фисташками.

– Да? – оживился Карлсон. – Девушка, – это официантке, – мятные у вас как, ничего?

Девушка с готовностью кивнула и ещё милее улыбнулась.

– Тогда принесите, пожалуйста, два мятных и кофе.

Он бросил взгляд на часы.

– И мне счет, пожалуйста, – сказала я.

Девушка удалилась.

– Вы здесь часто бываете? – проникшись ко мне доверием, спросил Карлсон.

– Раньше бывала. Сейчас приехала в гости к родственникам и зашла – юность вспомнить.

Он кивнул. Такой ответ его, видимо, устраивал.

– А я, вот, в этом районе редко в кафе хожу, но договорился здесь, потому что человек ещё в одно место рядом заскочить должен...

Теперь кивнула я: меня тоже его слова устраивали. Я вообще после «Красной шапочки» подобрела – вон, даже советы незнакомым мужчинам раздаю. Действительно, на подвиги потянуло. Бабуля, я сюда ещё приду и не раз. Ты абсолютно права, что выбрала это место.

– Всё будет хорошо. Сегодня у вас будет удачный день, – попрощалась я с Карлсоном.

Так как делать было совершенно нечего, я зашла в кафе и на другое утро. В конце концов, я в отпуске и могу себя порадовать.

Тем более, что отпуск этот может оказаться последним «сытым и вольным» отпуском: дела у меня на работе были не так чтоб очень, я и ушла отгулять, чтобы снять напряжение.

Я заказала миндальный кекс и кофе. Хорошо, что мне досталась папина конституция и, тьфу-тьфу-тьфу, нет проблем с лишним весом. Но, если я собираюсь сюда весь месяц захаживать, больше одного кексика лопать нельзя, ни-ни.

Когда я попросила у девушки счёт, она вся просияла.

– А вам платить ничего не нужно!

– То есть как не нужно? У вас что, по утрам – бесплатно?

– Нет, не бесплатно, но за вас заплатили. Вчера вы посоветовали, и мужчина заказал мятные пирожные, и у него так всё удачно прошло, он там, что-то важное решил на своей встрече, что был вам очень благодарен. Он сказал, чтобы, если вы сюда ещё придёте, вас угостили за его счёт.

И интересно, большой это был счёт? Что ж я так мало съела! Не могли раньше сказать, жулики: я бы хоть пирожное заказала, что ли!

Свободное время провоцировало меня на всё новые авантюры. Я узнала у девушки телефон владельца магазина и кафе. Не для того, чтобы выяснить, кто меня облагодетельствовал бесплатным завтраком, а чтобы разузнать что-нибудь о Норе. Нора – это был единственный человек-мостик в прошлое.

Я разыскала её, и довольно быстро. Она сильно постарела, но осталась всё той же Норой, хотя и не узнала меня сперва, увидев у себя на пороге. Мы пили чай с ассорти, которое я выбрала в её кондитерской для неё же в подарок. Говорили о старых временах, о том, как у каждого сложилась жизнь, и о бабушке, конечно. Нора действительно была с ней знакома ещё до моего рождения. Оказалось, именно бабушка, разговоровшись с молодой попутчицей в автобусе и услышав, что та недавно приехала в город и ищет работу, посоветовала ей кондитерский магазин.

После чая Нора неожиданно сказала:

– Знаете, я сама давно не заходила туда. Я дальше поликлиники редко хожу. Давайте, если вы не против, посидим там на днях. Всё хочу выбраться, да не с кем.

Нора жила одна, её дети разъехались. Разумеется, я согласилась посидеть с ней в кафе.

К моему удивлению, Нора пришла в кафе не одна, а с каким-то мужчиной. А говорила, что не с кем! Или она решила меня тут

сосватать? Пожилые дамы любят устраивать личную жизнь другим, особенно когда их об этом не просят.

Мужчине было на вид тридцать восемь – тридцать девять: в этом возрасте карие глаза сияют как рябиновая настойка, а после сорока – уже напоминают оттенком крепко заваренный «Эрл Грей». Спутник Норы источал интеллигентное городское обаяние и очень легкий запах дорогого мужского парфюма.

– Это Алёша, хозяин кафе, – представила Нора.

– А, Алексей Иванович? Это вы дали мне телефон...

– Да-да, очень приятно с вами... так сказать, лицом к лицу...

Я села за столик. Слово взяла Нора.

– Не сердитесь, пожалуйста, что я за вашей спиной составила маленький заговор... Когда ты ушла, я позвонила Алёше и попросила сегодня составить нам компанию. Хотя он потом сам признался, что после того случая с пирожными очень хотел с вами обсудить кое-что, но решительности ему не хватало... Может, в моём присутствии её прибавится? – она улыбнулась Алексею Ивановичу, и тот посмотрел на неё с благодарностью.

– Вы – красивая, умная молодая женщина, – начал плести венок комплиментов хозяин кафе. – И я именно так вас себе и представлял. Я занимаюсь арт-кафе и тематическими миниресторанами, студентом даже здесь подрабатывал... Потом пришёл уже как новый хозяин. Пусть вас не шокирует моё предложение. Когда Нора Владимировна ушла от нас на пенсию, мне пришлось изменить всю концепцию кафе, потому что здесь не было человека, способного так... творчески работать... При том, что рецептура и ассортимент сохраняются, и в кондитерском цехе у меня прекрасные специалисты, но кафе... Оно сейчас утратило ту внутреннюю составляющую... Я не знаю, понятно ли я объясняю – извините, волнуюсь... В общем, я давно хотел бы попробовать его изменить, но в одиночку это не реально. Трудность ещё и в том, что вещь, которую я хочу ухватить, она не в дизайне, не в каких-то материальных предметах, хотя, и в них конечно... Но она должна откуда-то браться, это должна быть идея, которая наполняет предметы и оживляет их. Вот. Не знаю, понятно ли объяснил... И я хочу предложить вам работу, поскольку я понял, что вы тоже чувствуете что-то такое. Вы чувствуете особенность этого места, и это вас не просто уголок, где так, в случае чего, можно и чайку попить. Ну, как, в принципе?

– Это всё конечно замечательно. Но я бы хотела, чтобы вы понимали, что какими бы ни были мои или чьи-то воспоминания

и ощущения, они только часть человека. Я не думаю, что следует переносить их на помещение. Да и в качестве кого вы хотите пригласить меня? Я не оформитель и не технолог, и не кондитер...

– Идейным вдохновителем вас беру. А единицу в штатном расписании пропишем. В конце концов, «помощник руководителя» или «арт-директор», если не против. Не волнуйтесь, я ваш труд хорошо оплачу, – поспешил заверить меня хозяин кафе.

– Да я и не сомневаюсь. Но просто я хочу отдохнуть. И не думаю, что чем-то таким особым могу помочь ... Извините.

– Да нет, ничего, я понимаю...

Мне было неловко перед вежливым Алексеем Ивановичем, который сразу после моего отказа вспомнил, что у него спешное дело, и почти сбежал из-за столика.

Нора всё это время потихоньку подъедала слоечку на своей тарелке, но когда он ушёл, сказала мне:

– Хорошо. Давай отвлечёмся на минуточку. Ты можешь сделать мне ещё одно небольшое одолжение?

«Ты» было каким-то домашним, свойским, без превосходства возраста и опыта.

– Да, какое?

– Я сейчас выберу трех посетителей здесь, а ты скажешь, что бы им следовало заказать, по твоему мнению.

Она указала их сразу, наверное, присмотрела, пока меня уговаривал Алексей Иванович. Нора дала мне пару минут, чтобы подумать, в это время она достала записную книжку и что-то записала на страничке.

– Ладно. Шатенка в очках. Лимонное пирожное.

– Почему именно лимонное?

– Не знаю. Чувство такое, что никакое другое ей не подойдёт. Мне кажется, у неё есть любимый человек, но он несколько дней не звонил.

Девушка с длинными волосами. «Наполеон». Зашла сюда из соседней аптеки и положила в сумочку коробку с тестом на беременность. У неё твёрдые намерения.

Пара за столиком. Кофейный кекс. Потом пойдут гулять по городу. У них всё хорошо.

Нора откинулась на спинку стула и с удовлетворением посмотрела на меня.

– Что?

– Блестяще. У тебя очень хорошие способности. Лучше, чем были у меня в твоём возрасте.

– В смысле?

– Знаешь, твоя бабушка не случайно посоветовала мне устроиться сюда. Угадать по внешнему виду посетителя, какое блюдо ему подойдёт, труднее, чем помочь выбрать платье или обувь в магазине. Ты делаешь это прекрасно, неужели ты ещё не поняла? Ты помогла совершить сделку...

– Это просто совпадение.

– Ты принесла мне ассорти – по памяти, не зная, какой я стала. Ты не ошиблась. Твоя бабушка могла бы тобой гордиться. Думаешь, я старая дама с придурью?

Она вырвала листочек из записной и протянула мне.

«Инженю – «Лимонное», Русалка – «Наполеон», пара – кексы», – прочитала я.

– Мы с вами в цирке можем выступить.

– Ты знаешь, что это очень старое кафе?

– Да, ещё до революции здесь была шоколадница или что-то в этом роде.

– Так вот. Когда твоя бабушка встретила меня, она здесь работала. Тогда здесь были советский магазин и кафе.

– Бабушка работала в кафе? Она никогда не рассказывала. И отец никогда не говорил.

– Твой папа тогда был только в планах. Потому твоя бабушка искала себе замену. И нашла. Меня.

Однажды, ещё до нашего с ней знакомства, в кафе зашла некая дама. Долго смотрела на бабушку, а потом призналась, что она, как раньше говорили, «из бывших», что её ребёнком увезли после революции за границу, а сейчас, в оттепель, она приехала в СССР в составе какой-то делегации. И что она очень рада, что это кафе не закрыли, и что в нём работает такой человек, как твоя бабушка. И рассказала, между прочим, что, когда кафе только открылось, и все сомневались, долго ли оно просуществует, служила там буфетчицей такая Анна, которая половине города помогла устроить сердечные дела. Она совершенно безошибочно определяла, что подать тому или иному посетителю. И молодые люди, чтобы добиться взаимности, приводили к ней за столики своих избранниц. Путь к сердцу женщины тоже иногда лежит через желудок, весь вопрос в сорте блюд.

И какая-то там известная по тем временам цыганка напроорила, что кафе сохранится, если в нём будут работать женщины, чуткие и внимательные, как Анна. Может быть, эта цыганка как-

то по-другому выразилась на счёт чуткости и внимательности. Я тебе уже пересказ пересказа передаю.

Дама из заграницы попросила твою бабушку: «Пожалуйста, когда будете увольняться, найдите себе подходящую замену. Я очень хочу, чтобы кафе продолжало существовать».

Но годы, сама знаешь, какие были. Если бы кто узнал эту историю!.. Твоя бабушка очень боялась, и мне это всё открылось, уже когда твой папа в институте учился. И вот тогда твоя бабушка меня попросила найти «правильного» человека на смену себе.

Ты знаешь, я долго не хотела уходить на пенсию, всё искала, присматривалась к девочкам, но никого так и не нашла. А ты вдруг сама нашлась.

– А в детстве, что этих способностей не видно? Бабушка их во мне не разглядела?

– Не видно, наверное. Не детское это дело, сердечные тайны... Вот почему я бы хотела, чтобы ты хотя бы немного поработала в кафе. Может, успеешь кого-то ещё присмотреть...

Город моего детства сохранился. Я нашла его. Я нашла бабушку и кучу чужих тайн, надежд и желаний. И ещё мне навязали ответственность за существование этого старого призрачного мира.

– Алло, Алексей Иванович? Извините, что так поздно...

Мальчишка худенький на утреннем дворе
Сестрёнку младшую на карусель сажает.
Она, двухлетняя, на то не возражает
И верит брату и предложенной игре.

И мальчик крутит мир вокруг сестры:
Планету, двор, деревья и машины.
И смех весёлый, добрый и невинный
Передаёт все чувства детворы.

Нет сложности, нагромождений фраз.
Нет прошлого, опутавшего всё.
И жизнь – она вся здесь и вся сейчас.
Крутись, крутись, большое колесо!

Но брат сжимает поручни в руках,
Бежит за кругом, и сестра отважно
Болтает ножками, и ей совсем не страшно,
Она ещё не знает слова «страх».

Да, этот круг, что был тяжёл для нас,
Его вращающих, и солнечный песок
В сандаликах – есть счастье без прикрас.
Крутись,
 крутись,
 большое колесо!

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Деревья с бугристой корой, цветы белизны небывалой.
О, Сад Гефсиманский, открой калитку свою как начало.
Здесь масло годами текло, под камнем оливы стирались,
И дни, как один, повторялись, и время размеренно шло.

Здесь спали беспечно в ночи, здесь льстиво склонялся Иуда,
И здесь обнажали мечи. Здесь было и не было чуда.
И выход из сада ведёт туда, где оставив земное,
Душа свои камни сочтёт и тихо попросит покоя.

Входи же сюда, не робей: томимый предсмертной тоскою,
Поплачь над корой вековой и чашу отруты испей.
О жизнь, Гефсиманский мой сад, я здесь, я стою у калитки...
Оливы всё также молчат, как в ночь испытанья и пытки...

Венеция. Вода. Зелёно-голубое.
Как шар магический в ладонях я держу –
И всё гляжу в тебя, Венеция, гляжу –
И вот, как будто я уже вхожу,
И вот по улицам, разинув рот, брожу –
И ты меня уводишь за собою.

Кофейни... голуби... Вивальди и Гольдони...
Полощет солнце дряхлый подоконник.
Каналы старые, как линии ладони:
Когда охота есть – бери, читай.
Судьбу с путеводителем сличай,
И встречным львам приветливо кивай,
И в каждой маске узнавай Распони.

Волшебный город, где всё кажется уместным:
И плутом быть, и быть кристально-честным,
И лгать, и верить, верить повсеместно –
У каждой лавки верить в чудеса.
Но основания для веры также зыбки,
Как дно гондолы – деревянной зыбки,
Как песня гондольера. Как улыбки.
И как мои зелёные глаза.

Рыжие лужицы, синие лужицы –
Небо вечернее кружится, кружится.
Небо вечернее, небо весеннее,
Чьё-то цветение, чьё-то спасение...
Чьё-то нескладное и небывалое,
Чьё-то большое и чьё-нибудь малое.
Взгляды, улыбки, борьба и сомнения –
В этом оранжево-синем кружении.
Всё, что загадано и наворожено,
В каждую капельку чарами вложено.
Всё и всему по-хозяйски отмерено,
Иве поверено, ветром развеяно –
Ведьма апрельская, видно, старается.
Жаль, что сама ни в кого не влюбляется.

Две песни из романа «Свитки»

ДЕВУШКА С ГОР

– Что подарить тебе, девушка с гор:

Золото, бусы, румяна, наряды?

– Нет, ничего мне в подарок не надо:

Ярче алмазов снега на громадах,

Ярче парчи полыхает костер.

– Чем удивить тебя, девушка с гор:

Царским дворцом или садом чудесным?

– Нет, лучше роща, где нежные песни

Птиц раздаются, и склон тот отвесный,

Что свою тень над ущельем простер.

– Ждешь ли кого-нибудь, девушка с гор?

Витязя смелого в звонких доспехах?

– Нет, не ценю я военных успехов:

Воин убийцею станет со смехом.

Жду я того, кто полюбит простор...

Смотришь на звезды?

Смотришь со звезд? –

Я не узнаю об этом.

Ветер ночной твое имя принес

Мне шелестящим приветом.

Пусть десять тысяч растерянных слов

Мы никогда не услышим –

Ветер шепнет тебе:

С нами любовь,

Если мы помним и дышим...

КЕЙСАРИЯ

Мозаики. Стены. Колонны.
Шершавые камни. Прибой.
Кейсария, Башня Стратона,
Бывает ли дождь над тобой?

Густой синевой манит бездна,
И тянет в солёную жуть,
В безвременье и неизвестность
С разрушенной виллы шагнуть.

Театр. Ипподром. Дразнит эхо,
И кажется, будто слышны
То крики, то россыпи смеха
Под гомон прибрежной волны.

Над морем, нагретый и жаркий,
Змеится сухой акведук.
Его симметричные арки
Уложены сотнями рук

Солдат и рабов,
Чьи навеки песком занесло имена.
Евреи, латиняне, греки...
Три пальмы, таверны стена...

Приземистый столб минарета –
Турецкого плена следы.
Здесь Ирода знойное лето...
Пилатовы сны у воды...

ТАБХА

Табха – искаженное арабское название поселения «Геттабехон», что означает «семь источников». В этой местности произошло чудо умножения хлебов и рыб, а также явление воскресшего Иисуса ловившим рыбу ученикам.

Табха. Смешное, ворсистое слово.
Будто мягкая шерсть овечья.
В этом мире ничто не ново:
Ни дела, ни мысли, ни речи.

Всё пропитано постоянством, –
Словно маслом сдобрено тесто, –
Это маленькое пространство,
Это якорем ставшее место.

Есть олива. Цветы. И рыбы –
Что в пруду у корней режутся.
Это значит, что все могли бы.
А призвали всего двенадцать...

Здесь ключей не семь, поболее,
Но в названии часть забыли.
Это значит, без всякой доли,
Без соблазнов людей поили...

И купель, и чан для масла –
Всё тяжёлый, массивный камень.
Тишина. И предельно ясно
То, что трудно сказать словами.

ГАЛИНА ЦЫБАНЬ

* * *

Все мы смертны...
Дождливо шепчет
Шелестящей осени жар.

Все мы жесты...
Ритуальных шествий
Неизбежных, как злой кошмар.

Все мы ветры...
Простудно веем
Посреди мировой зимы.

Все мы жертвы...
И все стареем.
Но зачем обязательно мы?

* * *

Холодный вечер. Пустота.
И ничего нет лишнего.
И ощущение: жизнь не та
Идёт в разряды личного.

Мне некому сказать «прости»
Сквозь ком, застрявший в горле.
И незачем себя вести
От отклонений к норме.

И все слова, и все дела
Куда-то подевались.
И жизнь отчаянно мала,
Когда её не знаешь.

* * *

Не спрошу и не скажу.
Крыльями не удержу.
Ты – птица свободная.
Я же перелётная.

Ты летаешь, где захочешь,
Где захочешь не летаешь.
Мой же путь до тёплых стран
Знаком всем орнитологам.

Я не привяжу. Ты слышишь?
Прилетай на нашу крышу.
Не спрошу и не скажу,
Крыльями не удержу.
Жду.

* * *

Люблю смотреть, как сигарета тлеет
В чужих руках.
Как день осенний за окном сереет,
Снег на плечах.

Люблю смотреть на спящих, быть уставшей
И отдыхать.
На кухне слушать чайник закипевший,
Люблю молчать.

Люблю, когда совсем одна я в доме
И не одна.
Каштан за окнами зеленый,
Бокал вина.

Люблю зимой мечтать о лете,
Люблю вокзал.
Но кто-то до меня так жил на свете.
И всё сказал.

НАСТОЛЬНАЯ ЛАМПА

Живущая невесело
Есть лампа у меня.
Головушку повесила,
Что ива у плетня.

Она живёт и тужит,
Но на исходе дня
Она мне верно служит
Печаль свою храня.

На сморщенную шею
Ей бантик повяжу.
Я так её жалею,
Что слов не нахожу.

Она всё понимает,
В глаза мне не глядит.
О чём грустит – не знаю,
Не хочет говорить.

* * *

Я медленная
Только не угроза,
Не дождь, начавшийся с утра
И не улитка от мороза,
Ползущая в тепло двора.

Я постепенная
И только.
Но вряд ли это докажу.
Как апельсин делюсь на дольки
И ухожу.

* * *

Я стала совсем другой
Без шуток скажу и вымысла.
Клянусь, что второй такой

Весны бы уже не вынесла.

Мне всё же не двадцать лет,
Влюбляться в первого встречного...
В любви оправданий нет
И объяснять тут нечего.

Не верила я, что во лжи
Быть может простая истина...
«Ты любишь меня, скажи?»
А я апельсины чистила.

ДОЖДЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Нежное небо забрызгано солнцем,
Лает дворняга за хилым заборцем,
Слизаны капли на шёрстке у кошки,
Мокрый петух пьёт водичку из плошки.

Дождь отошёл...Я бегу на крылечко
В рыжую грязь на тропинку безопасно.
Чавкают хлипко отметины буден.
В детстве мы есть и потом, значит, будем.

АНАСТАСИЯ СЕРЕБРЯНСКАЯ

* * *

Плотно зашторены окна,
Внутри не пускают рассвет,
Под освещением блёклым
Лампочки спит кабинет.

Тумбочка кверху ногами,
Погнутых вилок букет,
Ручки смешались с телами
Выкуренных сигарет.

Выбросил ворох бумажек
Шкаф на диванный вельвет,
Кипу рекламных фуражек,
Заплесневелый омет...

Кабельный провод разорван,
Важный пропал документ,
Комп на запчасти разобран
И поцарапан паркет...

Вынести бы это бред!
Выкинуть всё, без остатка!
Нет в кабинете порядка -
И в голове его – нет.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Рождественская ночь
Наполнена покоем;
В гостиной – тишина
И запах свежей хвои.
Повисли у камина
Торжественно чулки;
На ёлочке мерцают
Гирлянды огоньки.
Сестрёнка сладко спит,
Прижав к себе игрушку:
Ей снятся леденцы
И сахарные плюшки.
Вот мама задремала,
И я почти уснул...
Но вдруг из-за окошка
Услышал странный гул.
Как молния вскочил я
И бросился к окну –
Отдёрнул занавески
И ставни распахнул.
Как чудно в лунном свете
Блестит пушистый снег!
Но что это? Я вижу
Оленей быстрый бег!
И маленькие санки
Легко везут они,
А правит ими... кто же?
Попробуй догони!
Кричит он им задорно:
«Эй, Быстрый! Эй, Скакун!
Дикарь! Гроза! Комета!
Танцор! Амур! Тайфун!
Скорей, скорей на крышу!»
Миг – и над головой
Я звонкий цокот слышу
По крыше жестяной...

И тут же из камина
К нам в комнату вошёл
В меха весь разодетый,
В золе, с большим мешком...
Живой волшебник Санта:
Румяный, озорной,
С блестящими глазами,
Со снежной бородой!
Мешок он на пол скинул,
Тесёмку распустил,
Подарки ловко вынул –
В чулки их положил.
Мне Санта улыбнулся,
Лукаво подмигнул,
Шагнул в камин, подпрыгнул
И в дымоход скользнул.
Оленям лихо свистнул,
Стрелой умчался прочь:
Нести всем людям радость
В Рождественскую ночь!⁷

⁷ По мотивам поэмы К.К. Мура "Twas the night before Christmas

МАРИНА ЩЕНЯТСКАЯ

БЕЛЫЙ ГОРОД

В дни печалей и ненастий,
Белый город, ты со мной!.. –
Распахнув объятия настужь,
Увлекаешь в свой покой.

Тихий парк в сиянье млечном,
Скверов и церковей краса,
Ветви ивы в томной речке,
Мост, ведущий в небеса...

Белый город, ты всё помнишь –
Каждый вздох моей души...
И из солнечных ладоней
Ты на помощь мне спешишь!..

* * *

Я вижу даль, вечерние огни,
Их отражение в речке утомлённой.
О чём молчат, о чём грустят они? –
О том ли, что таят глаза влюблённых?..

О том ли, что с небесной высоты
Легко разбиться, главное разрушив,
И голос сердца дивной чистоты
В слепой гордыне так и не дослушав?..

* * *

Люблю бродить в осенних переулках
В вечерней и усталой тишине,
Когда повсюду – звон от капель гулких
И никуда спешить не нужно мне.

Мечтательно смотрю в чужие окна,
Манящие уютом и теплом,
И в сердце расплзается дремотно
Тоска о чём-то милом и родном.

За каждым огоньком – свои заботы,
Своя судьба, а может быть, печаль,
И где-то за окном рыдает кто-то,
А за другим – счастливой жизни даль.

Ну а моё окошко грустью дышит,
Холодной, одинокой пустотой. –
Оно зовёт тебя (а ты не слышишь...)
И ждёт, когда мы встретимся с тобой!..

* * *

Красавица-осень плачет. –
В слезах утопают листья,
В тумане мечты повисли,
И так на душе прозрачно.
А путь мой далёк и светел,
И небо мне скажет в лужах,
Что каждый кому-то нужен
На нашей большой планете.

* * *

В дивноцветных звёздах клёна
Затаиться, раствориться...
Всю усталость к небосклону
Отпустить свободной птицей.
Отдышаться; напоиться
Долгожданною прохладой.
Возродиться; вдохновиться
Нежным шумом листопада!..

* * *

Речка прощается с золотом солнца.
Падает на́ воду листьев янтарь.
Выпита нежная осень до донца.
Зябнет зовущий в ноябрь календарь...

«Всё повторится...» – шепчет мне ветер,
Помнящий тайны прошлых столетий.

РОСТИСЛАВ ЧИЖОВ

ПОБЕГ

Судьба... Судьба...

Коварная ты штука. Для праведных людей всегда наука.

Я лежал в грязи – разорванный, опустошённый, выкуренный...

Мимо мелькали чьи-то сапоги, ботинки, туфли, но никому не было до меня дела. Никто не ринулся мне на помощь. Все двигались мимо, как будто, так и нужно было. Мне хотелось плакать, но, увы, я не мог.

Ещё с утра я строил великие планы и хотел воплотить самые смелые мечты. Я не помню, как родился, как вырос и как попал в... плен. Страшно было очнуться в тесной каморке, набитой такими же несчастными, как и ты. Никто из нас не знал, чем мы провинились, что сделали в прошлом не так, отчего нам выпала судьба пленников.

Сначала нас было двадцать. Плотно втрамбованные в каморку с картонными стенами, обтянутыми фольгой, мы не имели возможности даже шевельнуться. Всё, что мы могли – это общаться друг с другом. Хотя, поделиться было особо нечем. Мы все как один страдали от амнезии и скверного чувства внутренней наполненности какой-то токсичной химией.

Затем пришёл страх...

Он пришёл в лице трёх крепких, мускулистых парней с гладкими розовыми лицами. Они врывались всегда неожиданно, выдергивая кого-то одного из нас. Всех уводили безвозвратно. Об их дальнейшей судьбе мы ничего не знали. После каждого такого случая по комнатке разливался запах гари и ощущался привкус горечи, отчего хотелось плевать и кашлять. Палачи, приходившие за очередным из нас, всегда оставались безмолвны, сколько бы мы их не спрашивали с отчаянием.

В первый день мы потеряли пятерых. В каморке стало по-свободнее. Уже было можно немного двигаться, но это отнюдь не

радовало. На второй день забрали шестерых, причём в один раз они утащили сразу троих наших, так и не проронив ни слова. Третий день не стал исключением, унеся с собой ещё семерых. Нас осталось только двое. И тут я понял, что если сам не возьму судьбу в свои руки, то так и сгину в неизвестности.

Решение пришло сразу. Мой сосед полностью потерял волю к сопротивлению. Он обмяк и скрючился в углу комнатухи, бессмысленно глядя на дверь. Я решил бежать! Бежать, когда потащат моего соседа, это был единственный шанс уцелеть!

Мой план удался. Отвлёкшиеся на второго пленника палачи не заметили, как я, прицепившись к одному из них, тихо и незаметно выскользнул из своей темницы. Я попал в новый чудный мир, это было помещение куда просторнее той комнатухи, в которой нас держали. Я снова увидел небо и почувствовал дыхание ветра.

Эти воспоминания шли откуда-то изнутри меня, из того естества что когда-то видело это всё и впитывало солнечные лучи. Здесь было очень хорошо! Я мог свободно перемещаться по этому большому матерчатому пространству, иногда наслаждаясь небом и свежим воздухом, общаясь сквозь картонную стену каморки, в которой сам когда-то сидел, с новыми друзьями. Их регулярно приводили и уводили палачи, не обращавшие теперь на меня никакого внимания.

Это продолжалось довольно долго, я успел повидать пять зим, поистрепаться и пообтереться, и понял, что хочу чего-то большего. Я снова отважился на побег!

Решил, как и в прошлый раз, воспользоваться рассеянностью палачей и, прикрепившись к одному из них, покинуть этот приевшийся мир, отправиться навстречу новым приключениям. Но в этот раз что-то пошло не так. Первая часть плана удалась, я без проблем приклеился к одному из безмолвных палачей и выскользнул за пределы надоевших стен.

Но меня почему-то сразу заметили. Палачи оживились и плотно обхватили меня втроём. Я понял, что грядёт расплата. Мою голову обволокло что-то тёплое, мягкое и мясистое, сдавив так плотно, что вырваться не было никакой возможности. Потом что-то чиркнуло и вспыхнуло, а следом пришли жар и боль.

Огонь терзал мои ноги, поднимаясь всё выше. Боль мутила сознание. Я видел, как тело постепенно превращается в невесомый пепел, уносимый ветром в небытие. Когда боль отступила и жар угас, я стал намного короче, но был всё ещё жив. Впрочем, па-

лачам не было до этого никакого дела, они безразлично вышвырнули меня в неизвестность.

И теперь, лёжа в грязи, я понимаю, как глупо закончилась моя жизнь. Теряя сознание, я почувствовал, как в меня подхватили какие-то жёсткие прутья и вывели на совок, с которого я отправился в свой очередной бессмысленный полет, в... кажется, это называется «урной».

Но разве у меня был выбор...?

От автора: Внимание! Курение вредит Вашему здоровью!

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА «ПРОБА ПЕРА»**Номинация «Поэзия» 14-18 лет****1-е место Петрук Максим 14 лет****СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ**

Есть село в России – Подольхи,
Где источник нежной струйкой льётся:
Здесь начало сказочной реки –
Северским Донцом она зовётся.

Голубая вертится Земля,
Жизнь течёт потоком серебристым,
И любовь у каждого своя –
К малым рекам – в каждом сердце чистом.

И она приходит с юных лет,
Где на берегу весёлой речки,
Солнышку июльскому в ответ
Пятками сверкают человечки.

Вечно убегает гладь реки,
Зори и туманы отражая,
Манит за собою в Подольхи,
Открывая ширь родного края!

2-е место Береза Карина 17 лет**УЧИТЕЛЯМ**

Как стремительно время летит!
Наконец-то и я выпускница...
Отчего же так сердце щемит
И от слёз тяжелеют ресницы?

Так давно мы пришли в первый класс,
Замирая слегка от волненья.
На пороге вы встретили нас,
Не забудем мы эти мгновенья.

Не смешные уже малыши,
Все мы выросли и повзрослели,
Вы теплом и частицей души,
И любовью своей нас согрели.

3-е место Зенин Сергей 17 лет**СЕЛО МОЁ РОДНОЕ**

Как моё село прекрасно летом!
Бабочки, стрекозы на лугах,
Лужи улыбаются с рассветом,
Васильки колышутся в полях!

А зимой здесь белые просторы,
В лёгкий снег укутаны дома,
На стекле морозные узоры,
С крыш свисает льдинок бахрома.

Как же я люблю село родное!
Здесь легко и радостно мне жить!
Для меня одно оно такое!
И другое мне не полюбить!

Номинация «Проза» 14-18 лет

1-е место Жилкина Валерия 14 лет

РОКСИ

– Сегодня у тебя день рождения! Мы официально принимаем тебя в нашу семью и вручаем кожаный ошейник и этот очаровательный поводок!

Кажется, Рокси очень довольна. Смотрит на меня, подмигивает и размахивает своим хвостом так, будто готовится взлететь.

Рокси я нашла под нашим подъездом месяц назад. До вчерашнего дня мы с мамой называли Рокси временным сожителем, понимая, что без согласия папы разрешить щенку проживать в нашей семье постоянно мы не можем. Папа вернулся из командировки и вынес приговор: щенок перекочует на постоянное место жительства к бабушке в деревню, как только сойдет снег и потеплеет. Расстройства, слезы, уговоры, аргументы «за» и «против»... снова слезы и, наконец, надежда на весеннее солнце, которое, может быть, растопит папино сердце, равнодушное к пушистым четвероногим существам.

Каждый мечтает о счастливой семье, об уютном теплом доме, где тебя ждут и любят. Задумываются ли животные о своем доме? Нужна ли им семья? Когда я увидела маленькое, дрожащее от холода тельце, круглые грустные-грустные коричневые глаза, то сразу поняла, что этот щенок, пытающийся согреться у входа в магазин, не сможет выжить один, ему нужна защита, ему нужна семья.

Рокси оказалась на улице: или потерялась, или кому-то надоел трехмесячный рыжий питомец. Я была уверена, что в моей семье хвостатого малыша не оставят в беде, ведь «в нашем доме всегда уютно и детям, и их родителям, и гостям». Так говорит сам папа.

«И для Рокси теплое местечко найдется», – подумала я, завернула щенка в шарф и принесла домой...

«Берем зверя и едем на пикник» – сказал папа в один из морозных ясных воскресных дней. Мама приготовила бутерброды и залила в огромный термос чай с корицей, папа собрал снасти для зимней рыбалки, а я взяла Рокси, предварительно завернув ее в плед.

Белгородское море все покрылось ледяным ковром. Папа, вооружившись всеми необходимыми орудиями рыболовства, отправился на промысел. Мы с мамой и Рокси, осваивающей территорию, остались на берегу. Папа недалеко отошел от берега, так что все его движения были хорошо видны, мы могли спокойно переговариваться с ним. В очередной раз закидывая удочку в лунку, папа решил настроить себя на успех особым звуком – мышинным писком. То ли папа замерзал, то ли ему стало скучновато один на один с удочкой и лункой, но он действительно запищал. Громко и реалистично. Как мышь!

Что тогда произошло! Вы не поверите: на «мышиный» писк прилетела сова! Настоящая, живая сова! Она была очень красивая, с оранжевыми глазами и ярким оперением!

Но мне было очень страшно. Сова вылетела неожиданно. Не разобравшись, откуда раздавался звук, она повела своим хищным взглядом и остановилась на маленькой Рокси. Не прошло и трех секунд, как птица одним движением огромных крыльев оказалась рядом со мной и щенком. Я так испугалась, что замерла от страха. А Рокси резво подскочила к моим ногам и громко залаяла на сову, защищая меня своим тельцем с коротеньким хвостиком. Сова развернулась и улетела, мягко прошуршав крыльями.

Прибежали папа, мама, они кричали громче, чем лаяла Рокси. А я плакала, обнимая своего лучшего друга.

«Нужно купить Рокси хороший, кожаный поводок. Все-таки она у нас собака городская», – заключил папа, подъезжая к дому после рыбалки. Мы с мамой переглянулись и поняли, что лед папиного сердца растаял. И растопило его не солнышко, а сама Рокси, ее мужество, самоотверженность и любовь ко мне, к своей семье.

Семья – это самое главное, что есть у каждого из нас! Она держится на взаимопонимании, доверии и заботе друг о друге. Моя семья – это моя опора. Моя семья – это моя крепость!

«Гав!» – подтвердила Рокси, послушав мой рассказ до конца.

2-е место Таскаева Валерия 14 лет

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Выйдя из автобуса, группа детей вместе с учительницей поспешила к небольшому деревянному забору, окружавшему бывший полевой госпиталь.

– Прошу минуточку внимания! – обратился к классу экскурсовод. – На территории госпиталя ни в коем случае не подбирайте незнакомые вам предметы и тем более не пытайтесь их открыть или разбить. Вы должны ходить строго по парам и следовать нашим указаниям.

Ворота открылись, и ребята увидели перед собой небольшие бревенчатые сооружения.

– Пройдёмте вон туда, – сказал экскурсовод, показывая на самую маленькую землянку.

– Подождите! А где же Ваня? – встревожилась учительница.

Оглядевшись по сторонам, женщина облегчённо вздохнула, когда увидела в тени высоких деревьев темноволосого Ваню.

– Елагин! – строго окликнула мальчика учительница.

Засмотревшись на птиц, играющих в листве, темноволосый мальчуган даже не заметил, как его одноклассники вошли на территорию госпиталя.

Взяв Ваню за руку, женщина, повела его к классу, приговаривая: «Вечно от тебя одни проблемы».

– До того, как образовался полевой госпиталь, здесь шли бои. И как только наши солдаты освободили здешние места от немецких захватчиков, тут начали лечить раненых. Можете войти и посмотреть, как врачи ставили на ноги наших солдат.

Оставшись позади колонны, Ваня присел, чтобы завязать шнурки на кроссовках. Когда он закончил, то поймал на себе строгий взгляд учительницы.

– Елагин, сколько можно? Ты тормозишь весь класс! Больше ты от меня ни на шаг не отойдешь.

Мальчик уныло вздохнул, но перечить не стал. Спустившись в землянку, Ваня заметил в углу что-то сверкающее. Он медленно

отошёл от учительницы, осторожно отодрал полусгнившую доску от земляной стенки и обнаружил пулемётную гильзу. «Как она там оказалась?» – подумал он. Мальчик уже хотел открыть её, но в этот момент чья-то рука коснулась его плеча. Ваня обернулся, тот же строгий взгляд и те же слова:

– Да сколько можно, Елагин? Вот приедем домой, твоя мама всё узнает.

Учительница пристально посмотрела на мальчика и добавила:

– Что, опять шнурки развязались?

– Да, – ответил он виноватым голосом, пряча гильзу в рюкзак.

До конца экскурсии Ваня думал только о своей находке, его не переставали мучить вопросы: «Как она туда попала? Что там может находиться?»

И вот долгожданная минута! Ребята стали заходить в автобус. Ваня сел на последнее место и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, достал из рюкзака таинственную находку. Гильза была слегка заржавевшей с небольшими вмятинами. Мальчик помнил слова экскурсовода о том, что нельзя открывать незнакомые предметы, но любопытство взяло вверх. В гильзе находилась пожелтевшая бумага, свёрнутая в треугольник. На ней чёрными чернилами было написано: «Кировская область, г. Киров, улица Воровского, 37, квартира 15. Плотниковой Наталье».

«Киров, Воровского 37. Это же совсем рядом!» – быстро пронеслось в голове у мальчика. – А если она всё ещё там живёт?»

Время, казалось Ване, тянулось бесконечно. Прижавшись к окну, мальчик не мог дождаться остановки. Наконец, приехали. Мальчик в спешке побежал к выходу, он боялся не успеть, боялся, что там никого не окажется, боялся не доставить это письмо. И пусть он не знает солдата, что писал на этой бумаге, но он точно знал, что женщина ждала эту весточку.

Добежав до того самого дома, мальчик нерешительно посмотрел в окна. «А если и правда её уже нет?» – подумал он, а потом медленно перевёл взгляд на недошедшее письмо. Нет! Он не имеет права сдаваться, останавливаться на полпути!

Ваня вошёл в подъезд, мысленно подбирая слова для разговора. Вот она, та самая квартира. Мальчик позвонил в дверной звонок. Но никто не открывал. Он ещё раз позвонил, и опять никого. Он уже развернулся и хотел идти домой, но тут за дверью по-

слышались легкие шаги и звон ключей. Дверь открылась, на пороге стояла девочка лет восьми.

– Здравствуйте, вам кого? – спросила девочка, широко улыбаясь.

– Здравствуй. Скажи, здесь живёт Плотникова Наталья?

Девочка, тут же перестала улыбаться и слегка приоткрыла рот от удивления.

– Это наша бабушка, – сказала подошедшая девушка. Судя по внешнему сходству, это была старшая сестра малышки. Она приложила ладонь к губам, а потом добавила: «Проходи».

Мальчик зашёл в зал. Это была маленькая, но очень уютная комната. На стенах были развешаны фотографии разных лет, в углу стоял небольшой телевизор, посередине комнаты находился стол на резных ножках, застеленный белой скатертью, а на нём были разложены старые фотографии, медали и пожелтевшие письма. Некоторые из них были свёрнуты в треугольники, а некоторые – раскрыты. За столом в инвалидном кресле сидела старушка. Её лицо было в глубоких морщинах, голову покрывал красный платок, из-под которого выбивались седые пряди волос.

– Бабушка! – позвала старушку девушка, подталкивая Ваню к столу.

Мальчик подошёл и показал ей пожелтевший треугольник. Старушка протянула к письму дрожащие руки. Взяв его, старушка надела на нос очки и внимательно осмотрела треугольник. Затем она повернулась к девушке и отдала письмо ей.

– Прочитай, Машунь, – голос старушки дрогнул.

Девушка развернула письмо, пробежалась по нему глазами и затем выразительно прочитала:

«Добрый день, мои родные Наташа и дочка Анечка! Письмо ваше получил. Сейчас я нахожусь в Кировском полевом госпитале. Спешу обрадовать, что после лечения отправляюсь в краткосрочный отпуск домой.

Также хочу поздравить вас, мои любимые, с наступающим Новым годом. Анюте в качестве подарка высылаю только что сорванную еловую веточку».

Девушка замолчала и показала осевшую на пальцах еловую труху. Потом продолжила:

«Но больше всего, Наталья, я хочу тебя увидеть, обнять покрепче и услышать твой звонкий приветливый голос.

Мама моей передай от меня большой пламенный фронтовой привет. А также, что очень скучаю по ней и по её пирогам.

Кстати, в прошлом письме ты мне сообщила радостную весть, что наша Аня читать начала. Я долго радовался. Вот, приеду и буду часами слушать нашу девочку...

Дорогие, у нас срочная эвакуация госпиталя. Бомбят. Надо помочь раненых на подводы погрузить... Письмо отправлю, когда свободная минутка будет...

Ваш Ванечка!»

Девушка прижала письмо к губам и зажмурилась. Бумага вкусно пахла елью. Ваня перевёл взгляд на старушку, которая нежно обнимала свою младшую внучку. Её нижняя губа вздрагивала, а по морщинистой щеке катилась слеза. Затем она взяла со стола Звезду Героя Советского Союза и протянула Ване. Дождавшись, пока мальчик возьмёт орден в руки, она сказала тихим голосом сквозь слезы:

– Он сражался за свободу нашей земли. Но был ранен, его доставили в госпиталь. А потом их бомбить начали... Он раненых помогал вывозить из-под обстрела... И всё... Никого в живых не осталось... Мы ждали его с дочкой... А потом приходят с орденом... И говорят, что нашего Ванечки больше нет...

От этих слов Ване стало больно, и он заплакал. К нему подошла маленькая девочка, взяла его за руки и тихонько прошептала:

– Спасибо.

– За что? – спросил мальчик.

– За то, что доставил нам это последнее неотправленное письмо, – сказала бабушка, вытирая платочком слёзы.

3-е место Говорущенко Иван 17 лет

ПРОКЛЯТАЯ ДУША

1

Скрип ворот нарушил ночную тишину. Если верить координатам – я на месте. На первый взгляд, самое обычное заброшенное предприятие: производственный цех, небольшой бытовой корпус, сторожевой пост да ангары для машин, – ничего более.

Я пробирался во внутренний двор. Шел очень осторожно, глядя в каждый темный угол и держа табельный ПМ наготове. Тихой поступью я подошел к входу в главный цех, включил карманный фонарик и начал всматриваться. Вся стена была исписана красными надписями. Чутье подсказывало, что это совсем не краска, а что-то другое...

Над дверью был нарисован символ, который я так долго старался забыть – отпечаток руки с глазом по центру. Подошел к нему и прикоснулся рукой – рисунок был совсем свежий. То, что я принял за краску, осталось двумя алыми пятнами на подушечках пальцев. Братство Крови. Это они.

Костя был прав, это их новое логово. Как он смог его найти? Не опустить руки, после всего того, что произошло. Нужно его отыскать. Я знаю Костин характер – при виде этого знака он мог сорваться, как бешеный пес. Взяв пистолет в обе руки, я собрался войти в здание.

Внезапный шелест позади заставил меня остановиться. Спinoй я ощущал чей-то пристальный взгляд, и ужас сковал меня своими чугунными цепями.

Нет! Я не поддамся страху вновь, я же обещал! Сделав разворот на сто восемьдесят градусов и направив пистолет в место, откуда раздался шелест, я крикнул:

– Руки вверх, чтобы я их видел! Быстро!

Из-за кустов вышла темная фигура.

2

Сегодняшний вечер должен был быть самым обычным для Константина. Он уже и не помнил, когда последний раз Лиза что-нибудь ему готовила, как в «старые-добрые»... Сейчас всё по-другому, денег хватало только сводить концы с концами. От осенней тоски и домашнего уныния могло спасти только одно – постукивающие бутылки пива в пакете и бездумный просмотр телевизора.

Уже совсем стемнело. Сегодняшний день для Константина был неудачным: пришлось разгружать еще одну фуру за то, что он разбил ящик какого-то дешевого алкоголя. Радовало его только то, что он успел прикарманить две уцелевшие бутылки, пока никто не видел.

До дома было недалеко, но Константин старался растянуть свою пешую прогулку. Только здесь он мог побыть в полном одиночестве. Проходя под светом фонарей, он ненадолго останавливался, о чем-то думал, улыбался или глубоко вздыхал, а потом шел дальше. Константина не волновали насмешливые взгляды прохожих, в глазах которых он выглядел сумасшедшим бездомным. После всего того, что с ним произошло за последние два года, эти люди были для него не более чем пылью под ногами. В отличие от своего бывшего коллеги Сергея, Константин не мог продолжать работу в органах. Тяжело.

3

Романтические свечи, пиката из курицы, бутылка дорогого вина и Сережин любимый вишневый чизкейк, – ужин обещал быть идеальным. Вера надела свое самое красивое платье. Они хорошо провели время вместе: вспоминали прошлое, наслаждались настоящим и думали о будущем, но когда тарелки были пусты, а свечи догорали, Вера переменялась в лице и с несвойственной ей робостью, сказала:

– Что ж... У меня для тебя кое что есть.

Через минуту перед Сергеем лежала маленькая коробочка в подарочной упаковке.

– Ужин да еще и подарок, разве сегодня мой день рождения?

– Открой и узнаешь!

Внутри находился детский комбинезончик.

– Детская одежда?
– Да. Я беременна! У нас будет ребенок, – ещё никогда Сергей не слышал такой радости в голосе Веры.
– Ого... Ничего себе.
– И... Ты что, не рад?
– Нет, что ты! Это невероятно! Ты невероятна, – Сергей взял жену за руку. – Ну а я... я тоже не промах. Так что наш ребенок будет удивительным. И он... он будет окружен любовью.
– Я люблю тебя...
Экран на смартфоне Сергея вспыхнул и пискнул, что сразу привлекло внимание будущего отца.
НОВОЕ СООБЩЕНИЕ:
Контакт: Костян (работа)
Сообщение: Нужно встретиться, это срочно. Позвони.

4

Константин не заметил, как добрался до своего двора. Только он хотел приложить ключ к домофону, как чей-то голос неожиданно окликнул его:

– Константин Николаевич, верно?
– Нет, вы ошиблись, – сухо произнес Константин.
– Не думаю. Очень вы похожи на этого человека в форме с фотографии.

Обернувшись, он увидел перед собой худощавого светлого мужчину в бежевом пальто. Лицо его было спокойным: уверенный взгляд, дружественная улыбка и борода-эспаньолка. Он не был похож на врага.

– Евгений Гофман – частный детектив.

Константин спросил:

– Ну, и зачем я вам понадобился, детектив Гофман?
– Я расследую дело об одной секте. А вы участвовали в расследовании. Точнее, вы и ваш бывший напарник – Сергей.
– Начальство закрыло дело. Я в органах больше не работаю, так что вам лучше сходить к моему бывшему коллеге.
– Константин, я пришел именно к вам, потому что для вас это вопрос не только служебный, но и личный. Я говорю о вашем сыне.

Услышав это, Константина почувствовал, как что-то ёкнуло внутри. Свободная рука непроизвольно сжалась в кулак. Ярость

взяла вверх над рассудком. Удар. Детектив на земле, из его носа тонким красным ручейком течет кровь.

– Слышишь, ты, Гофман, тебе чё надо? Чужой трагедии?

– Я понимаю, что вы чувствуете, Константин. Я тоже потерял из-за них близкого человека. Жену... Уже год я веду частное расследование, – детектив неуклюже поднялся и отряхнул пыль с одежды. – Кажется, я напал на их след. Я знаю, где их логово. Вот моя визитка, возьмите, позвоните, если захотите узнать подробности.

– Э... Да... Хорошо, спасибо... Вы это... За нос извините...

– Ничего, я уже сталкивался со сложными клиентами. Хороший удар. Видно, руки помнят службу.

– Да...Спасибо...

Детектив ушел, оставив Константина наедине со своими мыслями.

5

Поднимаясь по лестничной клетке, Костя размышлял о том, что произошло пару минут назад. Можно ли доверять этому детективу? Как он нашел логово секты, если полиция не могла это сделать целый год? Он не был похож на человека, потерявшего родню. По крайней мере, он не был похож на Костю.

Поднявшись на пятый этаж, Костя увидел, что входная дверь была открыта. Служебное чутье подсказывало, что здесь было что-то не так. Костя зашел в квартиру, но ничего странного не заметил. Всё было на своем месте: ничего не разбито, ничего не украдено. Только Лизы нигде не было. «Может в магазин ушла?» – подумал Костя. На холодильнике он обнаружил записку:

«Костя, ты стал совсем другим. Иногда мне страшно за свою жизнь. Когда мы ссоримся, в твоих глазах я вижу море ненависти. Ненависти ко мне, к этому миру, к этой жизни. Это был и мой сын тоже, но я стараюсь держать себя в руках. И ты старался. Но, видимо, не смог. Нам обоим будет лучше, если мы перестанем жить вместе. Прощай».

Костя сидел в своем любимом кресле и смотрел пустым взглядом в потолок. Воспоминания об их совместной жизни пролетали в голове, как слайды в проекторе. Одно из них отпечаталось особенно сильно.

Он, как обычно после рабочего дня на какой-то стройке, сидел в этом самом кресле и пил пиво.

– Опять пьешь? – Лиза не раз начинала так разговор.

– Отвали.

Костя сделал пару глотков пива с горла.

– До чего же ты докатился... У нас ведь была нормальная жизнь, Кость, слышишь? Нормальная. Зачем ты ушел из полиции?

Да... Раньше они действительно жили хорошо. Денег хватало на все, что нужно. И еще у них был прекрасный сын... Артем, радостный смех которого наполнял дом гармонией и уютом. От этих мыслей его отвлек резкий голос жены:

– Ты вообще меня слушаешь?!

– Слушаю.

– Это наш сын. И его больше нет. Смирись, нужно жить дальше. Я держу себя в руках, и ты должен!

– Ты хоть понимаешь, что говоришь?! Это секта, это она убила нашего сына! А начальство просто свернуло дело, понимаешь? Ему плевать, главное раскрываемость держать. Я ненавижу их. Ненавижу всех. Ненавижу эту жизнь! И тебя ненавижу!

Лиза оторопела. Она с трудом проговорила:

– Кто... Кто ты?

Ярость словно рукой сняло. Костины глаза больше не были похожи на звериные. Он посмотрел на Лизу, лицо его было теперь совсем другим – потерянным. Лиза, еле сдерживая слёзы, вышла из комнаты, а Костя спросил себя:

– Кто я?

6

Костя не заметил, как в кофейню вошел Сергей. Бывшие напарники крепко пожали друг другу руки, обнялись, и, присев на протертые кожаные диванчики, начали разговор.

Сергей почти не изменился за этот год. Костя рассказал ему про детектива и про его расследование. Он сказал, что у них уже есть план и что единственной его недостающей частью является Сергей, а точнее его возможности в полиции.

– Интересно... – подытожил речь своего друга Сергей, – А ты ему веришь?

– Верю, – уверенно ответил Костя. Он не стал говорить, что делает это скорее от безвыходности, а не потому, что доводы детектива показались ему убедительными.

– Хм-м... Хорошо, я помогу по старой дружбе.

Костя почувствовал облегчение, но заметил, что Сергей был вовсе не рад этой затее.

– Ты не рад, что нам удалось напасть на их след?

– Знаешь, я сейчас не в том положении, чтобы идти на авантюры – Вера беременна.

– Как беременна? У вас же никак не получалось.

– Ну вот, видимо, «никак» закончилось.

Костя, поздравил друга, но, подумал о своей семье. Жизнь несправедлива.

Они еще посидели немного, вспоминая совместную работу. Были и смешные моменты, и грустные... Закончил их диалог Костя:

– Слушай, Серег, спасибо, что пришел, правда... Давно я так не общался. Давно...

– Ну, ты чего, мы же хорошие друзья, это моя обязанность – держать тебя на плаву, – он улыбнулся и хлопнул Костю по плечу. – Только дай мне номер этого детектива. Хочу встретиться с ним лично и выяснить, можно ли ему доверять.

Костя протянул своему бывшему напарнику желтую визитку Гофмана.

Они оба встали, пожали руки на прощание. Но перед тем, как разойтись, Костя положил обе руки Сереже на плечи и сказал:

– Помнишь банду Круглого?

Сергей утвердительно кивнул.

– Я тогда остался в живых только благодаря тебе. Если бы ты не оттолкнул меня и не прикрыл своим телом, пуля прилетела бы прямо в грудь. Так что знай, когда окажемся в их логове, я буду готов прикрыть тебя так же, как и ты меня.

Сергей еще раз утвердительно кивнул, но в этот раз это был не просто кивок, в нем читалось: «Спасибо. Плечом к плечу, как раньше».

– Удачи, Костян. До встречи

– До встречи, – ответил он и, проводив полицейского взглядом, тоже вышел из заведения.

7

Детектив должен был приехать час назад. Костя уже подумал, что придется идти одному, как вдруг увидел приближающийся силуэт. Он спрятался в кусты, чтобы пронаблюдать. Человек подошел к входу, и в свете луны Костя узнал в нем Сергея. Костя

дал ему пару минут, чтобы тот сам убедился, что это вправду их логово. После этого он вылез из своего убежища.

Друзья пожали руки и, чтобы не привлекать внимания, спрятались в недавнем убежище Кости.

Костя заметил, что Сережа был совсем налегке и одет в штатское. Он думал, что сюда приедет целая оперативная группа, как они договаривались. Но, похоже, здесь они были только вдвоем. Это пугало. Настороженным Сергей тоже не был, словно приехал к себе домой. «Как-то странно это всё», – пронеслось в голове у Кости.

– Чертов Гофман, похоже, ты был прав на его счет. Кстати, я так и не спросил, о чем ты с ним говорил?

Сережа молчал.

– Серег?

– М? А... Гофман... Да, Гофман – нормальный мужик.

– Ладно, тогда идем?

Сергей осматривал свой ПМ:

– Нет. Какой-то философ сказал: «Жизнь, как Фемида с кривыми весами – слепая и несправедливая». Красиво, не правда ли?

Костя не понимал, к чему он клонит.

– Больше я ничего сказать не могу, долгая история. Прости.

Сергей направил дуло пистолета в лицо напарнику и выстрелил. Тот даже среагировать не успел, только широко раскрыл глаза от удивления. Сергей безразлично взглянул на друга, встал и пустил в его труп еще пару пуль. На всякий случай. Он постоял так еще пару секунд, засунул пистолет обратно в кобуру и направился по пыльной дороге к выходу.

Обратно он шел медленно, неуверенно и с опущенной головой. Когда же его дорожка успела так круто повернуть?

С рождением младшего брата родители уделяли маленькому Сереже все меньше и меньше времени: отец больше не читал ему книжки, а мама не пела колыбельные перед сном.

С возрастом всё только усугублялось, брат был смысленным не по годам. Там, где у Сережи получалось сделать хорошо, он делал отлично. В школе их постоянно сравнивали, и в этих сравнениях фаворитом был отнюдь не Сергей. За каждую оплошность, каждую плохую оценку ему припоминали брата.

Сергей думал, что, уйдя в академию, снимет с себя это ярмо, но нет. Даже там был тот, кто везде и во всем был лучше него. Это был Костя.

Каждый раз видя, как у Кости всё получается чуточку быстрее, чуточку лучше, чем у него, Сергей стискивал зубы и терпел. Но всему есть предел. Им стало рождение Артёма.

Костя был вне себя от радости, первым делом он рассказал об этом своему напарнику. Конечно, Сергей сделал вид, что рад за него, но, вспоминая свою жену и то, что они уже последние года три не могут завести ребенка, ощущал злость и зависть, полыхающие синим пламенем.

Когда в их городе появилось Братство Крови, всем казалось, что это обычная банда шизиков, поклоняющихся Сатане, но все было сложнее.

В расследовании полиции очень помогла женщина-детектив по фамилии Гофман. Благодаря ей, полиция поймала человека, способного пролить свет на это тёмное дело.

На допросе он только и твердил, что Братство выполнит любое желание за определенную плату, словно вербовал новых адептов. Всех в полиции это только смешило, кроме Сергея. Он пришел к психу в камеру и попросил, чтобы его приняли.

Однако нужно было доказать свою верность. «Я сделаю всё, о чем вы попросите», – с безумными глазами сказал тогда Сергей.

Убить Гофман было нетрудно. Он сказал ей, что нужно встретиться лично и скинул координаты. Это доверчивая овца и подумать не могла, что в кармане у него будет нож. Когда тело нашли, опознать её сразу не удалось – пятнадцать ударов ножом. Тогда к расследованию подключился её муж, но с ним Сергей разберется гораздо позже. Разберется, подсыпав на встрече ему в кофе лошадиную дозу снотворного и вывезет в лес. Закопанные заживо редко выбираются из своих могил.

С его репутацией в полиции никто и подумать не мог, что он причастен к этим смертям. Только Братство знало всю правду – они приняли его к себе.

Тогда Сергей и попросил быть первым везде и во всем, быть счастливым человеком. А главное, он хотел, чтобы всё это покинуло его напарника – Костю. За это они попросили жизнь того, кто был всегда лучше Сергея. Они попросили жизнь его брата.

Но Сергея это ни капли не смутило, он решил твердо идти к своей цели. Вскоре брат погиб в автокатастрофе.

А у Кости с тех пор жизнь пошла набок: неудачи на работе, разногласия с женой. Личные трагедии окружали его. Костя потерял авторитет в глазах коллег. Самым большим потрясением для него стала смерть сына. Тогда он и ушел из полиции.

Сергея это только радовало, он был на вершине. Впервые в своей жизни.

Скрип ворот. Сергей шел к своей машине и больше не думал ни о чем. Лишь фраза повисла над ним черной тучей.

«Жизнь как Фемида с кривыми весами»...

8

Последнее, что видел Костя – пустое лицо его бывшего напарника и дуло пистолета, направленное на него. А дальше была только темнота. Так вот как выглядит смерть.

Мысль о том, что его жизнь подошла к концу, одновременно пугала и удивляла. Костя думал о том, как её прожил. Хорошо? Плохо? А прожил ли? Или вся жизнь была для него борьбой с самим собой?

От этих размышлений его отвлек внезапно появившийся вдали огонек, словно от свечки. Огонек становился все больше и больше, Костя мог разглядеть в нем чей-то маленький силуэт.

– Артем? Это ты?

– Привет, папочка!

– Сынок, я так рад... Так рад, – по щекам Константина потекли слезы.

– Папа, почему ты плачешь? Ты чем-то расстроен?

– Нет, сынок, папа счастлив. Это слезы радости.

Услышав это, Артем заулыбался и сказал:

– Тогда и я буду плакать, чтобы ты был счастлив! – он засмеялся, и смех его вернул Косте все те чувства, которые он давным-давно потерял. – Папа, обещай мне, что больше не оставишь меня одного. Без тебя здесь было скучно.

– Обещаю, сынок. Обещаю.

Костя встал, взял сына за руку, и вместе они пошли туда, откуда пришел Артем.

Впервые за долгое время Костя вновь чувствовал себя человеком. Лишь за мгновение, перед тем как они растворились в сияющем белом свете, Костя услышал, как его кто-то окликнул:

– Что ты будешь делать, когда все, во что ты веришь, разрушится?

И Костя ответил ему:

– Обрету покой.

Номинация «Поэзия» 19-35 лет

1-е место Лапшин Руслан 31 год

ГОРЕ ОТ УМА

Учил Господь – все беды во грехе,
И мир с грехом пытался тем бороться.
Еретиков топили всех в реке,
Жгли на кострах, морили их в колодцах.

А Маркс учил, что деньги – это зло,
Должны равны быть люди на планете.
Кто не был равен – тех в Сибирь везло
Честнейшее правительство на свете.

А кто-то видел истину в вине,
И много «мудрых» с этой мыслью спилосьь.
Хотели мир – готовились к войне,
Потом спокойствие им только снилось.

Но вот один философ всё ж сказал,
Что на земле живет одно лишь горе.
И горе всё, как он нам указал,
Лишь от ума, с которым все мы в ссоре.

Мы ищем крайних. Кто же виноват?
А, может, дураки или дороги?
А, может быть, воруга-депутат,
Что тащит из казны трудяг налоги?

И никому не хочется признать,
Что только мы за нашу жизнь в ответе.
Самим и депутатов выбирать,
И жизнь свою на том и этом свете.

2-е место Тарасова Ксения 21 год

Мы пили чай, смеялись и мечтали,
Пока другие ставили посты.
Воздушных змеев в небо запускали –
Виднелись разноцветные хвосты.

Считали звёзды, облака считали,
Смотрели на свечение в облаках.
На крышу забирались и снимали
На «мыльницу» пылающий закат.

Пускали пузыри размером с глобус,
Пускали самолёты из окна.
И ехали, садясь в любой автобус –
Куда-то от рассвета до темна.

Мы ездили по странам автостопом,
Мы слушали гуденье поездов,
Антарктикой под нашим самолётом
Стелились миллионы облаков.

Мы пили чай, смеялись и мечтали...

3-е место Злобина Златислава 23 года

Воздух осени пахнет как жжёная карамель.
Ветер носит в ладонях хрустальный венец,
Вьётся в небо листва – эта пёстрая карусель,
Нежную трель заводит шустрый скворец.

Солнце ласково цедит по капле янтарный мёд
На растрепанный облачный пух и небесный свод,
И тихонько кромсает юный прозрачный лёд
Пробегающий бесконечный людской хоровод.

Капли пляшут чечётку на шифере хмурых крыш,
Выбивают усердно ритм по цветным куполам зонтов,
Плавит звонкий возглас дождя свинцовую тишь,
В колыбели качается россыпь сухих цветов.

Номинация «Проза» 19-35 лет

1-е место Михайличенко Елизавета 29 лет

МЕЧТА ЛЁНИ

1

Влажный воздух обнимал Лёню, тяжёлым одеялом падая на сутуленные плечи и прилипшую к спине футболку. Дождь уже закончился, и изрядно похудевшие тучи уходили на запад – туда, где сквозь них пробивались упрямые лучи закатного солнца.

Лёня, промокший и уставший, сидел на краю крыши родной многоэтажки. Под его ногами раскинулся двор, уже погружившийся в вечерний сумрак, спешили домой взрослые, медленно ползли, выискивая место для парковки, автомобили. В окнах дома напротив уже зажигался свет, но Лёню не интересовала возможность

подсматривать за чужими мирками. Он и так знал, что там, по другую сторону стекла, существует жизнь, к которой он никогда не сможет прикоснуться. Жизнь, где люди по-настоящему любят друг друга, уважают и ждут домой.

Лёне домой не хотелось. Там его никто не ждал, не уважал и не любил. Дома, в прокуренной однокомнатной квартире, раздавленная безысходностью мать в сотый раз выдраивала загаженный туалет, а отец, не отрывая мутных глаз от телевизора, открывал десятую по счёту банку пива. На кухне старший брат Андрей обжирался с очередной подружкой-на-неделю и жалел, что младшенького нет дома – не с кем «поиграть». Так он называл привычку кулаками вымещать на Лёне раздражение. Отцу на эти «игры» было наплевать, а мать давно уже не имела никакого влияния на Андрея, поэтому на все её мольбы оставить брата в покое тот лишь заявлял, что они «просто балуются».

Устав сидеть в одном положении, Лёня поджал правую ногу и скривился. Огромный синяк, похожий на пролитый пузырьёк йода, спускался почти до колена, поэтому каждое движение отзывалось тянущей, почти сладкой болью. Подобное пятно, только в два раза меньше, прилипло к левому боку, но его надёжно скрывала мокрая футболка. Это были последствия последней «игры» с братом. Лёня уже и не помнил, когда он в последний раз действительно играл – весело, с удовольствием, без страха. А ведь когда-то он с нетерпением ждал возвращения Андрея...

– Ты в курсе, что это опасно? Одно неверное движение, и твои родители очень расстроятся, – раздался сбоку насмешливый голос.

От неожиданности Лёня вцепился в жестяную обивку крыши. По телу липкой волной прокатился страх, напоследок вспенившись раздражением. Куда опаснее подкрадываться к человеку и заставить его врасплох неуместными замечаниями! Особенно если этот человек хотел побыть один. На крышу в дождь ходят не в надежде найти интересного собеседника, так что шёл бы сердобольный советник куда подальше.

Повернувшись к говорившему, Лёня замер. Незнакомый парень, ровесник Андрея, на корточках сидел на козырьке выхода на крышу. На нём были только распахнутая жёлтая жилетка с чёрным меховым воротником и кожаные штаны. Ни обуви, ни футболки. Смуглая кожа маслянисто блестела, подчёркивая рельефные мышцы, коротко стриженные волосы торчали колючим ёжиком, а в восточных чертах лица неуловимо проскальзывало что-то

звериное. Но больше всего Лёню заворожили глаза: жёлтые радужки словно светились изнутри, намекая на сверхъестественную суть незнакомца.

Мечтатель. Настоящий, живой, в покрове – кажется, так они называют свои странные пёстрые шмотки. Или не шмотки, а всё сразу: горящие глаза и костюмы в духе анимешных персонажей, нечеловеческие силу, выносливость и ловкость, неуязвимость и сверхспособности, которым позавидует любой супергерой из комикса... Лёня тряхнул головой, прогоняя захлестнувшее его восхищение. Мечтателей он ненавидел почти так же, как отца и брата. Особенно брата, который изменился в худшую сторону после того, как его мечту разбили.

Точнее, убили. Так сказал Андрей, вернувшись как-то домой с потухшим взглядом и засевшей глубоко на дне зрачков злостью. А на следующий день впервые пришёл домой пьяным и по-новому «поиграл» с младшим братом. Ещё не до синяков и ушибов, но уже тогда Лёня знал, что Андрей не остановится – слишком много в нём было жгучей обиды за потерянную возможность мечтать. Это случилось два года назад и с тех пор превратилось в привычку. Вредную и очень, очень болезненную.

– Оставь меня в покое, – зло бросил Лёня, отворачиваясь от Мечтателя.

В лицо ударил солнечный свет, прогрызший тучи насквозь, чтобы напоследок окатить город багрянцем. Закрыв заслезившиеся глаза ладонью, Лёня представил, как Мечтатель, впечатлённый его дерзостью, молча исчезает, но раздавшиеся за спиной шаги говорили об обратном.

– Скоро станет холодно, – заметил назойливый незнакомец, садясь рядом. Жесть под его весом жалобно взвизгнула, а затем захрохотала, когда парень перекинул ноги на другую сторону. – Простынешь.

Лёня убрал ладонь от лица и угрюмо посмотрел вниз.

– Какая тебе разница?

– Никакой, – со смешком отозвался Мечтатель и замолчал.

Несколько минут они сидели в полной тишине, провозжая взглядом кровавое солнце. Прилетевший откуда-то ветер разогнал душную влажность, и Лёня почувствовал, как от мокрой спины к рукам и ногам расползается дрожь. Действительно холодно – всё-таки конец апреля, до настоящего тепла не меньше месяца.

Когда мрак, прочно обосновавшийся во дворе, добрался до крыши, Лёня не выдержал и обратился к Мечтателю:

– Как тебя зовут?

– Дикий, – ответ последовал незамедлительно, словно парень только этого и ждал. – А тебя?

– Лёня.

Сказал и поморщился. Надо было назваться полным именем: Леонид в глазах окружающих выглядел мужественнее, чем домашний мальчик Лёня, похожий на потерявшегося щенка.

– И сколько тебе лет, Лёня? – спросил Дикий.

В этот раз мальчик несколько секунд размышлял, как лучше ответить:

– Почти двенадцать, – и покосился на Мечтателя в ожидании насмешки.

Но тот лишь кивнул, принимая его слова к сведению. На этом разговор иссяк – Дикий, казалось, потерял интерес к собеседнику, а Лёня не мог придумать, о чём говорить с новым знакомым. Вечерняя прохлада понемногу превращалась в ночной холод, а двор внизу озарился светом рыжеватых фонарей. Тот, что освещал подъезд дома напротив, нервно мигал, иногда гас на несколько секунд, но, спохватившись, загорался снова. Жестяная обивка крыши под Лёней тихонько дребезжала – мальчика била крупная дрожь, но он стоически терпел. Не хотел признавать, что Дикий оказался прав.

– Ладно, хватит мёрзнуть, – тот вдруг подскочил и за шкирку поднял Лёню в воздух.

Потеряв опору под ногами, мальчик на секунду решил, что его сбросили с крыши. В глазах фейерверками разлетелись цветные пятна фонарей и горящих окон, сердце налетело на рёбра и, отскочив, забило пойманным воробьём. Но не успел Лёня настоящему испугаться, как его щека прижалась к горячей, пахущей травами коже.

– Держись крепче, – приказал Дикий и прыгнул.

Лёня обхватил руками его шею и зажмурился. Мелькнула мысль, что надо сопротивляться, пока его не утащили неизвестно куда, но быстро растворилась. Одно неловкое движение – и всё закончится падением. Падать Лёня не хотел, поэтому вцепился в Дикого мёртвой хваткой, готовый до последнего держаться за жизнь. В ушах засвистел ветер, пытаясь выцарапать мальчика из надёжных рук Мечтателя, сердце опять рванулось наружу, а в следующее мгновение Лёня почувствовал мягкий толчок. Он распахнул глаза и огляделся.

Крыша, на которой сейчас стоял Дикий, почти не отличалась от той, где они сидели несколько минут назад. В один прыжок Мечтатель преодолел тридцать метров, отделяющих дом напротив, оттолкнулся и снова взмыл в воздух, чтобы переместиться на соседнюю многоэтажку. В этот раз Лёня не успел зажмуриться и теперь замер от переполнявших его восторга и страха – мир антенн и спутниковых тарелок пронёсся мимо с немыслимой скоростью. Ещё два прыжка метров по пятьдесят каждый, и Дикий рухнул вниз, словно сорвавшийся в пике истребитель. За его спиной мелькали окна двадцатиэтажки; глаза Лёни защищало от этого мельтешения и бьющего в лицо ветра. Сердце уже не боялось – оно колотилось, разгоняя по телу адреналин и пьянящую радость. Он летал, летал!

Дикий приземлился мягко, словно спрыгнул с крыльца подъезда, а не крыши двадцатиэтажного дома. Лёня наконец-то понял, почему все так восхищаются Мечтателями – они с лёгкостью обходили законы природы и могли наслаждаться полной свободой. Неудивительно, что Андрей так и не смог смириться с этой потерей. Но это не оправдывало его жестокости – Лёня понимал его чувства и в глубине души по-прежнему любил, но простить не мог. Боль, невыплаканные слёзы и поселившийся в душе страх не позволяли.

Дикий промчался сквозь заросший лесопарк, попетлял по узким улочкам частного сектора и выскочил на пустырь, за которым начиналась заброшенная стройка. Среди подростков это место называлось Котлованом – именно здесь по вечерам собирались Мечтатели со всего города. Взрослые о стройке давно забыли, словно её никогда и не было. Скорее всего, не обошлось без чьих-то сверхспособностей.

Лёня был здесь впервые. Сначала Андрей был против, считая, что брат слишком мал для знакомства с миром Мечтателей, а после «убийства» пропало желание с ним знакомиться. Почему-то Лёне казалось, что Мечтателями становятся те, у кого жизнь легка и бесппроблемна. От скуки они мечтают о всяких глупостях, а потом носятся по городу, соревнуясь, чьи способности круче. А такие, как Лёня, несчастные и забитые, загнанные в угол обстоятельствами, могут только смотреть на них из своих углов и завидовать.

Дикий перепрыгнул через высокий бетонный забор, прячущий Котлован от посторонних глаз, и поставил Лёню на ноги. На растерянного мальчика тут же обрушились громкие голоса, смех и

музыка: территория стройки больше напоминала ночной клуб, чем заброшенные развалины. Повсюду горели фонари и гирлянды, в небо уходили танцующие лучи прожекторов, по периметру гудели колонки всевозможных форм и размеров. Не меньше сотни подростков сидели, стояли и бродили вокруг залитой бетоном квадратной ямы – того самого Котлована глубиной метров десять. Лёня попытался прикинуть расстояние от одного края ямы до другого. Навскидку выходило, что около полусотни метров, а может, и того больше. Сумерки, расцвеченные танцующими огоньками, не давали определить точнее.

На противоположной стороне Котлована возвышался подсвеченный неоном скелет недостроенного здания, то ли торгового центра, то ли очередной высотки. Из бетонных плит торчали куски арматуры, на которых были развешены плакаты с рисунками – эмблемами команд, в которые объединялись Мечтатели. Между столбами последнего этажа натянули огромное полотно с оскаленной медвежьей мордой. Его подсвечивали с обратной стороны, отчего казалось, что разъярённый зверь озирает окрестности, высматривая жертву, и угрожающе взрыкивает.

Дикий, проследив за взглядом Лёни, хлопнул его по плечу и наклонился к уху, чтобы не перекрикивать музыку:

– Это наш. Группировка «Грязные гризли»: загрызём любого! Сильнейшие в «Фантазиуме».

Наверное, это было показателем крутости. Лёня не разбирался в мире Мечтателей, поэтому просто кивнул, не придумав достойного ответа. Но Дикому, кажется, ответ и не был нужен.

– Идём в Башню, там музыка не так долбит, – скомандовал он.

Схватив Лёню за руку, Дикий потащил его сквозь пёструю шумную толпу. Мальчик с раздражением вглядывался в беспечные лица и ненавидел это место. Слишком ярко, слишком громко, слишком весело. Бесконечный праздник, на который не приглашают неудачников вроде него. Что он здесь забыл? Зачем позволил случайному знакомому притащить себя в логово тех, кого ненавидит больше всего? Царящая вокруг радостная суета вгрызалась в душу и впрыскивала в неё яд отчаяния: слишком уж разительно отличался яркий Котлован от глухой беспросветной серости, ждущей его дома.

У здания-скелета Дикий подхватил Лёню на руки и без видимых усилий запрыгнул на предпоследний этаж. Ближайшие к Котловану комнаты обозначались лишь бетонными столбами и

частоколом ржавой арматуры, но дальше появлялись стены-плиты, превращавшие скелет в настоящий дом. Вслед за Диким Лёня, попавшийся на крючок детского любопытства, пробрался мимо строительного мусора, который почему-то никто не убирал, и ахнул, зайдя в следующее помещение.

Вместо бетонной коробки с провалами дверей и окон его окружила уютная атмосфера тёплого, обустроенного с любовью зала. Выкрашенные светлой краской стены, заставленные техникой столы, несколько диванов, кресла и стулья – и десяток незнакомых Лёне Мечтателей, что-то оживлённо обсуждавших у огромного, на всю стену, экрана.

– Впечатляет, правда? – подмигнул Дикий, довольный реакцией гостя. – Башня полна сюрпризов. Это только снаружи она выглядит как развалина.

Затем набрал в грудь побольше воздуха и громогласно объявил:

– Знакомьтесь, народ, это Лёня, мой новый приятель.

Подростки, толпившиеся у экрана, замолчали и обернулись. Среди них Лёня всё-таки разглядел знакомое лицо – Олеся, бывшая одноклассница брата, иногда заглядывала к ним в гости, когда тот ещё был Мечтателем. Её покров мальчик видел впервые: светлые волосы собраны в огромную гульку на затылке, на лице яркий макияж с кровавыми губами и жирными стрелками, а из одежды лишь танцевальный купальник с алой балетной пачкой. На мгновение Лёне показалось, что на полупрозрачном фатине искрятся капли крови, но он сразу отмёл эту мысль. В его голове балет и кровь никак не вязались друг с другом.

Олеся тоже узнала Лёню и радостно кинулась обниматься.

– Сто лет тебя не видела! – заявила она, прижимая мальчика к груди, обтянутой тонкой тканью. – Как вырос! А чего мокрый такой? Под дождём гулял?

Лёня не успевал и слова вставить в её бойкую тираду. У Олеси рот почти не закрывался, поэтому общаться с ней могли лишь те, кто предпочитал слушать, а не говорить.

– Эй, Хот, – окликнула она одного из Мечтателей на пару лет младше себя. На вид ему было лет четырнадцать, и он без особого энтузиазма махнул Лёне рукой. – Можешь высушить мелкого? Он дрожит весь, даже зубы стучат. Слышишь?

Хот помотал головой, но просьбу Олеси выполнил. Подошёл к Лёне, направил на него раскрытую ладонь, и мальчика окатило волной горячего воздуха. Через несколько секунд его одежда и

волосы высохли, а засевший глубоко в теле холод сменился приятным теплом.

– Спасибо, – пробормотал Лёня, и Хот криво улыбнулся:

– Не самая полезная в бою способность. Но в быту помогает.

– Да ладно тебе прибедняться, – хмыкнул Дикий, ероша Хоту волосы. – Ты просто не умеешь пользоваться своим покровом. Сколько раз говорил – попроси Снежную, она тебе объяснит принцип.

Хот начал оправдываться, но Олеся уже оттащила Лёню в угол и, усадив в кресло, принесла ему чашку с чаем.

– Пей, а то Гранд мне башку открутит, что позволила тебе заболеть, – приказала она. Затем почти без паузы продолжила: – Как у него дела? с учёбой справляется? Всё ещё с Катькой встречается? Передавай ему привет, пусть приходит в гости...

Лёня не сразу сообразил, кто такой Гранд. Лишь после упоминания Катьки – первой девушки Андрея, с которой тот расстался сразу после «убийства» мечты, – до него дошло, что это «мечтательское» имя брата.

– Андрей не придёт, – перебил Лёня Олесю.

Та замолчала на полуслове и непонимающе склонила голову набок.

– Почему?

Лёня оторвал взгляд от чашки и с ненавистью посмотрел на Олесю:

– Вы «убили» его мечту. Думаешь, после этого он захочет с вами общаться?

Сам того не желая, он повысил голос. В комнате стало тихо, и теперь все смотрели на Лёню, а он – на подругу брата, ошеломлённую его словами. Она открывала и снова закрывала рот, но в кои-то веки не могла найти, что сказать.

– Чью мечту мы убили?

Лёня повернулся к Дикому, который, судя по всему, услышал только конец их разговора. Тот, насупившись, буравил мальчика взглядом и почему-то напомнил ему медведя – того самого, с эмблемы «Грязных гризли». Казалось, одно неосторожное слово, и Мечтатель, оскалившись, бросится на Лёню, чтобы разодрать в клочья.

Но Лёня не дрогнул. Выдержал взгляд и процедил:

– Моего брата Андрея.

– Гранда, – пояснила Олеся, и её тихий голос мало напоминал привычную трескотню.

Дикий насупился ещё сильнее.

– Мы его не убивали. Он сам виноват – спровоцировал Корса на дуэль и проиграл. Я предупреждал его, но твой брат тот ещё прямой придурок, за что и поплатился.

– Вы могли спасти его! – закричал Лёня и, подскочив с кресла, расплескал на себя чай. – Но ничего не сделали! Просто позволили разбить его мечту! Оставили его ни с чем!

Брат никогда не делился с ним своими переживаниями, но Лёня и так знал, что его мучает. Пустота внутри – там, где раньше была мечта. И предательство со стороны тех, кому он доверял как самому себе. Они должны были вмешаться, остановить дуэль, защитить, спасти, сохранить! Они должны были!..

Никто не оправдывался. «Грязные гризли» молчали, отводя глаза. Знали, что виноваты. Не в том, что не спасли, – в том, что бросили, сделали вид, что это их не касается, и оставили бывшего друга гнить заживо без возможности вернуть потерянное.

Лёня поставил чашку на ближайший стол.

– Я хочу домой, – тихо произнёс он, и Дикий кивнул:

– Лебедь тебя отнесёт.

Олеся, повинувшись его приказу, подошла к Лёне и протянула руку. Тот, не скрывая отвращения, принял протянутую ладонь, и его тело словно избавилось от силы тяжести. Лёня приподнялся над полом и завис в невесомости.

– Не бойся, это временный эффект, – поспешно пояснила девушка. – Главное, не отпускай мою руку.

Она вышла из комнаты, и Лёня полетел за ней как привязанный. Прощаться он не стал – слишком злился на Дикого и его друзей. Подойдя к краю внешней комнаты, Олеся приподнялась на цыпочки и с силой оттолкнулась ногами от пола, словно делала танцевальное па. Их невесомые тела подхватил невидимый ветер и понёс прочь от Котлована и Мечтателей.

Город проплывал далеко внизу, сияя разноцветными огнями, но Лёне было всё равно. Открывшиеся виды не радовали, а вызывали раздражение. Ведь брат обладал всем этим – и потерял только потому, что никто за него не заступился! И это называется друзья...

Олеся приземлилась на крыльцо его подъезда и убрала руку. Тяжесть собственного веса, от которой Лёня успел отвыкнуть, упала на плечи, и мальчику понадобилось несколько минут, чтобы освоиться.

– Прости за то, что случилось с твоим братом, – тихо пробормотала Олеся, обняв Лёню на прощание.

Тот грубо оттолкнул девушку и зыркнул исподлобья:

– Лучше скажи это ему.

Не прощаясь, он скрылся в подъезде.

2

Лёня не знал, сколько времени провёл сначала на крыше, а затем в Котловане, поэтому в квартиру постарался проскользнуть бесшумно. Ему никогда не запрещали гулять допоздна – всем было плевать, чем он занимается. Возможно, никто даже не заметил бы, не вернись Лёня однажды домой вовсе.

Тёмный коридор встретил мальчика запахом пота, грязных носков и прокисшего борща. Где-то вдалеке журчал телевизор, на кухне мать мыла посуду. Привычная рутина накрыла с головой, смывая остатки впечатлений от полёта над городом, и теперь казалось, что знакомство с Диким и другими Мечтателями Лёне просто приснилось.

Дверь с тихим щелчком закрылась за спиной, отрезая пути к отступлению. Бесконечный мир возможностей растворился в границах квартирной клеткой, и Лёня в который раз убедился, что ему никогда и ни за что не стать Мечтателем – свободным, весёлым, беспечным. Он никогда не убежит от своего личного ада.

Он скинул кроссовки и прокрался к двери, ведущей в единственную комнату. Приоткрыл её, заглянул внутрь и первым делом нащупал взглядом часы: десять вечера, время детское, как сказал бы Андрей.

Кстати, об Андрее. Лёня прислушался, но с кухни не доносился хриловатый смех Леночки, нынешней подружки-на неделю, а смеялась она всегда, даже если ничего смешного в разговоре не было. Похоже, сегодняшнюю ночь брат решил провести вне дома. По телу пробежала волна облегчения – значит, можно не опасаться «игр», после которых к старым синякам добавятся новые.

Уже не скрываясь, Лёня вошёл в комнату и, не обращая внимания на уставившегося в телевизор отца, направился к своей кровати. Она стояла в дальнем углу, возле балконной двери, и больше напоминала заваленную мусором кучу – на выцветшем покрывале вперемешку громоздились учебники, игрушки, потрёпанные тетради, мятые футболки и джинсы, фантики, фломастеры и даже грязные тарелки. Несколько секунд Лёня раздумывал,

куда деть это добро, затем привычно сгрёб всё в охапку и переложил на подоконник. Раньше там стояли цветы – сами растения давно засохли, но цветочные горшки, как надгробные плиты, хранили память о погибших. А потом Андрей разбил их все. Кажется, это произошло на следующий день после «убийства», когда брат ещё не смирился с произошедшим. Лёня потом больше месяца спал на комьях ссохшейся земли, пока мама не решила сменить постельное бельё.

В животе заурчало. Лёня запоздало вспомнил, что с обеда ничего не ел, поэтому поспешил на кухню. Надеялся застать мать – она подобно волшебнику могла приготовить ужин из ничего.

Повезло. Столкнувшись с ней в дверном проёме, Лёня несколько виновато произнёс:

– Мам, я хочу есть.

Та тяжело вздохнула, но ничего не сказала. Развернувшись и снова побрела на кухню, в которой проводила большую часть свободного (свободного ли?) времени. Лёня ужом проскользнул следом и уселся на кривую табуретку в дальнем углу. Отсюда проглядывался вход и часть коридора, поэтому можно было заметить приближение опасности заранее и подготовиться к удару.

Нападения со спины Лёня никак не ожидал. Кухонное окно выходило на двойной балкон, протянувшийся от комнаты до кухни, но его редко открывали – разошедшиеся рамы неохотно двигались с места, уверенные, что сквозь щели между ними и так проникает достаточно воздуха. Но в этот раз окно жалобно скрипнуло, поддаваясь, и чья-то рука, схватив Лёню за шкирку, вытащила его на балкон.

В лицо пахнуло несвежим дыханием, сигаретами и кислым пивом. Андрей был дома – просто вышел покурить, не стесняясь отца и матери. Леночки Лёня не увидел, но легче от этого не стало, ведь часто подружки брата заступались за младшего, когда начинались «игры». Большинству из этих девиц не чужда была жалость.

– Пусти! – прохрипел Лёня, барахтаясь на бетонном полу.

Андрей лишь крепче сжал пальцы на его шее. Смерил брата многообещающим взглядом, а затем резко наклонился и шумно втянул воздух носом. Мгновение спустя его лицо исказилось от злости.

– От тебя воняет Котлованом, – прошипел Андрей, вдавливая брата в пол. – Ты был там.

Он не спрашивал. Он знал – знал наверняка, потому что сам неоднократно приносил домой этот терпкий запах свободы и праздника. О том, что Котлован пахнет так не всегда, Лёня ещё не знал, а Андрей не рассказывал.

– Кто? – требовательно спросил старший брат, нависая над младшим.

Тот сразу понял, о чём речь.

– Дикий.

Андрей на несколько секунд закрыл глаза. Его холодные пальцы больно впивались в шею Лёни, сквозь ткань футболки мальчик чувствовал каждую крошку на грязном полу, и по телу снова расплзалась дрожь – от холода, голода и страха. Это уже не «игры», где можно обойтись синяками. Склонившийся над Лёней брат больше не прикрывал ненависть баловством, он действительно был настолько зол, что запросто мог сломать ему что-нибудь.

– Дикий, сука, – процедил Андрей сквозь зубы. – Вечно лезет, куда не просят.

Затем медленно открыл глаза и, приподняв Лёню, снова уронил его на пол. Лопатки больно ударились о холодный бетон, страх комом забил горло, не давая сделать вдох.

Андрей наклонился к брату вплотную и зло выдохнул в ухо:

– Если узнаю, что ты водишься с этими тварями, урою. Сломаю ноги и выкину с балкона, и пусть твои новые дружки превращают тебя в Мечтателя, раз тебе так не терпится!

Лёня испуганно заскулил. Угрозам брата он верил безоговорочно, особенно сейчас, когда его пальцы стискивали шею, а вторая рука, сжавшись в кулак, зависла над лицом.

– Андрей! – закричала мать, перегибаясь через распахнутое окно и хватая старшего сына за плечо. – Прекрати немедленно! Ты его убьёшь!

Её панический крик разнёсся по ночному двору и запутался в проводах. Лёня затравленно смотрел в перекошенное лицо брата и ждал развязки. Отпустит или ударит? А может, нарушив обещание, сразу выбросит с балкона?

– Ты меня понял? – спросил Андрей, не реагируя на крики матери.

Лёня медленно кивнул, и стальная хватка на шее разжалась. Андрей поднялся на ноги и брезгливо вытер ладони о джинсы. Пнул брата напоследок в ногу, прямо в синяк, и бросил:

– Пошёл вон, маменькин сынок.

Лёня залез через окно обратно на кухню, засадив десяток заноз в ладони, и без энтузиазма взялся за ложку. Есть больше не хотелось. Мать причитала, ругая Андрея, но так тихо, чтобы в комнате никто не услышал. Боялась, что и ей достанется от потерявшего всякий стыд сына, хотя он никогда не поднимал руку ни на кого, кроме брата.

– Спасибо, я наелся, – пробормотал Лёня, отставляя почти полную тарелку.

Не раздеваясь, он забрался в кровать и попытался уснуть под бубнёж телевизора. Перед глазами плавали яркие пятна, напоминающие лучи прожекторов над Котлованом. А в груди тугим узлом пульсировала обида. Обида на Мечтателей, веселящихся где-то там, пока Лёня страдает от издевательств. Обида на Андрея, который срывал злость на брате, хотя тот не имел никакого отношения к «убийству» его мечты. Обида на родителей, которым было наплевать. И обида на самого себя, слабого, беспомощного и на миг позволившего себе увлечься ярким миром Мечтателей.

3

Выйдя из школы последним, Лёня остановился на крыльце и огляделся. Весеннее солнце вовсю грело, обнимая умытый дождём город. Игривый ветерок разносил по улицам запахи сдобы, кофе и просыпающейся от зимнего сна земли. Эти ароматы кружили голову и наполняли грудь предчувствием чего-то нового, захватывающего и непременно важного. Как будто вместе с ветром на Лёню надвигались перемены.

Мальчик тряхнул головой, отгоняя глупые весенние мысли. Он уже давно не верил в перемены, приходящие вместе с весной, – жизнь всегда оставалась такой же тусклой и душной, возвращаясь в привычное русло, стоило отзвенеть последнему в учебном году звонку.

– Привет, приятель.

Лёня от неожиданности запнулся о ступеньку и едва не слетел кубарем с крыльца. Крепкие руки вовремя поймали его и поставили на ноги. Мальчик посмотрел на поймавшего его парня и попытался вспомнить, где мог его видеть. Смуглый, черноволосый, с хищным лицом, незнакомец явно не учился в этой школе – слишком взрослый, лет семнадцати-восемнадцати, широкоплечий и подтянутый, вместо школьной формы джинсы и толстовка. Другом брата он тоже не был, Лёня бы запомнил. Тогда откуда это назойливое чувство узнавания?

– Дикий?! – изумлённо воскликнул он, поймав, наконец, отголосок воспоминания.

Парень усмехнулся и подмигнул.

– Что, без жилетки не узнать?

Лёня, смутившись, помотал головой. Не в одежде дело. В глазах. Сейчас на него смотрели обычные карие глаза, в которых не было ничего «мечтательского». Это и сбивало с толку, мешая ухватить нужный образ.

– Зачем ты пришёл?

Первый восторг узнавания прошёл, и теперь Лёню охватили сомнения. В ушах эхом отозвались вчерашние слова брата, да и с Диким они расстались на плохой ноте. Сложно поверить, что тот решил наладить отношения с пацаном, с которым у них не было ничего общего.

Дикий засунул руки в карманы и задумчиво пожевал губу, избегая смотреть на Лёню. Словно и сам не мог до конца понять, зачем пришёл.

– Наверное, хотел убедиться, что Гранд... то есть, Андрей ничего тебе не сделал, – наконец, ответил Дикий. – Он сильно изменился после того, как потерял покров и способности Мечтателя. Я догадывался, что с ним что-то не так, но вчера окончательно убедился. Он тебя бьёт?

Последний вопрос он задал, в упор посмотрев на Лёню. Тот поджал губы и упрямо помотал головой, не желая сдавать брата.

– Нет, – соврал мальчик, но рука сама потянулась к шее, где с утра вспухли багровые отёки.

Дикий, всё поняв, наклонился и оттянул воротник Лёниной рубашки, впервые застёгнутой под самое горло. Его брови сошлись на переносице при взгляде на следы пальцев.

– Совсем с катушек съехал! – в сердцах бросил он, и Лёня испуганно отпрянул, решив, что это относится к нему.

Но Дикий уже не смотрел на мальчика, он что-то искал в телефоне, а затем поднёс его к уху. Несколько секунд ожидания, и злобный рык:

– Сбросил, сука!

Снова нажал на экран. Сброс. Ещё раз. Дикий упрямо набирал чей-то номер снова и снова, а Лёня с ужасом понимал, кому именно он звонит. Андрею. Иного и быть не может.

– Не надо! – закричал мальчик, бросаясь к Дикому и пытаясь выхватить трубку, но тот ловко увернулся.

В этот же момент Андрей наконец сдался и ответил. Лёня услышал его разъярённый голос:

– Пошёл на х...

– Зачем ты издеваешься над ребёнком? – перебил его Дикий, и от его тона у Лёни по спине побежали мурашки. – Не хватило силёнок, чтобы справиться с Корсом, так теперь отыгрываешься на беззащитном брате? Решил почувствовать себя способным хоть на что-то? Ты жалок!

Теперь ему точно крышка. Лёня обречённо замер, понимая, что Андрей его убьёт. Вышвырнет с балкона назло Дикому. Возможно, даже повесит фотку его распостёртого на асфальте тела вместо медвежьей морды на последнем этаже Башни.

Ответа брата Лёня не расслышал. Его слова, искажённые связью, слились в непрерывный гул, напоминающий шум кислотного, ядовитого дождя, разъедающего листья и кору деревьев. Попадая на кожу, он вызывает аллергию, после которой ещё несколько дней хочется чесаться, и никакие мази не спасают.

– Тронешь его хоть пальцем – сломаю тебе руку, – предупредил Андрея Дикий. Выслушал ответ и с хищной усмешкой добавил: – Да, как Мечтатель я тебе ничего не могу сделать. Но если буду без покрова, никто и слова не скажет. Законы «Фантазиума» я знаю не хуже тебя, так что сделаю всё честно, по-человечески.

Дождь в последний раз плюнул ядовитым ругательством и затих. Дикий тяжело вздохнул и спрятал мобильник в карман.

– Надеюсь, это хоть немного вправит ему мозги, – он виновато улыбнулся и взъерошил и без того спутанные волосы Лёни. Затем снова вздохнул: – Твой брат не первый, кого подкосила «смерть». Я видел немало таких же, озверевших от свалившейся на них пустоты, и не думаю, что сам отреагировал бы по-другому, лишившись своего покрова. В такие моменты я начинаю думать, что Серена права. Надо стирать память тем, кто потерял мечту...

Лёня молчал. Спокойный, уверенный голос Дикого не приносил ему облегчения – мальчик не сомневался, что Андрею наплевать на угрозы и запреты бывшего друга. И что теперь делать? Украсть немного мелочи и уехать на время к бабушке с дедушкой на другой конец города? Может, Андрей переберется и забудет...

Не забудет.

– Он меня убьёт, – прошептал Лёня, и глаза защипало от подкативших слёз. – Что ты наделал?

Дикий положил горячую, сильную руку ему на плечо и ободряюще сжал:

– Не убьёт. Андрей не настолько свихнулся, чтобы причинить вред собственному брату. К тому же, он знает, что я от своих слов не откажусь. Тронет тебя – и будет иметь дело со мной.

– Вот только мне уже будет всё равно.

В том, что до утра он не доживёт, Лёня не сомневался. Не глядя на Дикого, он поплёлся домой, с каждый шагом убеждаясь в неотвратимости смерти. Ботинки стучали об асфальт, забывая гвозди в крышку его гроба.

«Убьёт! Убьёт! Убьёт!» – звенели лужи.

«Так тебе и надо!» – вторил ветер, налетая на едва распустившие листочки деревьев.

«Зря связался с Мечтателями. Так и знал, что надо держаться от них подальше», – думал Лёня.

Дикий догнал его и пытался что-то объяснить, что мальчик не слушал. Мечтатель словно перестал для него существовать. Вот кто просил его вмешаться? Прав был Андрей: Дикый лезет, куда не просят, и всё портит. Ему, свободному и счастливому, со сверхспособностями и в крутом покрове, не понять проблем обычного школьника.

Лёне стало так жалко себя, что он, не выдержав, заплакал. Злые слёзы потекли по щекам, царапая и кусая обветренную кожу, а горло, и без того саднящее после стычки с братом, превратилось в наждак. Было больно, горько и обидно. Почему они все не могут оставить его, Лёню, в покое? Что он им всем сделал? Не хочет он быть никаким Мечтателем, тусоваться в Котловане и заниматься всякой ерундой! Он просто хочет... хочет... хочет...

Так и не осознав, чего именно хочет, Лёня сорвался с места. Рюкзак лупил по пояснице и гремел карандашами в пенале, Дикый кричал что-то вслед, но мальчик бежал прочь, словно только так мог освободиться от навалившихся на него проблем.

Он устал, как же он устал от всего этого!

4

До самой темноты Лёня бродил по городу. Он боялся возвращаться домой – знал, что там его ждёт разъярённый Андрей. О том, что брат с ним сделает, мальчик успел нафантазировать вдоволь, и с каждым часом картинки в его голове становились всё мрачнее. Лишь проголодавшись, Лёня свернул к дому. Живот бунтовал, мысли лениво ворочались, и даже страх встречи с братом

притупился. Хотелось, чтобы всё поскорее закончилось. Умирать так умирать.

Зайдя в подъезд, Лёня прислушался. Тихо. Из квартиры не доносилось криков или смеха, а значит, Андрея либо нет, либо он занят. Вспыхнула и тут же погасла надежда: а вдруг пронесёт?

Не пронесло. Стоило входной двери закрыться, как из комнаты вышел брат. Не дав Лёне разуться и снять куртку, Андрей налетел на него и повалил на пол. Звонкая оплеуха обожгла ухо, из горла вырвался панический вопль, и мальчик замолотил руками, пытаясь освободиться. В темноте коридора с грохотом упала подставка для обуви, рассыпалась мелочь из карманов, а в рюкзаке что-то жалобно захрустело.

– Я... тебя... предупреждал! – пропыхтел Андрей, сопровождая каждое слово новым ударом. Пока ещё не кулаками, а открытой ладонью, но от этого было лишь унижительнее.

На крик прибежала мама. Лёня, потерявший ориентацию в пространстве, слышал её перепуганный голос:

– Андрей! Хватит! Пожалуйста, остановись!

Затем звучный удар и мамин всхлип, от которого тело пронзило ледяной вспышкой. Неужели Андрей поднял руку на мать? Не может быть...

– Не вмешивайся. Он заслужил. Я его предупреждал! Предупреждал, чтобы не связывался с этими выродками из Котлована, а он на следующий же день побежал к ним! Ты что, не понимаешь, что они с ним сделают? То же, что со мной! Нет, даже хуже! Они... они... превратят его в монстра! Бросят в яму! И будут натравливать на всех, кто им не нравится, а потом смотреть, как его мечту разбивают, рвут на части, сжигают заживо! Они убьют его!

Андрей кричал, мать сдавленно рыдала, а Лёня с ужасом смотрел в потолок, терявшийся в коридорном полумраке, и пытался придумать выход. Извиниться? Попытаться что-то объяснить? Сбежать? Или молча смириться с происходящим в надежде, что брат побьёт его и успокоится?

– Что тут у вас происходит? – разнёсся над головами зычный, но немного невнятный вопрос.

Шум, устроенный Андреем, совершил невозможное – заставил отца оторваться от телевизора. На лицо Лёни упал свет, вырвавшийся из комнаты, и от этого тусклого жёлтого луча внутри загорелась отчаянная вера в то, что теперь-то всё наладится. Отцу не всё равно! Он вмешается, поставит Андрея на место, успокоит

мать и поднимет Лёню с грязного пола. Глава семьи наконец-то выполнит свой долг и сделает их семью семьёй.

Отец оглядел царящий в коридоре кавардак, на секунду задержал взгляд на рыдающей матери и с раздражением выругался.

– Устроили здесь чёрт знает что! – рявкнул он, возвращаясь в комнату, к телевизору. – Из-за вас ни хрена не слышно! Хотите выяснять отношения – валите на улицу, а мне завтра на работу, не даёте отдохнуть человеку...

Дверь за отцом закрылась, а вместе с этим в Лёне что-то сломалось. Он не столько услышал, сколько почувствовал глухой треск между ключицами, словно кто-то наступил на сухую ветку. Лёня закусил губу, чтобы сдержать всхлип, и закрыл глаза. Почему? Почему всё это происходит именно с ним? Чем он заслужил такое отношение? Почему отцу всё равно, что Андрей избивает Лёню и мать? Почему мать не может хоть раз в жизни принять волевое решение и уйти от отца, которому всё равно? Почему брат, его любимый, весёлый, неунывающий брат превратился в жалкого труса, вымещающего собственную боль на Лёне? Почему он должен жить в такой «семье»? В чём он, Лёня, виноват и перед кем? Он ведь просто хотел... хотел... хотел...

– Я просто хочу исчезнуть, – прошептал Лёня, и по левому виску потёк колючий ручеёк. – Я так устал от всего этого... Я так устал...

– Ты устал? – переспросил Андрей. – Ты, сопляк, устал? От чего? От того, что у тебя вся жизнь впереди? Что тебя ждут Мечтатели? Что Дикий ради тебя жопу рвёт? От этого ты устал, да?

Мать, по-прежнему рыдая, причитала:

– Андрей, пожалуйста... Пожалуйста... хватит... Андрей...

Безысходность ситуации давила Лёне на грудь, забивалась в горло, царапала грудь изнутри. Сколько ещё раз он будет беспомощно лежать на грязном полу и ждать, что кому-нибудь станет не всё равно? Когда уже кто-нибудь придёт и заберёт его из этого ада? Где этот чёртов выход, который всегда есть?

– С меня хватит.

Лёня открыл глаза и посмотрел на Андрея. Тот, оскалившись подобно символу «Грязных гризли», прорычал:

– Нет, это с меня хватит! Думаешь, раз с Мечтателями подружился, теперь брат тебе не указ? Я тебя научу, сопляк! Я тебе покажу, что с тобой сделают в Котловане!..

Он замахнулся, но рука, сжатая в кулак, прошла сквозь Лёню, не причинив ему никакого вреда. Мать, испуганно вскрикнув, обмякла – от увиденного её сознание не выдержало.

– Пробудился, значит? – пробормотал Андрей, растерянно глядя на брата. На его лице отразилась смесь зависти и гордости. – Можешь сказать мне спасибо. Ты теперь Мечтатель, как и хотел.

Боль отступила. Мокрые носки в промокших насквозь кроссовках больше не липли к ступням, живот перестал урчать, а в груди вместо давления обосновалась пьянящая лёгкость. Лёня ещё не до конца понимал, что именно с ним произошло, но чувствовал, что теперь всё будет иначе. Он больше не позволит издеваться над собой. Он наконец-то обрёл силу, чтобы сбежать из клетки обстоятельств.

– Я могу сказать тебе только одно: оставь меня в покое, – тихо ответил Лёня, поднимаясь с пола.

Вместо мятой, грязной школьной формы и куртки на нём были просторная футболка и широкие штаны. Белая ткань, казалось, излучала мягкое свечение. С худых рук исчезли все шрамы и царапины, синяки на шее, боку и ноге больше не ныли. Босые ступни не чувствовали холода. Тело наполняла лёгкость, словно его снова взяла за руку Олеся. Лёня протянул руку к стене, и та, не встречая сопротивления, погрузилась в выцветшие обои.

Андрей скептически хмыкнул.

– Ты теперь что, призрак? Думаешь, это спасёт тебя от проблем? – Он привалился спиной к входной двери и с ненавистью посмотрел на брата. – Покров ничего не изменит. «Фантазиум» уничтожит тебя, и Дикий будет первым, кто вцепится тебе в глотку.

Лёня повернулся к нему и вздохнул:

– Может, хватит уже? Достал со своим Диким. Я не собираюсь вступать в ряды Мечтателей и с кем-то драться. Я не ты.

Не дожидаясь ответа Андрея, он прошёл сквозь него и входную дверь. Лестничная площадка, к счастью, оказалась пуста, иначе вполне можно было довести кого-то до сердечного приступа – не каждый день сквозь двери проходят мальчишки в белых одеждах. Лёня улыбнулся этой мысли и, оттолкнувшись, перелетел лестничный пролёт. Как будто действительно стал невесомым призраком.

Через минуту он уже стоял на крыше и смотрел вдаль. Вдоль линии горизонта едва заметно розовела полоска умирающего заката, а воздух над городом дрожал от потоков искусственного све-

та. Налетевший на Лёню ветер растрепал волосы и убежал дальше, оставив после себя горьковатый запах жжёной резины.

– Привет, приятель.

Лёня обернулся. Дикий сидел на козырьке и улыбался, но мальчику показалось, что в этой улыбке слишком много от звериного оскала. Жёлтые глаза оценивающе пробежались по покрову Лёни и прищурились.

– Поздравляю. Теперь ты один из нас.

Лёня улыбнулся – мягко и печально – и покачал головой:

– Нет, Дикий. Я не один из вас. Я сам по себе, поэтому, пожалуйста, оставь меня в покое.

Тот непонимающе нахмурился и одним прыжком оказался рядом.

– Ты не можешь...

– Могу, – перебил его Лёня. – Я теперь всё могу. Поэтому буду делать только то, что хочу, а я хочу, чтобы от меня все отстали. – Он пристально посмотрел на Мечтателя и повторил: – Все без исключения.

Дикий хмыкнул, но спорить не стал. Бросив напоследок предостерегающий взгляд, он исчез, и Лёня остался один.

– Наконец-то, – прошептал он и вдохнул полной грудью. – Наконец-то они все исчезли.

Именно об этом Лёня и мечтал.

2-е место Черкашина Анна 31 год

БАБУШКА ВАЛЯ

– Ещё один подъезд, а потом сразу домой.
– Хорошо, мамочка! – закивала головой семилетняя Варя. А её сестра – третьеклассница Танюша добавила:
– Отлично поколядовали в этом году. Да, мамуль?
– Да, отлично, – заулыбалась мама. – Но у нас ещё куча дел. А потом на службу, в храм.

Рождественский вечер в этом году выдался необычайным. Таким он обычно выглядит в сказках и фильмах: тишина и крупные хлопья снега. Они мягко ложатся на одежду и лицо. Нежно устилают землю. Абсолютная гармония.

Да и поколядовали хорошо. Во многих квартирах открывали двери. И нигде они не встретили сегодня сердитого лица. Все улыбались, благодарили.

Варя и Таня очень любили колядовать. Специально каждый год учили новые колядки. Их мама Елена Ивановна поощряла дочек в интересе к старинным традициям. И каждый раз ходила вместе с ними.

В первый раз колядовали по своему подъезду, потом – по соседним. А в этом году решили сходить в ближайший дом. Подаренные сладости мама обычно разрешала девочкам оставить себе, а собранные деньги они отдавали на добрые дела. И Варюша с Танюшей каждый раз сами решали, кому хотят помочь.

На пятом этаже никто не открыл двери.

– Наверное, все ушли в гости или уехали, – предположила мама.

В одной из квартир на четвёртом жила молодая пара. Они послушали, поулыбались и положили девочкам в специально вышитый мешочек шоколадку и сто рублей.

В другой квартире открыла женщина средних лет.

– Хорош с медком оладушек! А без меду – не таков. Дайте, тетя, пирогов! – тут же громко выдала Варя.

– Пирогов не напекла, – засмеялась женщина. – А печеньки подойдут?

Мужчина из квартиры напротив подарил им ёлочную игрушку. «Сегодня же Рождество», – сказал он, протягивая маленького белого ангела.

Поблагодарив, сестрёнки с мамой спустились на третий этаж и нажали на очередную кнопку звонка.

– Эх, наверное, никого нет, – вздохнула Варя.

– Слышишь шаги? Кто-то идёт, – заметила Таня.

Дверь распахнулась и на пороге показалась маленькая сухонькая старушка. Одета она была в простенькое платье с цветочным узором. На плечах лежала шаль. Она вопросительно улыбнулась.

– А мы колядовать пришли! – решительно заявила Варя.

– Ой, как хорошо, – тихо сказала старушка и опять улыбнулась.

Варя продолжила:

«Поздравляем с Рождеством,
Мы пришли сюда с добром,
Вы подайте нам немножко,
Пирожочка на дорожку,
Чтобы счастье к вам пришло,
Чтоб во всем вам повезло!»

Тут к ней подключилась Таня:

«Ночь волшебная идет,
Добрая, святая,
Радость светлую несет,
Души озаряя.
Открывайте ворота
Коляде идущей,
Накануне Рождества
Счастье вам несущей,
Чтобы полон был ваш дом
И добром, и благом,
Хорошо чтоб жили в нем
Без забот и тягот».

– Спасибо вам, девочки, – расцвела старушка. Но потом вдруг погрузилась:

– Только у меня совсем нет конфет... Как же мне вас отблагодарить? Ой, кажется, на кухне есть печенье! Она быстро засемила по коридору. Но вернулась с пустыми руками.

«Увы, печенье уже старое», – грустно сказала она и вздохнула.

Потом торопливо стало рыться в карманах изношенного пальто, одиноко висевшего на вешалке в коридоре. Достала маленький кошелёчек.

– Сейчас, сейчас, мои хорошие, – суежилась она.

Распахнутый кошелек был практически пуст. Где-то на дне кармашка притаились немногочисленные монетки. Девочки этого не видели и выжидающе смотрели. А их мама мигом оценила ситуацию, и кровь прилила к её щекам.

«Какой ужас, у неё же совсем нет денег. Как же неудобно вышло... Так неловко. Что же теперь делать?!» – думала она.

Старушка тем временем достала монетки, стала судорожно их пересчитывать. Старенькие пальцы не справились с задачей, и монетки со звоном посыпались на пол. Старушка попыталась присесть, чтобы их подобрать, но не смогла. Варя тут же кинулась их собирать.

Елена Ивановна с ужасом подумала о том, что сейчас дочь положит монетки в мешок для даров. Но дочь собрала их и протянула хозяйке: «Держите!».

– Спасибо, деточка, – ответила та. И вдруг разрыдалась.

Девочки затихли.

– Бабушка, вы чего? – осторожно спросила Варя.

Старушка ничего не отвечала. Слёзы продолжали катиться по морщинистым щекам.

– Ну что же вы, не надо, не плачьте, – приобняла её Елена Ивановна. – Не плачьте. Всё хорошо. Пойдёмте, пойдёмте...

Она повела женщину в кухню и усадила на стул. Взяла кружку, налила воды.

– Ну вот. Держите. Пейте. Всё хорошо, – тихо приговаривала мама. А Варя с Танюшей с испуганными глазами стояли рядом. Кухонька была чистая. Но на всём вокруг лежал отпечаток бедности. Чистеньким занавескам на вид было уже лет тридцать. Деревянные шкафчики явно прибыли сюда не из магазина, а были сделаны каким-то умельцем-самоучкой.

В этот тихий рождественский вечер стол был пустым и на кухоньке не витали искушающие запахи. Только с чёрно-белых

фотографий на стенах смотрели счастливые глаза, полные юношеских надежд.

Через несколько минут все уже сидели на диване в комнате. И слушали Валентину Григорьевну – так, оказывается, звали эту милую старушку.

– Муж мой, Николай Степанович, умер пять лет назад. А деток-то у нас и не было никогда. Не вышло, – развела руками Валентина Григорьевна, – С тех пор я одна. Всю жизнь работала учительницей истории. Вот тогда было время! Была жизнь... а теперь что?! Никому я не нужна. Ученики, конечно, изредка заходят проведать. По праздникам, в основном. В остальное время я сама с собой воюю, – она замолчала и вздохнула.

– Да, тяжело одной... И пенсия наверняка очень маленькая? – спросила Елена Ивановна.

– Да нет.... Мне раньше хватало, Леночка, – стыдливо опустила глаза Валентина Григорьевна. – Но вот два года назад поставили диагноз – рак. Но вот всё живу, живу и никак не помру. А лечение дорого обходится. Поистратилась совсем...

У Елены Ивановны зазвонил мобильник.

– Девочки, вы пока тут посидите, поговорите, я отвечу и вернусь, – Елена вышла из комнаты.

На том конце трубки беспокоился муж:

– Ленусь, ну вы где? Уже в храм собираться пора.

– Витя, послушай... Мы сегодня не пойдём в храм, – прошептала она.

– Случилось чего?

– Вить, всё хорошо. Просто у нас сегодня будет гость. Важный. Мы скоро придём. Накрывай на стол, – попросила Елена Ивановна и отключилась.

Елена вернулась в комнату и весело сказала:

– Ну что, Валентина Григорьевна, собирайтесь!

– Куда? – испугалась старушка.

– Как куда? К нам в гости! Сегодня же праздник какой замечательный – Рождество! Будем отмечать!

– Ну что вы, Леночка, – запротестовала Валентина Григорьевна, – Спасибо за приглашение! Но не надо. Я лучше тут посижу. Телевизор посмотрю...

– Ну нет, отказы не принимаются! Успеете ещё телевизор посмотреть, – засмеялась Елена Ивановна. – Одевайтесь, мы вас в коридоре подождём.

Через полчаса вся весёлая компания наконец-то ввалилась домой, где суетился папа Витя.

– Здравствуйте, я Виктор, – улыбнулся он гостю. – Давайте повешу ваше пальто.

– А я – Валентина Григорьевна, – скромно проронила она.

Тут уж все стали суетиться и заканчивать приготовления к ужину.

– Ух, и проголодалась же я! – сказала Варя, потирая руки и усаживаясь за стол.

Мама засмеялась.

Эта ночь выдалась необычной для всех. Мама, папа и девочки впервые проводили её не в храме, а дома.

«Сходим завтра», – подумала Елена Ивановна, посмотрела на мужа и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

Валентина Григорьевна сидела за столом, и всё для неё казалось сказкой: красиво украшенные и вкусные блюда, живой разговор и добрый смех.

Слёзы постоянно подкатывали к глазам, но она больше не давала им скатиться по щекам. На минуту замечталась, представила, что Лена – её дочь, Витя – зять, а Варя и Таня – внучки. Что нет больше её страшного диагноза и впереди много счастливых минут.

– А где ваши родители? – спросила Валентина Григорьевна Лену и Витю.

– Мои живут в другом городе. Мы всегда ездим к ним летом. А Витюшины погибли... в аварии, – коротко ответила Лена и замолчала.

Через несколько минут бойкая Варя спросила:

– Мама, наверное, под ёлкой можно уже поискать подарки?

– Может, уже и пора, – с видом заговорщика подмигнул ей папа.

И девочки с радостными криками побежали в комнату, где уже стояли заботливо обернутые и подписанные коробки с рождественскими сюрпризами.

– Это твой, Таня! – Варя отдала коробку сестре, – А этот – ваш! – сказала она Валентине Григорьевне и протянула коробку.

– Мой?! – удивилась та. – Ты, наверное, что-то напутала, Варюша.

– Нет, посмотрите, написано «Валентине Григорьевне», – невозмутимо ответила Варя.

Старушка взяла коробку, которую Лена успела быстро упаковать, пока все сидели за столом, и положить под ёлку. В коробке лежали чай и конфеты.

– Спасибо! – расцвела Валентина Григорьевна.

Лена с Витей только улыбнулись в ответ. А Варя побежала в детскую. Вернулась оттуда довольная и протянула свою маленькую ладошку Валентине Григорьевне. На ладошке лежала звёздочка.

– Это мы в школе делали. Ёлочная игрушка, – пояснила она. – Хочу вам подарить. Нравится?

– Какая красота, Варенька, – приобняла её Валентина Григорьевна. – Конечно, мне очень нравится!

Домой старушку провожали всей семьей. Девочки по дороге дурачились и кидали друг в дружку снежками. А потом все вместе искали на небе рождественскую звезду.

– Подождите меня. Я сейчас, – попросила Валентина Григорьевна, когда вся веселая компания поднялась вверх, в её квартиру.

Пока все топтались в коридоре, Валентина Григорьевна сложила в коробку свои рождественские дары. Для Лены выбрала свои любимые бусы, для Вити – позолоченные запонки, оставшиеся от мужа. А девочкам решила подарить книжки по истории.

Когда Валентина Григорьевна вернулась в коридор и протянула коробку с подарками, Витя с Леной смутились.

– Не надо, Валентина Григорьевна, ну зачем...

– Ну что вы, ребята... Не обижайте меня. Я ж от всей души, – настаивала она.

– Ну хорошо, – сдались они. – Большое спасибо! «Какое чудесное Рождество. Какой подарок сделал мне сегодня Господь. Завтра я проснусь, и всё это покажется мне прекрасным сном. Сном, в котором я была кому-то нужна и любима», – с грустью думала Валентина Григорьевна.

Пришло время прощаться. Они ещё раз поздравили друг друга с праздником.

Девочки с родителями вышли из квартиры и уже собирались спускаться по лестнице. Но тут Варюша обернулась и спросила:

– Бабушка Валя, а вы завтра к нам придёте? Или давайте мы за вами зайдём?

Валентина Григорьевна стояла в замешательстве и не знала, что ответить.

– Мы же завтра все вместе пойдём в храм? – спросила Варюша.

– Давайте лучше мы за вами зайдём, – подключилась Таня. – В восемь, хорошо?

– Хорошо, – с радостью и удивлением согласилась Валентина Григорьевна.

– Ну вот и договорились, – улыбнулся папа Витя.

Валентина Григорьевна закрыла дверь и ещё раз повторила: «В восемь».

Потом молча побродила по комнате, достала из шкафа юбку и нарядный платок. Отутюжила всё и повесила на стул.

Засыпая, опять повторила: «В восемь!». Улыбнулась. И сама себе пожелала: «Спокойной ночи, бабушка Валя!».

3-е место Лапшин Руслан 31 год

ДОЛЯ БЫВШЕГО КУПЦА

Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг.

Откровение 3:17

– Отойди с дороги, куда прёшься?! Шастает рвань всякая, так и просится под колёса!

И бородатый возница в тулупе и новой лисьей шапке больно ударил плёткой оборванного и грязного пожилого мужчину, который переходил улицу прямо перед повозкой, запряжённой парой холёных лошадей. От удара плетью мужчина отскочил в сторону и посмотрел на возницу. Всё лицо этого ещё не старого человека было в глубоких морщинах, глаза, словно покрытые матовой пеленой. Из них текли слёзы. Весь вид его говорил об ужасной душевной муке и страданиях, которые он перенёс. Одет он был в рваный старый тулуп, дырявую шапку, ватные штаны с за-

платками, на ногах прохудившиеся валенки. Возница посмотрел на него и снова огрел плетью:

– Я тебе что сказал? Проваливай с дороги к чёртовой матери, сукин сын!

И пожилой мужчина, весь сжавшись от боли и унижения, поспешил перейти улицу и скрыться от безжалостного возницы.

Ноябрьское небо было серым и унылым. Шёл мокрый снег, ветер пронизывал до костей. Под ногами – лужи и грязь. Мужчина сначала шёл по улице Галяпина, затем вышел на Середохрестну, а с неё повернул на Троицкую. Мимо него мчались редкие повозки с домашней утварью, одеждой, зерном, домашним скотом и птицей, с мукой и прочими съестными запасами. Кто-то спасал своё добро, а кто-то спешил спрятать награбленное. А некоторые повозки везли отобранное у зажиточных крестьян и богачей на склады для нужд новой власти. Прохожие, которые встречались на его пути, тоже куда-то спешили о чём-то говоря, а нередко и споря друг с другом, иногда переходя на повышенные тона или даже на крик. Разговоры в основном касались обсуждения нового режима: что он даст крестьянам и рабочим, будет ли он лучше предыдущего и станут ли все жить в мире и братстве, в тепле и сытости. Новое время... Пожилого мужчину всё происходящее вокруг приводило в ужас дня. Что же будет дальше? Что за времена наступили? Есть ли конец этому смутному времени, или Бог решил покарать Россию за грехи, совершённые её государством и народом, и пути назад нет? Слишком много вопросов и ни одного ответа...

Продолжая идти по Троицкой улице по направлению к Свято-Троицкому храму, мужчина повернул голову налево. Это его дом. Точнее, уже бывший дом... Возле этого двухэтажного здания стояли четверо солдат с винтовками и красными бантами, приколотыми к шинелям. Над входной дверью дома на древке развивалось красное полотно. Сердце мужчины забилось так часто, что готово было выскочить из груди, а дыхание перехватило. Неужели конец всему? Всей той прекрасной, тихой и сытой жизни? Да будет проклята эта ненавистная революция!

Мужчина остановился напротив входа и, со слезами на глазах, которые текли, не переставая, не отрываясь, смотрел на дом, который построил его отец, и в котором он сам прожил столько лет. Этот дом в самом центре слободы Алексеевка был доказательством богатства его владельца. Построенный без особых изысков, но просторный и уютный, он был отличным жильём для состоятельного купца и промышленника. А теперь в нём обосно-

валась чернь со своей властью. Где справедливость? Пожилой мужчина с этими мрачными мыслями отвернулся от дома и продолжил путь к храму.

Уже было около пяти часов вечера. За этот день мужчина прошёл по всей слободе. Он проходил мимо своего имения и водяной мельницы на Красном Хуторке, мимо своей суконной мастерской и своего маслозавода, мимо купеческого клуба и домов своих друзей и партнёров по обществу взаимного кредита Ковшова, Гончаренко, видел дома Шапошникова и Санжарова, расположенные рядом со своим. Вся эта частная собственность уже была национализирована. И теперь это всё было с приставкой «бывшее»...

Мужчина подошёл к Свято-Троицкому храму. Его он посещал во время служб и молебнов ещё вместе со своим отцом, а потом и сам. Каждое воскресенье он приходил в этот храм, чтобы поставить свечки и помолиться Господу Христу и святым. Но сейчас храм был закрыт. Новой власти стала не нужна религия, стал не нужен Бог... Воистину бесовская власть...

Мужчина помолился, стоя лицом к закрытым на амбарный замок дверям храма, перекрестился и упал на колени. В это время он вспомнил всю свою жизнь, всю свою сытую, обеспеченную и такую замечательную жизнь. А то, что происходило сейчас, можно было только, и то с натяжкой, назвать существованием...

Он вспомнил, как вместе с другими членами Общества взаимного кредита и прочими состоятельными и уважаемыми людьми слободы проводил вечера в купеческом клубе, как договаривался о сделках по продаже продукции своих завода и мастерской с предпринимателями в городах губернии, вспомнил своё имение и свой фруктовый сад на Красном Хуторке... Как же хочется снова лечь в тени деревьев в собственном саду и смотреть в необъятное и чистое небо! Но, видимо, судьбе угодно иначе...

Но за что именно на него Бог ниспослал такое горе? Чем именно он виноват пред Ним? И вспомнил, как требовал деньги от простого бедного мужика за то, что тот собрал несколько упавших и уже подгнивших яблок из его сада, как наказывал рабочих за малейшую провинность, как искал поводы вычесть хоть что-нибудь из и так небольшого заработка рабочего, придирался ко всему. Правда, ведь именно он построил на свои личные средства здание земской больницы: двухэтажное, красивое, просторное. Но, наверное, это благое деяние не смогло перевесить всех несчастий, которые он причинил людям. И вот теперь настало время распла-

ты. А ведь всё это корысть... И где теперь его деньги, имущество? Что толку теперь в том, что они когда-то у него были? Теперь он беднее своего самого нищего рабочего: у него нет даже куска хлеба, чтобы утолить страшный голод. Он не ел уже три дня...

Силы покидали мужчину. Продирающий до костей ветер, мокрый и противный снег... Нужно было искать место для ночлега. Но куда пойти? Он никому не нужен в этом новом мире...

– А-а-а-а-а!!! Таценко! Ничего себе, какая встреча!

И кто-то ногой пнул мужчину в спину, отчего тот упал лицом в грязь.

– Ну что, хозяин, много ты людской крови попил. Каково тебе сейчас, а, ваше сиятельство?

И пожилой мужчина ощутил на себе удар сапогом в бок.

– Теперь сдохнешь, как собака под забором. За всё тебе воздастся. С голоду помрёшь, тварь, и никто не подаст тебе руки. Я и сам убил бы тебя, но руки марать не хочу. Да и не долго тебе осталось. Таких, как ты земля долго на себе носить не будет.

И незнакомец ещё раз пнул ногой мужчину, плюнул в него и ушёл. Мужчина поднял голову и посмотрел вслед уходящему. Наверное, это был бывший работник купца. Работники его явно ненавидели. И для этого у них были все основания.

Мужчина, держась одной рукой за бок, по которому пришёлся удар сапогом, а другой упершись в землю, встал на колени и медленно поднялся. Утерев правым рукавом своего рваного тулупа лицо, мужчина снова заплакал. И вспомнил, как ещё несколько месяцев назад эти самые рабочие смотрели на него с боязливым раболепием, и абсолютно все в этой слободе, да и за её пределами, обращались к нему не иначе, как по имени и отчеству: Георгий Константинович. Да, он был очень уважаемым человеком. Его отец, Константин Михайлович Таценко, был очень состоятельным торговцем и промышленником. Он умел ценить каждую копейку, был невероятно скуп, но всё же всегда выделял деньги на благотворительность. Таким же был и его сын, потомственный купец, Георгий Константинович. Именно благодаря скупости и умению ценить и экономить даже грош, семья Таценко и была состоятельной и процветающей. Но всё уже в прошлом...

На улице уже почти совсем стемнело. И Георгий Константинович побрёл в сторону здания земской больницы, которое построил за свой счёт. Подойдя ко входу в это здание, он застыл, глядя на дверь. Он боялся, что сейчас, когда он постучит и попросит дать ему переночевать внутри, его снова прогонят, с оскорб-

лениями и пинками. Но наконец он решился и постучал. Дверь открыла молодая медицинская сестра.

– Кто вы? Что вам здесь нужно?

– Пожалуйста, не дайте замёрзнуть и умереть. Впустите переночевать... – голос Таценко звучал униженно и в нём слышался тон мольбы.

– С чего вдруг я должна вас впустить? – удивилась девушка.

– Так больница ж эта на мои деньги построена, голубушка.

– Так вы Таценко?! – в глазах девушки читались одновременно удивление и какой-то ужас.

– Да, это я... Впустите?

– Ну что ж, заходите... Жалко мне вас.

– Благодарю, голубушка, от всего сердца. Дай Бог тебе здоровья! – и пожилой мужчина упал перед ней на колени.

– Поднимитесь сейчас же и заходите, пока я не передумала. Спать будете в коридоре на полу.

– Как скажете... – с грустью в голосе произнёс бывший купец.

Мужчина вместе с медсестрой зашёл в здание, и дверь за ним затворилась.

«Всё-таки есть ещё на свете кто-то с доброй душой, значит, может быть и изменится всё к лучшему?» – подумал Таценко.

Декабрь 1919 года. В одном из сугробов жителями слободы Алексеевка был найден замёрзший труп старика в рваном, прохудившемся тулупе, без шапки. Он пролежал в снегу несколько дней и скончался, по-видимому, от голода и холода. Один из жителей, нашедших труп, опознал в нём бывшего купца Таценко Георгия Константиновича...

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «МЛАДОСТЬ»	ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «ПРОБА ПЕРА»
Людмила БРАГИНА 3	Максим ПЕТРУК.....117
Олег РОМЕНКО40	Карина БЕРЕЗА118
Юлия РЯДИНСКАЯ56	Сергей ЗЕНИН.....118
Светлана СЕРГЕЕВА.....69	Валерия ЖИЛИНА119
Ирина КУЧЕНЮК77	Валерия ТАСКАЕВА.....121
Илья ЧЕСНОКОВ.....80	Иван ГОВОРУЩЕНКО125
Галина СТРУЧАЛИНА89	Руслан ЛАПШИН..... 134,162
Галина ЦЫБАНЬ..... 104	Ксения ТАРАСОВА135
Анастасия СЕРЕБРЯНСКАЯ..... 108	Златислава ЗЛОБИНА.....136
Марина ЩЕНЯТСКАЯ..... 111	Елизавета МИХАЙЛИЧЕНКО ..136
Ростислав ЧИЖОВ..... 114	Анна ЧЕРКАШИНА.....156

Редакционная коллегия:

Брагина Л.П.
Роменко О.С.
Рядинская Ю.С.
Сергеева С.А.
Кученюк И.Д.

ГРАНИ САМОЦВЕТОВ

Коллективный сборник

Подписано в печать 17.01.2022 г.
Формат 600х840 1/16. Гарнитура Cambria.
Уч. изд.л. 7,19. Усл. п.л. 10,44
Тираж 230 экз. Заказ № 54.
Издательство ООО «Литературный караван»
Напечатано в типографии «СИГМА» ИП Данилюк Л.П.
Адрес: г. Белгород, ул. Архирейская, 8. Телефон: 8 (4722) 205-201